

Дэймон НАЙТ

Рассказы

АНАХРОН
БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ, ИЛИ ДВЕРЯМИ НЕ ХЛОПАТЬ
БИЛЕТ ВО ВСЕЛЕННУЮ
ВРЕМЕНИ ХВАТИТ НА ВСЕ
КРАСОТКА НА ЗАКАЗ
МАСКИ
НАКАЗАНИЕ ДЛЯ ДЖОРДЖИ
ПАЛКА ДЛЯ ИДИОТА
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО
РИПМАВ
СТАНЦИЯ "ЧУЖАК"
СТРАНА МИЛОСТИВЫХ
СЮЖЕТНЫЙ ПОВОРОТ
ТЯГА К НЕПОРОЧНОСТИ
ХУДОЖЕСТВО
ЮНГА
НОЧЬ ОБМАНА
ПРИБРЕЖНЫЙ БРОДЯГА

Дэймон НАЙТ

БИЛЕТ ВО ВСЕЛЕННУЮ

1

Ричард Фолк был психически здоровым человеком. Три месяца назад, насколько он мог судить, он оставался единственным психически здоровым человеком в мире безумцев.

Теперь он был мертвым человеком.

Он лежал в металлическом гробу размерами двадцать ярдов на три, без воздуха, без звуков. Под прозрачным забралом шлема, на которое осел иней замерзшего воздуха, его губы были ярко-синими, а щеки, нос и лоб бледно-фиолетовыми. Его неподвижная плоть промерзла насквозь. Он не двигался, не дышал, не думал. Не жил.

Рядом с ним, пристегнутый ремнями к его скафандру, лежал металлический ящик с надписью: "Сердечный зонд Скато. Инструкция внутри".

Вокруг него, закрепленные на стенах широкими полосами липких лент, располагались всевозможные ящики, канистры, бочонки и обтянутые мешковиной коробки. Груз. Гроб Ричарда Фолка был грузовым кораблем, отправляющимся на Марс.

В замороженном мозгу человека хранились аккуратно уложенные воспоминания - такие же, как при жизни. Только сейчас каждая клеточка мозга была изолирована морозом. Энтропия мозга упала до нуля. Верхними в копилке памяти, ожидая пробуждения, которое могло и не наступить, лежали воспоминания о последних часах его жизни.

Когда корабль стартовал, Фолку пришлось ждать, пока не утихнет танец молекул в его корпусе, пока все тепло корабля не уйдет в космическую пустоту. Затем снова ждать, выключив обогреватель скафандра и слушая тишину, пока не иссякнет живое тепло его собственного тела. Сначала онемели пальцы рук и ног, затем нос и уши, губы и щеки. Наконец всю его

плоть свело судорогой пронзительной ледяной агонии. Человек смотрел, как его дыхание наполняет шлем морозным туманом, как холодные капли воды собираются на еще более холодном пластике забрала.

Это было непросто, и требовало храбрости. Поспешишь - и замерзающая в теле жидкость кристаллизуется, прорвав стенки клеток миллионом иголочек льда. Промедлишь - и холод отнимет возможность действовать, не даст совершить последний шаг в неподвижность.

Фолк ждал, пока в его тело не вползло фальшивое тепло умирания. Ласковый палач, который отнимает у приговоренного тело, действуя не острым топором, а ленивым покоем. Тогда Фолк резко бросил тело меж двух связок груза, растолкал ящики в сторону и добрался до нагой стенки корпуса. Там, распластав руки, как парящий в небе орел - крылья, он умер.

Добровольное распятие себя.

Корабль висел в центре звездной сферы, неподвижный, как и положено skleпу. Так было долго... как долго? Никак, ибо здесь не было никого живого, воспринимающего течение времени. Время ничего не значило для мертвого груза корабля. Здесь не происходило событий. Даже автоматические приборы управления застыли, охлажденные почти до абсолютного нуля. Только крошечный поток электронов иногда пробегал по ним.

Но вот щелкнуло реле. Дрожь пробуждения прошла по механизмам, передалась всему корпусу корабля. Слабый щелчок сдвинул с места лавину событий. Радиолокационная установка в носу корабля начала передавать сигналы через фиксированные промежутки времени. Защелкали другие реле, и вот проснулись двигатели, что-то коротко проговорили и смолкли. На мгновение корабль вновь превратился в движущийся предмет: камешек, брошенный с планеты на планету. Двигатели ожили еще на миг, потом еще. Затем, после долгого скольжения в пустоте, корпус корабля наконец соприкоснулся с молекулами атмосферы. Корабль нырнул в воздух Марса, вынырнул обратно, и снова нырнул, и снова вынырнул, облетая планету. Щелкнуло последнее реле, и гроб Фолка - грузовая капсула - выпала из поддерживающих рам. В металлическом скелете корабля снова заработали двигатели, унося его обратно, в лишенные времени глубины.

Над грузовой капсулой, падающей вниз, раскрылся парашют. При здешней плотности воздуха в условиях земной гравитации такой парашют не смог бы замедлить падения капсулы. Но здесь, на Марсе, его оказалось достаточно, чтобы погасить скорость.

Капсула упала в марсианский песок. Труп Фолка внутри начал медленно оттаивать.

Стучало его сердце. Это было первым, что осознал Фолк после пробуждения. Он благодарно слушал негромкие ритмичные звуки. Грудь его поднималась и опускалась, поднималась и опускалась. Он слышал, как свистит воздух в ноздрах и чувствовал, как вздрагивает вена на виске.

Затем возникло ощущение покалывания - наполовину щекотка, наполовину боль - в руках и ногах. И наконец он увидел красноватый свет, пробивающийся под закрытые веки.

Фолк открыл глаза.

Он увидел бледное размытое пятно, сфокусировал зрение и понял, что это лицо человека. Человек отошел на минуту, затем вернулся. Теперь Фолк видел его вполне отчетливо. Молодой, лет тридцати. Бледные щеки выбриты до синевы. Черные прямые волосы слегка взъерошены. Очки в тонкой черной оправе. По обе стороны тонкогубого рта пролегли иронические морщинки.

- Ну что, уже все в порядке? - спросил он Фолка.

Фолк пробормотал ответ непослушными губами, и лицо придвинулось ближе. Во второй раз у Фолка получилось разборчивее.

- Вроде да.

Молодой человек кивнул. Он взял с кровати какой-то предмет и принялся разбирать его на части, складывая их в отделения металлической коробки. Теперь Фолк увидел, что это сердечный зонд. Выпуклый корпус, приборы

управления, короткая игла толщиной с капилляр.

- Где вы это взяли? - спросил молодой человек. - И какого дьявола вы делали на грузовом корабле?

- Зонд я украл, - ответил Фолк. - Скафандр тоже, да и все остальное. Выбросил груз, чтобы скомпенсировать свой вес. Я хотел попасть на Марс. Другого способа не было.

Молодой человек уронил руки на колени.

- Украл, - повторил он, не в силах поверить. - Украл. Значит, вы не подвергались аналоговой обработке. Так?

Фолк усмехнулся.

- Подвергался, еще как. Раз десять. Только она на меня не действует.

- Он чувствовал себя невероятно усталым. - Дайте мне немного отдохнуть, ладно?

- Конечно. Простите меня.

Молодой человек ушел, и Фолк закрыл глаза, возвращаясь к медлительному круговороту образов, которые заполняли его мозг. Он вспомнил во всех подробностях последние часы перед смертью, боль и страх умирания. Если позволить психике похоронить травму незалеченной, она рано или поздно напомнит о себе. Фолк снова и снова перелистывал воспоминания, впитывал в себя ощущения тех минут. Не отторгнуть боль и страх, а - принять, осознать, и жить дальше.

Спустя некоторое время молодой человек вернулся с чашкой горячего бульона, и Фолк с благодарностью выпил его. Потом он незаметно для себя соскользнул в сон.

Когда Фолк проснулся, он был гораздо сильнее. Он попытался сесть, и, к своему легкому удивлению, проделал это вполне успешно. Его хозяин, который сидел в кресле на противоположной стороне комнаты, отложил трубку и подошел, чтобы подсунуть Фолку под спину подушки. Потом он снова сел в кресло. Комната была загромождена разными предметами. Пахло затхлостью. Пол, стены и потолок комнаты были одинаково металлическими, покрытыми эмалью. Здесь было множество книг и столько рулонов ленты с записями. Они занимали все полки и возвышались стопками на полу. С ручки двери свисала грязная рубашка.

- Поговорим? - предложил молодой человек. - Меня зовут Вольферт.

- Приятно познакомиться. Меня - Фолк... Я думаю, вы хотите прежде всего узнать, что у меня за странная история с аналогами.

- И почему вы здесь.

- Причина одна и та же, - ответил Фолк. - У меня иммунитет к аналоговой обработке. Я не знал этого наверняка, пока мне не исполнилось десять лет - но, думаю, я таким родился. С семи лет, помню, другие ребята стали рассказывать о своих ангелах-хранителях, ну и я тоже стал делать вид, что у меня есть ангел. Знаете, как это водится у детей? Все, что угодно, только чтобы не отстать от других.

Целых три года я не знал - то ли все остальные тоже притворяются, как и я, то ли действительно я один лишен невидимого ангела-хранителя, который может говорить со мной. Насчет невидимости я был совершенно убежден. Я считал, что остальные ребята лгут, будто могут видеть ангелов. Ну, а есть хранители на самом деле, или нет, - это совершенно другой вопрос. Правду сказать, он меня не особенно-то и волновал.

Когда мне было десять лет, я совершил первую кражу. Я очень хотел прочесть книгу, которую отец никогда бы мне не купил. Продавец смотрел в другую сторону, и я просто взял и сунул ее под куртку. Смешно - я уже наполовину прочитал ее, и только тогда сообразил. Это же было доказательством того, что у меня нет ангела! К тому времени, видите ли, я решил, что никогда не видел своего хранителя просто потому, что не совершал плохих поступков. Я этим гордился, и немало... только так уж получилось, что я очень хотел прочесть ту книгу.

Слава богу, у меня хватило ума сжечь книгу, когда я ее дочитал. Если бы я этого не сделал, вряд ли бы я дожил до зрелых лет...

Вольферт хмыкнул.

- Да уж, вряд ли, - согласился он. Он неотрывно смотрел на Фолка, и в глазах его читались интерес и настороженность. - Даже один-единственный лишенный аналогового контроля человек может перевернуть весь мир. Но, мне казалось, невозможность иммунитета доказана теоретически?

- Я много об этом размышлял. Если верить классической психологии, иммунитета быть не может. Я не обладаю повышенной устойчивостью к гипнотическим медикаментам, они действуют на меня совершенно обычным образом. Но сенсорный механизм просто не отвечает. У меня была бредовая идея, что я - мутант, возникший как ответ природы на аналоговую обработку, которая есть фактор, мешающий выживанию вида. Но на самом деле я ничего не знаю. Мне так и не удалось найти никого подобного мне.

- Хм-м, - сказал Вольферт, попыхивая трубкой. - Мне кажется, следующим логичным шагом для вас было бы жениться и завести детей. Может, они тоже окажутся иммунными?

Фолк горько глянул на него.

- Вольферт, я не хочу вас обидеть, но... Вы можете себе представить уютное семейное гнездышко в мире маньяков?

Бледные щеки Вольферта медленно залила краска. Он вынул трубку из рта, долго разглядывал ее и наконец произнес:

- Да, я понял. Я знаю, о чем вы.

- Может быть, и не знаете, - сказал Фолк, думая при этом: "Я его обидел. Но что я мог сделать?" - Вы на Марсе уже десять лет, правда?

Вольферт кивнул.

- Дела в мире идут все хуже и хуже, - сказал Фолк. - Я взял на себя труд проглядеть кое-какую статистику. Данные найти нетрудно. Чертовы идиоты ими гордятся! Количество пациентов, содержащихся в психиатрических лечебницах, медленно понижалось начиная с 1980 года, когда была принята всемирная программа аналоговой обработки. Применение аналогов с той же скоростью росло. Эти две кривые симметричны. Одна компенсирует другую.

Все меньше и меньше людей отправляется в сумасшедший дом - не потому, что произошел прогресс в методах лечения, а потому, что вновь усовершенствована аналоговая обработка. Человек, который пятьдесят лет назад был бы помешанным, сегодня управляется галлюцинацией, которая заставляет его поступать так, будто он нормален. Для окружающих он нормален. Внутри же - окончательно и бесповоротно безумен. Но это не самое страшное. Человек, который пятьдесят лет назад был бы лишь слегка психически неуравновешенным, попал бы в психолечебницу и был вылечен - это человек сегодня столь же безумен, как и первый! Это больше не имеет значения. Все люди до единого могут быть законченными маньяками, но заведенный на планете порядок не нарушится.

Вольферт принужденно улыбнулся.

- Ну так что с того? По крайней мере, на планете теперь мир.

- Конечно, - отозвался Фолк. - Никаких войн - исчезла самая возможность войны. Ни убийств, ни краж, вообще никаких преступлений. Потому что у каждого есть полисмен под черепом. Но действие влечет за собой противодействие, Вольферт - в психиатрии так же, как и в физике. Тюрьма - это место, откуда человек стремится сбежать, пусть даже у него уйдет на это вся жизнь. Надавите на один поршень, другой поднимется. Я считаю, что пройдет еще десять-двадцать лет, и кривая помешательства вновь возрастет. Потому что единственный путь бегства от тирании хранителей лежит в сторону дальнейшего безумия. И, в конце концов, будет достигнут порог, за которым никакие аналоги не помогут. И что они станут делать тогда?

Вольферт задумчиво выбил трубку и поднялся с кресла, машинально посасывая мундштук.

- Мне кажется, - сказал он, - под словом "они" вы подразумеваете психиатров, которые фактически правят Землей. Судя по всему, вы уже решили, что будете делать лично вы?

Фолк улыбнулся.

- Да. С вашей помощью отправлюсь на звезды.

Вольферт на мгновение застыл.

- Значит, вы знаете, - медленно сказал он. - Что ж... Пойдемте в соседнюю комнату. Я вам покажу.

Фолк знал, что Дверь существует. Но он понятия не имел, как она выглядит.

Это был параллелепипед из материала, который выглядел, как гладкое коричневое стекло. Десять футов в высоту, шесть в длину и шесть в ширину. Внутри, ближе к дальней стенке, на уровне груди располагался рычаг странной формы. Больше всего он был похож на старомодную трость с набалдашником, которая две трети длины шла параллельно задней стенке, а дальше изгибалась под прямым углом. Набалдашник был обращен к передней стенке Двери.

И больше ничего.

Купол Вольферта был построен вокруг Двери и из-за нее. Дверь была единственной причиной дорогостоящего пребывания Вольферта на Марсе.

- Так вот она какая, - произнес Фолк и шагнул к Двери.

- Стойте на месте! - резко сказал Вольферт. - Перед входом - сигнализация.

Фолк остановился и посмотрел сначала на Вольферта, а потом на металлические ящики, прикрепленные к полу по обе стороны от Двери. Теперь, приглядевшись к ним внимательно, он заметил линзы проекторов "черного света", а над ними - металлические конусы, которые, надо полагать, служили разрядниками. Вольферт подтвердил его догадку.

- Если когда-нибудь что-то появится из Двери, лучи должны задержать его. А на тот случай, если они его не задержат, здесь есть я.

Он положил руку на скорострельный автоматический пистолет в кобуре на поясе.

Фолк медленно опустился на скамью у стенки.

- Почему? - спросил он. - Почему они так боятся того, что может прийти через Дверь?

Вольферт неуклюже прислонился к стенке и принялся набивать трубку.

- Значит, вся история вам неизвестна, - сказал он. - Расскажите мне, что вы знаете, а я заполню пробелы.

- Мне удалось раскопать тот факт, что Дверь существует, - с расстановкой начал Фолк. - Что первая марсианская экспедиция семьдесят шестого года ее обнаружила и каким-то образом узнала, что Дверь представляет собой межзвездную транспортную систему. Однако нигде не было указаний на то, что Дверью воспользовались. После того, как отказались от идеи колонизации Марса, был оставлен человек для охраны Двери - ваш предшественник, я полагаю. Но я совершенно не знаю причин, которыми были продиктованы эти действия.

Вольферт мимолетно улыбнулся и выпрямился. Он принялся расхаживать взад-вперед по комнате, лишь изредка поглядывая на Фолка.

- Да, это транспортная система, тут вы абсолютно правы, - начал он. - Стоит поместить какой-либо предмет в этот параллелепипед, нажать на рычаг, и предмет исчезнет. Вместе с большей частью ломика, которым вы нажимаете на рычаг. Фьють - и нету!

Мы понятия не имеем, каков возраст Двери, и не располагаем способами его определить. Материал, из которого она сделана, тверже алмаза. Сейчас вы видите только часть устройства. Примерно половина его находится под землей. В таком виде Дверь и нашли - прямо посреди пустыни. Я полагаю, она снабжена каким-то механизмом, который следит за тем, чтобы верхняя часть всегда находилась на поверхности грунта, какие бы процессы не происходили с почвой.

На Марсе были обнаружены руины других построек - каменных, довольно примитивных. Ничего похожего на Дверь. Первая экспедиция раскопала подземную часть Двери в надежде найти механизмы, приводящие ее в действие. Они ничего не нашли. Там просто нет ничего, похожего на механизмы с нашей точки зрения. - По губам Вольферта снова скользнула невеселая улыбка. - Это трудно пережить. Физики, которые пытались разобраться в Двери,

чувствовали себя недоразвитыми детишками.

Мы знаем, что марсианская Дверь - это часть межзвездной сети. Один человек все-таки прошел через Дверь. Когда группа людей из первой экспедиции обнаружила в пустыне странный параллелепипед с рычагом внутри, один из них шагнул внутрь и нажал на рычаг, чтобы выяснить, что произойдет. Ну, он-то это выяснил - для себя. Думаю, что никто из нас никогда не узнает, что с ним произошло. Вторая экспедиция привезла на Марс уйму мощных передатчиков, испускающих всевозможные волны, и отправила их через Дверь. Первый сигнал получили через пять лет, он шел откуда-то со стороны Регула. Через семь лет засекли еще два передатчика, на тринадцатый год - еще четыре. Все сигналы шли с разных направлений. Восемь передатчиков пока не нашлись.

Вольферт перестал рассказывать по комнате и посмотрел на Фолка.

- Теперь вы понимаете? Дверь работает по абсолютно случайному принципу. Можно пройти сквозь нее и оказаться на неизвестной планете неизвестной звезды. Но для того, чтобы вернуться обратно методом проб и ошибок, понадобится миллион лет. - Он постучал трубкой о ладонь и вытряхнул ее прямо на пол. - Вот она - Дверь, ведущая к звездам. И мы не можем ей воспользоваться.

Фолк откинулся на стену, осознавая сказанное.

- Может быть, сеть охватывает всего десяток звезд, - предположил он.

Уголки тонких губ Вольферта опустились.

- Не говорите глупостей, - сказал он. - Неужели раса, способная построить это, - он обвел рукой стеклыстый параллелепипед, - ограничилась бы десятком звезд? Или тысячей? Черт побери! Да они владели всей Галактикой! - Он принялся нервно набивать трубку. - Шестьдесят миллиардов звезд. А, если верить последним теориям, все звезды главной последовательности имеют планеты.

Он снова показал рукой на Дверь.

- Почти триста шестьдесят кубических футов. Хватит места для одного человека и припасов на месяц. Или для пятнадцати человек и припасов на неделю. Такова предельная численность отряда колонистов, который мы могли бы послать... И никаких гарантий, - резко добавил он, - что они попадут туда, где смогут прожить хотя бы минуту.

- Да, это обескураживает, - согласился Фолк. - Но я по-прежнему не понимаю, зачем здесь вы, да еще с пистолетом. Если представитель расы, построившей Дверь, явится сюда - должен сказать, его появление представляется мне крайне маловероятным - это будет очень важным событием. Только зачем убивать его, как только он выйдет?

- Проклятье! - яростно сказал Вольферт. - Это не я решал. Я просто работаю здесь.

- Я понимаю, - сказал Фолк. - А вы не догадываетесь, каковы причины такого решения?

- Страх, - не раздумывая, отозвался Вольферт. - Слишком многое поставлено на карту. - Он снова прислонился к стене и принялся жестикулировать трубкой в такт словам. - Отдаете ли вы себе отчет, что мы могли бы основать колонии в других звездных системах и без этой находки, самостоятельно? Да-да, именно так. Не сейчас, конечно, но через пятьдесят лет, или через сто - если бы мы над этим работали. Если найти источник энергии, которого бы хватило на разгон корабля в течение восьми месяцев, земная экспедиция достигла бы ближайших звезд на протяжении человеческой жизни. А знаете ли вы, почему этого не будет?

Они боятся. Они боятся основать колонии даже здесь, на Марсе, или на спутниках Юпитера - потому что до них будет слишком долго лететь с Земли. Пять лет, десять лет. Представьте себе, что в такой колонии что-то пойдет не так. Например, появится человек, который, подобно вам, имеет иммунитет к аналогам. Или кто-то сумеет избежать обработки. А потом этот человек доберется до аналоговых машин и перестроит программу. Допустим, он изменит только одну директиву: "Вы не должны делать ничего, что противоречит политике и интересам Земли". И вот мы имеем два различных сообщества, а не

две части одного. А дальше...

Фолк угрюмо кивнул:

- Война. Да, теперь я понимаю. Они не осмелятся пойти даже на минимальный риск, что такое случится.

- Речь не идет о смелости, Фолк. Они просто не могут этого сделать. Такова одна из директив аналоговой обработки власть предержащих.

- Значит, человек никогда не попадет на звезды.

- Ну разве что, - сказал Вольферт, - из этой Двери когда-нибудь появится кто-то, кому известно, как она работает. Лучеметы установлены на большую мощность, но не максимальную. Мы надеемся, что они не убьют пришельца, только оглушат его. Если это его не остановит, и он попытается уйти обратно в Дверь, я буду стрелять, чтобы обездвижить его. Ранить, а не убить. Моя аналоговая программа изменена не так сильно, как вы подумали. Но остановить его надо непременно, чтобы он не вернулся к себе и не предупредил остальных держаться подальше от этой станции. Потому что если мы получим точное знание, как управлять системой Дверей, чтобы осуществлять переброску в заданный пункт, а не наугад...

- ...тогда человечество сможет основать колонии, - закончил за него

Фолк. - Все они будут от Земли - рукой подать. Все одинаковые. Маньяки расползутся по всей Вселенной... Знаете, я надеюсь, что никто никогда не придет через эти Двери.

- Думаю, ваши надежды оправдаются, - сказал Вольферт.

2

Фолк обошел купол станции вместе с Вольфертом. Время от времени они останавливались, чтобы Фолк отдохнул. Смотреть, в общем-то, было не на что. Кроме комнаты с Дверью и спальни, которые соединяла не замеченная Фолком прежде смотровая щель, на станции было еще шесть помещений. Комната, где находились радиостанция, радарная аппаратура и компьютер, управляющий касательными орбитальными траекториями грузовых ракет. Другое помещение занимала энергостанция и компрессор, который поддерживал необходимое давление воздуха. Еще были кухня, ванная комната и две кладовки.

В комнате с радиоаппаратурой было окно. Фолк долго смотрел на марсианскую пустыню, окрашенную сейчас в фиолетовый цвет, ибо солнце как раз опускалось за горизонт. Совершенно чужой пейзаж. Звезды непривычно ярко блестели в почти черном небе, и Фолк обнаружил, что его взгляд невольно устремляется к ним.

Он мысленно провел огненные нити между звездами. "Кошачья колыбелька" из звезд. Мысль о том, что завтра он будет стоять на планете под лучами одного из этих далеких светил подействовала на него, как ледяной душ. Сознание отворачивалось от этой мысли, как от размышлений о собственной смерти. И в то же время идея притягивала его. Фолк чувствовал себя, как мальчишка на краю черного омута, неподвижная вода которого может скрывать сокровища - или смерть. Он боялся нырнуть, но знал, что иначе поступить не сможет.

Как может человек не стремиться перешагнуть порог, зная, что дверь открыта?!

Вольферт внезапно сказал:

- Вы не спросили, доложил ли я на Землю о том, что нашел вас в грузовой капсуле.

Фолк перевел взгляд на него.

- Доложили, конечно, - спокойно сказал он. - Это не играет роли. Я уйду раньше, чем они успеют что бы то ни было предпринять. Вы скажете им, что я одолел вас и сбежал через Дверь. Они не смогут доказать, что это ложь. Разве что ваша аналоговая программа включала запрет лгать...

- Нет, - сказал Вольферт. - Я способен на ложь. Пусть будет так,

только лучше я скажу им, что вы так и не оправились после замораживания. Умерли во сне. А труп я сжег. Но почему вы решили, что я вам помогу?

- Просто потому, что вы здесь, - сказал Фолк. - Вы - доброволец, ведь при помощи аналогов пока еще не умеют заставлять людей выбирать нелюбимую работу. Хотя, я думаю, до этого тоже дойдет. Когда вы заговорили, я сразу понял, что вы умный человек. Стало быть, вы отшельник. Вам, как и мне, не нравится сумасшедший дом, в который превратили Землю.

- Не знаю, - медленно произнес Вольферт. - Быть может, вы преувеличиваете наше сходство. - Он опустил взгляд на свою неизменную трубку и принялся утаптывать табак ногтем большого пальца. - Я не настроен так радикально против аналоговой обработки или против нынешнего правительства. Я вполне приспособился к современной системе, и неплохо чувствую себя в своем маленьком личном мирке. Я понимаю, что когда-нибудь человечество придет к катастрофе, но это меня не слишком волнует. Меня к тому времени уже не будет на свете.

Он искренне глянул на Фолка.

- Но звезды манят меня, - признался Вольферт. - Это не рациональная позиция, а эмоции... Видите пистолет? Он не заряжен. Никакое оружие из того, что у меня есть, не заряжено. В моей аналоговой программе забыли предусмотреть этот пункт.

Фолк уставился на него.

- Послушайте, - внезапно сказал он, - вам ведь ввели директиву, которая запрещает вам шагнуть в Дверь? Я угадал?

Вольферт кивнул.

- Но почему бы мне не стукнуть вас по голове и не перетащить через Дверь в бессознательном виде?

Вольферт сухо улыбнулся и покачал головой.

- Не стоит, - сказал он. - Кто-то должен остаться с этой стороны.

- Зачем?

- А что, если где-нибудь там вы откроете секрет управления Дверью? Вы ведь отчасти надеетесь на это, верно? Вы не просто ищете место, где бы укрыться. На Земле можно найти тысячу таких мест. Вы ищете знаний и, несмотря на то, что я вам рассказал, вы все-таки надеетесь вернуться, принести с собой знание и переделать Землю.

- Это звучит малость по-донкихотски, - сказал Фолк. - Но, кажется, вы правы.

Вольферт кивнул и снова отвел взгляд.

- Ну вот... кто-то ведь должен вас встретить. С незаряженным пистолетом. Если я отправлюсь с вами, уж они позаботятся о том, чтобы следующий охранник был непохож на меня.

Он на мгновение встретился глазами с Фолком.

- Не тратьте время, жалея меня, - бросил он. - Возможно, вы не поверите, но я вполне счастлив здесь... один.

От Фолка не укрылась пауза, которую он сделал перед словом "один". Фолк уже удивлялся тому, что правительство послало на Марс не семейную пару, а одиночку, который мог рехнуться здесь от одного только одиночества. Теперь Фолк вдруг понял, в чем он ошибся. Несомненно, Вольферт был не один. Вероятно, у него была жена - лучшая из жен, которая никогда не ворчит и не хочет вернуться на Землю. Жена, которую не надо кормить, и которая не заняла места на корабле, которым Вольферта доставили на Марс. И какое значение имело здесь, на станции, что никто кроме Вольферта ее не видит?

Фолк ощутил мгновенный прилив жалости и отвращения одновременно, и тут же понял, что Вольферт это заметил. Бледные впалые щеки хозяина станции залились краской, он плотно сжал губы и уставился в окно.

Спустя некоторое время Фолк произнес:

- Послушайте, Вольферт, из всех людей, которых я встречал в своей жизни, вы мне понравились больше, чем кто бы то ни было. Поверьте, это правда.

Вольферт достал из кармана приспособление для чистки трубки - сложную

штуковину, состоящую из множества стерженьков с ершиками, совочками и крючками на конце.

- Боюсь, что вы мне неприятны, Фолк, - сказал он. - Не ваша личность, нет. Мне просто завидно, что природа или случай подарили вам качество, которого у меня нет. Вы - хозяин своему рассудку.

Он повернулся и протянул руку, усмехаясь.

- Если не считать помянутого пустяка, вы мне очень нравитесь. Достаточно ли этого для?..

Фолк шагнул вперед и пожал его руку.

- Надеюсь, что вы будете здесь, когда я вернусь, - сказал он.

- Я пробуду здесь, - сказал Вольферт, ковыряясь в трубке, - еще лет тридцать или больше, если не произойдет несчастный случай. Если вы не вернетесь за это время, то, думаю, вы не вернетесь вообще.

По настоянию Вольферта Фолк надел один из его легких марсианских скафандров вместо того, который был на Фолке во время перелета с Земли. Скафандр, украденный Фолком, предназначался для тяжелых работ на земной орбитальной станции, и был, как справедливо заметил Вольферт, слишком неуклюжим для использования на поверхности планеты. Легкий скафандр обеспечивал достаточную защиту в разреженной атмосфере и был снабжен приспособлениями, которых не хватало тяжелому орбитальному. Фонарь на шлеме, скалолазные принадлежности, регистраторы излучения и поля, система питания и система поглощения отходов. Скафандр был снабжен как баллонами с воздухом, так и компрессором - который поможет человеку продержаться в атмосфере, хотя бы настолько насыщенной кислородом, как марсианская, пока не кончатся батареи.

- Вам все равно придется найти такое место, где вы сможете жить без скафандра, - сказал Вольферт. - Если все планеты на вашем пути окажутся мертвыми, вас вскоре постигнет та же участь. Но этот скафандр, по крайней мере, даст вам больше времени на поиски. Припасов в рюкзаке хватит на столько же, на сколько и воздуха в баллонах. Я бы отдал вам пистолет, но какой в том прок? Патронов у меня все равно нет, вы же знаете.

Он отключил сигнализацию и шагнул в сторону, пропуская Фолка к Двери. Фолк окинул прощальным взглядом голые металлические стены комнаты и угрюмого тощего мужчину. Затем шагнул в коричневую стеклистую субстанцию и положил руку на рычаг.

- До встречи, Вольферт, - сказал он.

Вольферт кивнул ему в ответ - спокойно, почти равнодушно.

- Счастливо, Фолк, - ответил он, и сунул в рот трубку.

Фолк включил фонарь на шлеме, положил вторую руку на пояс, где были приборы управления скафандром, и нажал на рычаг.

Вольферт исчез. Мгновением позже Фолк осознал, что рычага у него под рукой больше нет. Он удивленно посмотрел туда, и увидел, что набалдашник рычага снова находится на первоначальной высоте, выше его руки.

Тут Фолк вспомнил странную пустоту, которая заняла место Вольферта, и повернулся обратно к передней стенке параллелепипеда Двери. Он увидел... ничто. Белесую пустоту - безмолвную, лишенную очертаний. Что это было? Какое-то промежуточное состояние? И, если так, то сколько оно продолжалось? На какой-то миг Фолка захлестнула паника, когда он понял, что мгновенность перемещения в пространстве была не более чем их собственным предположением. Вторая волна испуга прокатилась через него, когда он вспомнил те восемь передатчиков, которые так и не были услышаны...

Потом здравый смысл победил. Фолк шагнул к передней стенке Двери и высунулся наружу.

Белесая пелена окутывала все вокруг, но внизу постепенно темнела, обретая голубовато-серый, а затем фиолетовый цвет. Еще ниже ее сменял разноцветный хаос пятен, в которых Фолк совершенно не мог разобраться. Он перегнулся через край параллелепипеда и увидел внизу каменную поверхность

скалы. Внезапно картина обрела перспективу, и все стало на свои места.

Он находился на верхушке отвесной скалы невообразимой высоты. Взгляд его скользил по склону вниз, и вниз, и вниз, пока не упирался в пейзаж у подножия горной вершины, который расстояние превращало в бессмысленный хаос цветных пятен. Фолк посмотрел направо, потом налево, но больше ничего не увидел. Через диафрагмы его шлема не проходило ни звука. Все вокруг казалось ему странно нереальным, и только неоспоримая вещественность Двери и ощущение собственного тела убеждали Фолка, что он существует.

Планета была мертва. Он чувствовал иррациональную уверенность в этом. Она ощущалась, как мертвая. Даже малейшее дуновение ветерка не нарушало ее гробовой покой. Только белесая облачная пелена, огромный утес и бессмысленные цветные пятна внизу.

Фолк вернулся к рычагу и нажал на него.

На этот раз он внимательно наблюдал, как рычаг опускается вниз до упора. Не было ни намека на перемещение, ничего. Только что рычаг был у него под рукой, а в следующий миг он оказался сверху, на исходной позиции. Как будто он прошел сквозь руку Фолка, а тот не увидел и не почувствовал.

Фолк повернулся.

Глубокая синяя ночь. Мерцание звезд на небе. Внизу - плоская синяя равнина, уходящая вдаль на сколько хватает глаз.

Фолк шагнул наружу, на ледяную равнину и осмотрелся, а затем поднял взгляд к небу. Небо было так похоже на небо его детства над Мичиганом, что Фолк испытал безумную уверенность в том, что оказался на Земле. Где-нибудь в Антарктике, около полюса, - вот почему никто до сих пор не нашел эту Дверь. Он машинально поискал Большую Медведицу и Пояс Ориона, и тут же понял, что ошибся.

Он не увидел ни одного из знакомых созвездий. Это были чужие звезды, чужое небо. Фолк вспомнил известные ему созвездия южного полушария Земли, но их здесь тоже не было.

Прямо над его головой была группа из восьми звезд, две из них - очень яркие. Четыре располагались по прямой, остальные охватывали их почти правильным полукругом. Фолк был уверен, что никогда не забыл бы такое созвездие, если бы видел его прежде.

Он перевел взгляд на горизонт, который был чернее неба. Откуда ему знать, что свет, тепло, безопасность, знания не ждут его там, не так уж далеко?

Фолк вернулся в параллелепипед. По милости Вольферта ему достался марсианский скафандр, что значило несколько недель - а, если повезет, месяцев - жизни. Лучше, чем он мог надеяться, и все равно мало. Либо он найдет то, что ищет, совсем рядом с Дверью, либо не найдет вообще.

Он снова нажал на рычаг. Здесь тоже была ночь. Но, когда Фолк выглянул наружу, он увидел под звездами улицу, по обе стороны которой выстроились огромные постройки.

Давление атмосферы оказалось невелико, но компрессор будет работать. Лакмусовая бумажка дала отрицательный результат. Спичка загорелась и некоторое время горела, хотя и слабо.

Фолк включил компрессор и перекрыл подачу воздуха из баллонов. Затем включил фонарь на шлеме и вышел на улицу.

Строения представляли собой вариации на одну тему. Пирамиды и конусы, остроконечные и со срезанными верхушками, они все сужались кверху - так что, несмотря на огромные размеры, они не загораживали небо. Сделав несколько шагов, Фолк посмотрел вверх, подсознательно ожидая увидеть созвездие в форме полукруга. Но его на небе не оказалось. Фолка вдруг осознал тот факт, что он может находиться сейчас через пол-галактики от той равнины, где стоял пять минут назад. Это его потрясло.

Он мысленно нарисовал Галактику - овальное пятно тумана на фоне черноты. Около одного из фокусов эллипса он поместил яркую точку Солнца. Затем он поставил еще одну точку и соединил с предыдущей яркой линией.

Затем еще одну, и еще. Нарисованные им линии сложились в большую букву "N" поперек овала.

Непостижимо. Раса, которая может свободно пересекать Галактику, но не делает разницы между пунктами назначения?

Единственной альтернативой этому предположению было следующее. Дверями можно управлять, но система управления людям просто недоступна, как непонятна дикарю запутанная схема линий трубопровода. Однако ум Фолка отвергал этот вариант. Механизм Двери был простым и ясным. Параллелепипед и рычаг. Внешний вид отражает функцию. Облик Двери говорил "Иди!", но не говорил "Куда?"

Фолк снова перевел взгляд на здания. Теперь он рассмотрел, что верхняя четверть стен подверглась сильной эрозии и была покрыта выщербинами глубиной в ладонь. Он глянул на мелкий оранжевый песок, ровным слоем застилающий улицу, и увидел, что двери домов засыпаны песком почти доверху. Судя по всему, город много лет лежал погребенный в песках, над которыми торчали только верхушки зданий. И лишь совсем недавно пески сдвинулись и обнажили город.

Щели между притолоками дверей и уровнем песка были узкими, но Фолк решил, что сумеет протиснуться. Он выбрал одно здание, повернулся к нему - круг яркого света от фонаря упал на древние стены - и замер посреди улицы, не в силах заставить себя действовать.

Он посмотрел назад, на Дверь, словно ища поддержки. Стеклый коричневый параллелепипед был там - чистый и блестящий, с безупречными линиями и углами. Не подвластный времени. Фолк вдруг понял, что его беспокоило. Этот город был мертв. Мертв, как планета гигантского утеса или планета ледяной равнины. Каменные здания города постепенно приходили в упадок, а его строители давно уже обратились в прах.

Фолк согласился с Вольфертом, когда тот сказал, что Фолк отправляется в дорогу в поисках знания и надеется когда-нибудь вернуться через Двери в Солнечную систему, принеся с собой знание, которое поможет преобразовать мир. Но по большому счету это не соответствовало истине. Да, Фолк убеждал себя, что именно такова его идея, но это был самообман. Извинение, которое он сам себе придумал.

Он не любил человечество, и не видел причин спасти его от последствий его же собственных слабостей. Если бы им действительно двигало стремление спасти людей, он вовсе не должен был бы покидать Землю. Наоборот, ему следовало остаться, пробиться в правящую элиту и организовать революцию изнутри. Шансы на успех были бы невелики, но они были бы.

Да, он мог так поступить. Но ради чего? Чтобы уничтожить тот единственный ограничитель, который не дает человечеству покончить с собой?

Хоть так, хоть эдак - все едино. Человечество, не управляемое аналогами, не годилось для того, чтобы колонизировать галактику. У управляемого человечества не хватало на это смелости. Цивилизация людей Земли попросту была тупиком, неудавшимся экспериментом. Человечество было грязным зверем, который пожирает свою планету и гадит там же. Человек способен на любой кошмар, на любое извращение и деградацию.

Однако Двери свидетельствовали о том, что в Галактике некогда существовала другая цивилизация, достойная звезд. Фолк не верил, что она мертва. Камень крошился, ржавел металл, и расы, которым служило и то, и другое, исчезали из памяти мира. Но Двери выглядели все так же, и по-прежнему действовали. Своим существованием они отрицали время.

Древняя мудрая раса ушла куда-то, не оставив за собой иного следа, кроме Дверей...

Фолк повернулся и, даже не бросив прощального взгляда на огромные каменные конусы и пирамиды, направился к стеклытому параллелепипеду.

Не доходя до него трех ярдов, Фолк увидел следы.

Следов было пять. Пять отпечатков ноги на песке около Двери. Как Фолк ни искал, больше следов он не нашел. Два отпечатка вели прочь от параллелепипеда, три существо сделало на обратном пути, ибо один из них

пришелся поверх самого первого. Следы были размером меньше отпечатка ноги Фолка и имели форму овала со спрямленными длинными сторонами. Фолк долго разглядывал их, как будто надеялся таким путем извлечь из отпечатков больше информации. Безуспешно.

Следы не принадлежали человеку. Ну и что это доказывало?

Они были оставлены здесь не так давно. Фолк не знал, какие ветра гуляют над этим миром, но было очевидно, что пески вокруг мертвого города обрели свой нынешний вид не раньше, чем несколько лет назад. И даже эта логическая цепочка не вела никуда.

Следы мог оставить один из строителей Двери. А мог - такой же странник, как и сам Фолк. Варвар, идущий по стопам старших.

Самое обидное было то, что, найдя след, Фолк не мог пойти по нему. Ибо след уходил в Дверь - к любой звезде из шестидесяти миллиардов.

Фолк шагнул в параллелепипед и в очередной раз нажал на рычаг.

3

Ослепительный белый свет болью резанул по глазам. Чудовищный жар опалил тело. Задышавшись, Фолк навалился на рычаг.

Медленно гасли цветные пятна под веками. Фолк открыл глаза, и вновь увидел ночное звездное небо. Должно быть, подумал он, в предыдущий раз он попал на планету сверхновой звезды. Сколько таких еще встретится ему на пути?

Он шагнул к выходу. Пустыня; ни прутика, ни камешка.

Фолк вернулся к рычагу. Снова свет, терпимой яркости. Свет и буйство красок.

Он осторожно высунулся наружу. Восприятие медленно адаптировалось к незнакомым цветам и образам. Его глазам предстал красочный ландшафт под тропическим солнцем. Вдалеке виднелись серо-фиолетовые горы в туманной дымке. Он увидел рощу странных деревьев - высокие прямые стволы были увенчаны тяжелыми иссиня-зелеными листьями, формой напоминающими листья пальмы или папоротника. А прямо перед ним лежала огромная прямоугольная площадь, которую покрывала плита, казавшаяся высеченной из цельного куска нефрита. Слева и справа площадь окаймляли низкие строения с плоскими крышами, сделанные из темного стеклистого материала разных цветов - синего, коричневого, зеленого и красного. А посреди площади стояла группа живых и, судя по всему, разумных существ.

Сердце Фолка рванулось вскачь. И причиной тому была, как ни странно, не встреча с живыми существами.

Дома по обе стороны площади были сделаны из того же неподвластного времени и погоде материала, что и Дверь. Слепая удача привела его наконец в нужное место!

Фолк присмотрелся повнимательнее к существам на площади. По какой-то непонятной причине они вызвали у него чувство разочарования и досады. Существа эти, как видно, происходили от ящеров. Они были изящными, высокими, узкоплечими, с гибким позвоночником. Животы их имели розовую окраску, спины - коричневую, цвета умбры. Через плечо у них были переброшены патронташи, одежды не было. Существа о чем-то переговаривались, сопровождая слова быстрыми резкими жестами. Несмотря на всю необычность этих существ, Фолк сразу понял, что они - не те, кого он искал.

Слишком уж они походили на людей. Вот один отделился от группы беседующих, направился в сторону, затем вернулся и вклинился между двумя спорящими. Он что-то крикнул, сердито жестикулируя, и снова покинул группу. Он двигался нескладными птичьими движениями, резко запрокидывая голову при каждом шаге.

Из пяти остальных двое спорили, двое стояли и слушали, внимательно склонив головы. Еще один стоял чуть поодаль и оглядывался вокруг с

презрительным видом.

Они казались смешными, как кажутся смешными обезьяны - потому что напоминают людей. Человека забавляет его отражение в зеркале. Расы человеческие смеются друг над другом даже тогда, когда следовало бы плакать.

"Это туристы", - подумал Фолк. - "Один хочет в Лидо, другой настаивает, что сначала надо посмотреть Гранд Канал, третий злится на первых двух за то, что они впустую тратят время, еще два - чересчур робкие, чтобы вмешаться, а последнему все равно".

Он не мог представить, как они встретят его появление. Во всяком случае, не с распростертыми объятиями. Возможно, захотят прихватить с собой в качестве сувенира. Фолк хотел добраться до стеклистых зданий, но счел за лучшее подождать, пока существа скроются из виду.

Тем временем он решил протестировать здешнюю атмосферу. Давление оказалось на самую малость меньше стандартного земного. Лакмусовая бумажка осталась чистой. Спичка радостно разгорелась, совсем как на Земле. Фолк отключил подачу воздуха, осторожно открыл клапан шлема и втянул носом воздух.

После затхлой атмосферы скафандра глоток свежего воздуха оказался такой роскошью, что у Фолка на глазах выступили слезы. Воздух был теплым и насыщенным ароматами цветов. Фолк отстегнул шлем и откинул его на спину. Легкий ветерок ласково огладил его лицо, пошевелил волосы.

Фолк снова высунулся наружу и остоленел. Отряд существ направлялся прямехонько к нему. Фолк быстро убрал голову, машинально бросил взгляд на рычаг, и опять выглянул из Двери.

Его заметили. Теперь существа бежали к нему неуклюжими скачками, судорожно дергая головами на бегу. Бегущий впереди открывал и закрывал треугольный рот, и Фолк услышал, как дыхание рывками вырывается у него из груди. Фолк выскочил из Двери, резко рванулся вправо и побежал.

К несчастью, ближайший дом с открытым входом был не первым в ряду. На полдороги к нему Фолк обернулся. Преследующие растянулись в цепочку. Задние отстали, зато первый был от Фолка всего в нескольких ярдах.

Эти существа бегали быстрее, чем можно было решить по их виду. Фолк попытался заставить свои ноги в тяжелых ботинках двигаться быстрее. Уже у самого входа он снова оглянулся. Ящер был от него на расстоянии одного прыжка и тянул руки к Фолку, растопырив пальцы с подушечками на концах.

Фолк отчаянно повернулся к нему лицом. Ящер прыгнул, и Фолк встретил его ударом кулака в морду. Ящер зашипел, как паровой свисток, и рухнул под ноги человеку. Фолк стремглав бросился в открытую дверь здания.

Дверь мягко закрылась за ним - лист синего стеклистого вещества скользнул вниз и запечатал отверстие входа.

Фолк устоял на то место, где был вход. Сквозь прозрачную стенку он увидел ящеров, которые столпились перед домом, лихорадочно жестикулируя и пытаясь заглянуть внутрь. Во всяком случае, было ясно, что дверь перед ними не откроется.

Вот откроется ли она перед Фолком, когда он захочет выйти обратно - это другой вопрос.

Он осмотрелся вокруг. Внутри дом представлял собой одну большую комнату - такую большую, что Фолк едва мог разглядеть дальние стенки. На полу были в полном беспорядке расставлены разнообразные ящики - ящики с откидными крышками наподобие сундуков, коробка без верхней крышки и ящики без боковой стенки вроде полок. Между ящиками были кучками насыпаны какие-то мелкие предметы. Почти все, что видел вокруг Фолк, было сделано из того же самого стеклистого материала.

В комнате не было ни следа пыли. Теперь, когда Фолк обратил на это внимание, он сообразил, что не видел ни на одной из Дверей ни пылинки. Как они этого добились, он даже предположить не мог. Он подошел к ближайшему ящику, который был на четверть заполнен предметами разной формы и величины.

Фолк покопался в ящике и выудил оттуда оранжевое стеклистое веретено,

внутри которого переплетались искрящиеся нити, образуя причудливый рисунок. Он положил веретено обратно и взял полую опалесцирующую сферу, составленную из двух половинок. Как Фолк ни старался, он не сумел разнять ее на части. Он вернул сферу в ящик и подобрал коричневый стеклистый предмет, имеющий форму сдвоенного полумесяца, пересеченного насквозь диагональной плоскостью...

Спустя полчаса Фолк окончательно убедился, что не найдет здесь никаких справочников, руководств или даже просто книжек с картинками, которые пролили бы свет на тайну создателей Двери. Если он и найдет здесь какой-то ключ к пониманию, то только исследовав здание целиком.

Ящеры отвлекали Фолка. Он видел сквозь стенки здания, как они прижимают морды к стеклистой поверхности, таращатся на него маленькими круглыми глазками и размахивают руками. Однако, наблюдая за ними, он узнал полезную вещь.

Группа ящеров, околавивавшихся перед домом, наконец разделилась. Одного они оставили сторожить дверь, а остальные разошлись в разные стороны. Фолк увидел, как один из них вошел в дом на противоположной стороне площади, и дверь за ним закрылась. Чуть позже за ним последовал еще один и принялся колотить в дверь. Дверь открылась только тогда, когда первый ящер приблизился к ней изнутри. Какой-то скрытый механизм, недоступный пониманию Фолка, судя по всему, реагировал на присутствие живого существа внутри здания. Когда дом был пуст, входная дверь оставалась открытой, но стоило кому-то зайти внутрь, она закрывалась, и открывалась теперь только с разрешения того, кто находился внутри.

Это добавило еще одну черточку к описанию создателей Двери, которое Фолк складывал в уме. Они не дорожили собственностью и не боялись, что в отсутствие хозяев в дом заберутся воры - зато в высшей степени уважали стремление личности к уединению.

Сначала Фолк посчитал, что это здание служило производственным помещением, складом или общественной спальней - во всяком случае, предназначалось для большого количества народа. Теперь он пересмотрел свое мнение. Надо полагать, каждый дом был личной территорией одного существа - или двух-трех, если у них были семейные группы. Но зачем столько места и разных принадлежностей одному существу?

Фолк снова произвел мысленное сопоставление, которое уже вошло у него в привычку. Он задал себе вопрос: что бы подумал пещерный житель о трехэтажной квартире миллионера в Нью-Йорке?

Сравнение помогло, но не слишком. Окружающие его предметы представляли собой инструменты непонятного назначения. Фолк не мог заставить их работать, так что они ничего не говорили ему о хозяевах Двери. Здесь не было ничего, что он мог бы сравнить с кроватью, столом или душем. Он не мог вообразить существ, которые здесь жили.

Фолк сделал над собой усилие, чтобы перестать размышлять в человеческих категориях. Значение имели только факты как таковые, а вовсе не его предрассудки и предпочтения. И как только Фолк взглянул на факты непредвзято, то, что казалось ему преградой, стало путеводной нитью. Нет ни кроватей, ни столов, ни душа? Значит, строители Двери не спали, не ели и не мылись, как это делают люди.

Возможно, подумал Фолк, они и не умирали.

Это была раса, приспособленная к жизни среди звезд...

Загадка заброшенного дома дразнила его воображение. Почему, построив этот город, они покинули его? Почему, распространив сеть Дверей по всей Галактике, они перестали ей пользоваться?

На первый вопрос он ответил быстро. Окинув взглядом беспорядок комнаты, Фолк снова вспомнил свое сравнение - дикарь в апартаментах миллионера - и смиренно поправил себя. Вовсе не шикарная квартира, нет... походная палатка.

Что-то заинтересовало их на этой планете. Невозможно сказать сейчас,

что именно, ибо это было давно - очень давно, в те времена, когда Марс еще был полон жизни. Но что бы их ни привлекло, несколько существ, принадлежащих к расе создателей Двери, прибыли сюда посмотреть на это. Закончив свои дела, они отбыли, покинув временный лагерь с такой же легкостью, как человек оставляет сложенный на скорую руку грубый шалаш из веток.

А все эти предметы, которые они бросили здесь? Кубы, конусы, странные объемные фигуры - вещи, которые могли бы оказаться бесценными для людей... "Пустые консервные банки", - подумал Фолк. - "Тюбики из-под зубной пасты, оберточная бумага".

Они оставили город вместе со множеством вещей просто потому, что все это для них ничего не стоило.

Солнце стало красным, клонясь к горизонту. Фолк посмотрел на хронометр, вделанный в запястье скафандра, и к собственному удивлению обнаружил, что прошло уже больше пяти часов с тех пор, как он расстался с Вольфертом на Марсе.

Он ничего не ел с тех самых пор. Фолк вытащил из рюкзака съестные припасы и глянул на этикетки консервных банок. Но есть ему не хотелось. И усталости он почему-то не чувствовал.

Фолк перевел взгляд на ящеров снаружи. Теперь они бегали туда-сюда по площади, вынося из зданий охапки драгоценного мусора и упаковывая их в большие красные коробки. Как раз, когда Фолк наблюдал за ними, над дальним концом площади появилось и стало медленно дрейфовать в воздухе непривычного вида сооружение. Это было нечто вроде открытой летающей лодки, которой управляли двое ящеров. В воздухе ее, по-видимому, удерживали два крыла, вырастающие из бортов. На концах крыльев были обращенные к земле конусы обтекаемой формы.

Лодка подплыла к груде заполненных коробок и зависла над ними. В ее днище открылся люк, и из него опустился крюк на трех канатах. Ящеры на площади засуетились, обвязывая канатами коробки и цепляя канаты к крюку.

Фолк лениво наблюдал за ними. Лодка начала подниматься, и крюк следом за ней, таща вверх груду коробок. В последний момент один из ящеров набросил на крюк еще одну петлю.

Новая коробка оказалась тяжелой. Выбрав слабинку, крюк дрогнул и остановился. Лодка слегка накренилась. Затем она продолжила подъем, и поднималась нормально, пока весь груз не оказался футах в десяти от земли.

Один из трех канатов, на которых висел крюк, неожиданно лопнул. Фолк увидел, как канат стегнул воздух, словно живой; груз тяжело накренился на один бок, и лодка перекосилась. Пилот тотчас направил ее вниз, чтобы снять нагрузку с двух оставшихся канатов.

Ящеры внизу бросились врассыпную. Тяжелый груз рухнул на площадь. Мгновением позже рядом с ним рухнула лодка. Она продолжала вздрагивать и покачиваться, пока пилот решительным жестом не выключил моторы.

Все ящеры сбежались к лодке. Двое пилотов выбрались наружу, и ящеры принялись совещаться. В конце концов пилоты снова влезли в лодку и подняли ее на несколько футов, а остальные стали отцеплять канаты от крюка. Потом они снова заспорили между собой. Фолк разглядел, что люк в днище лодки закрыт и как-то странно перекошен. Надо полагать, он был поврежден и больше не открывался.

Лодка снова опустилась на землю. После долгих споров и размахивания руками ящеры распаковали коробки и отобрали часть предметов. Отобранные вещи они погрузили в две коробки, которые затем с большим трудом установили в кубрике лодки. Остатки разоренного груза остались валяться на площади.

Воздушная лодка улетела, и ящеры ушли в том же направлении. Один из них задержался, чтобы бросить последний взгляд на Фолка. Он некоторое время вглядывался сквозь стенку внутрь дома и махал руками, потом сдался и ушел вслед за остальными. Площадь опустела.

Прошло немного времени, и Фолк увидел, как за городом поднялся в небо столб белого пламени с серебряной искоркой наверху. Он рос вверх,

загибаясь в арку и делаясь все тоньше, пока не достиг зенита, а потом сошел на нет и исчез.

Значит, ящеры прилетели сюда на космическом корабле. Они тоже не посмели воспользоваться Дверями. Не приспособленные жить среди звезд. Недостойные. Слишком похожие на людей.

Фолк вышел из дома на площадь и остановился. Ветерок ворошил ему волосы. Солнце садилось за горы, и все небо окрасилось в красноватый цвет, как будто над западным горизонтом кто-то раскинул алую пелерину. Фолк смотрел на небо, не в силах оторваться, пока красный цвет не уступил место фиолетовому, а тот постепенно не растворила тьма. Появились первые звезды.

Это был хороший мир. Вероятно, человек мог бы остаться здесь и прожить жизнь в спокойствии и уюте. Наверняка среди плодов здешних деревьев найдутся съедобные, найдется и вода неподалеку. Климат превосходен. И опасных зверей здесь явно нет, иронически подумал Фолк, иначе эти суетливые туристы не разгуливали бы так беспечно.

Если он искал только место, где бы укрыться, то лучшей планеты ему не найти. На какой-то миг Фолк почувствовал сильное искушение. Он вспомнил жар и холод мертвых миров, в которых побывал, и подумал, найдет ли еще когда-нибудь такую приветливую планету, как эта. А еще он теперь знал, что если раса создателей Двери и существует до сих пор, они давно забросили свои форпосты. Быть может, они живут сейчас на одной-единственной планете из всех доступных им миллиардов. Фолк умрет раньше, чем найдет ее.

Он посмотрел на беспорядочную грудку предметов, которую ящеры оставили посреди площади. Одна коробка была вскрыта, но не опорожнена - именно та последняя, из-за которой произошли все неприятности. Вокруг нее, словно детские игрушки, были разбросаны красивые стеклышки - красные, зеленые, синие, белые, желтые.

Если бы ящеры забыли здесь одного из своих, он бы в конце концов нашел, чем утешиться.

Фолк со вздохом повернул обратно к дому. Дверь скользнула вниз, закрываясь за ним. Фолк собрал свои вещи, забросил за плечи рюкзак, надел и загерметизировал шлем.

Небо было уже совсем черным. Фолк остановился, чтобы взглянуть на знакомую размашистую полосу Млечного Пути. Потом он включил фонарь на шлеме и повернулся к Двери.

Луч света упал на разворошенные коробки ящеров, и Фолк заметил угол какого-то предмета, сделанного не из блестящего стеклышного материала. Фолку этот предмет показался каменным.

Он подошел к коробке, нагнулся над ней и разгреб верхний слой.

Перед ним лежала каменная плита, которой чьи-то руки придали форму клина. На сравнительно ровной поверхности была выбита надпись. На английском языке.

Сердце Фолка бешено заколотилось. Он опустился на колени перед каменной плитой и стал читать то, что было на ней написано.

"Двери останавливают процесс старения. Мне было тридцать два, когда я покинул Марс. С тех пор я практически не изменился, хотя скитался от звезды к звезде лет двадцать, не меньше. Только нельзя останавливаться. Я задержался здесь на два года и понял, что старею, как обычный человек.

Я обнаружил, что Млечный Путь выглядит примерно одинаково со всех планет, на которых я до сих пор побывал. Это не может быть простым совпадением. Я полагаю, что Двери перебрасывают путника по случайному принципу только внутри концентрического пояса звезд. Рано или поздно он попадает в Дверь, которая пропускает его в следующий пояс, расположенный внутри предыдущего. Если я прав, конечная цель - это Центр Галактики.

Там и встретимся! Джеймс И.Таннер, родом с Земли".

Фолк поднялся с колен, ослепленный блистающим видением, которое предстало ему. Он подумал, что теперь понимает, почему Двери действуют наугад, и почему их строители больше ими не пользуются.

Когда-то - возможно, миллиард лет назад - они безраздельно владели Галактикой. Но многие из принадлежавших им миров были маленькими планетами вроде Марса, неспособными вечно удерживать атмосферу и воду. Миллионы лет назад хозяева Галактики стали покидать ставшие непригодными планеты. Тем временем на других планетах, которые к тому времени только остыли, зародились младшие разумные расы. Жалкие крикливые создания. Люди. Ящеры. Мелюзга, недостойная звезд.

Но даже человек способен научиться, если проживет достаточно долго и достаточно много повидает. Джеймс Таннер не назвал себя гражданином США или представителем земного космического корпуса. Он подписался "родом с Земли".

Итак, путь намеренно сделали долгим и трудным. Младшие расы не высывались со своих планет. Но для человека или ящера, который готов был ради знания пожертвовать тем, что среди его расы считалось жизнью, путь был открыт.

Фолк выключил фонарь и поднял взгляд к бриллиантовому туману Галактики. Где он будет через тысячу лет? Около какой из светящихся искорок тумана?

Во всяком случае, он не обратится в прах. В бездарный и бесполезный прах, всеми позабытый. Он будет странником, которому известна конечная цель. И, может быть, к этому времени он уже пройдет половину пути до цели.

Вольферт будет напрасно ждать его возвращения, но это неважно, ведь Вольферт счастлив - если только это можно назвать счастьем. А на Земле будут вздыматься и исчезать горы, еще долго после того, как человечество погибнет и будет забыто.

Возможно, к этому времени Фолк уже доберется домой.

Дэймон НАЙТ

НАКАЗАНИЕ ДЛЯ ДЖОРДЖИ

1

Направляясь поутру в лабораторию, которая была расположена на противоположной стороне кольцевой станции, доктор Уолтер Альварес завернул на прогулочную площадку уровня С. Как обычно, несколько человек стояли около большого иллюминатора и смотрели на огромную сине-зеленую планету. Все они были одеты в серые форменные комбинезоны из тонкого материала, к которым можно было пристегнуть шлем и перчатки, мгновенно превратив комбинезон в скафандр. Не самая удобная одежда, но так предписывали правила. Если верить инструкции, исследовательско-пропагандистская станция в любой момент могла быть атакована.

Однако со станцией 3107А, находящейся на орбите седьмой по счету планеты одной из звезд спектрального класса G в созвездии Змееносца, ничего столь интересного до сих пор не случалось. Станция вращалась вокруг планеты уже два с половиной года, а большая часть экипажа еще ни разу не побывала внизу.

Планета - вот она, рядом, рукой подать. Приветливая и манящая. Аппетитный кусочек! Кислородная атмосфера, две трети поверхности заняты сушей, мягкий климат, недра изобилуют рудами и редкими минералами, почва плодородна и богата органикой.

Альварес чувствовал, как при одном только взгляде на планету у него начинают течь слюнки. Ему надоело безвылазно болтаться на орбите. Он был

болен "орбитальной лихорадкой". Они все были ей больны. Альварес всеми фибрами души стремился вниз, к естественной гравитации и естественным болезням.

Весь последний месяц экипаж станции был охвачен ощущением, что вот-вот произойдет перелом. Перелом назрел давно, но никак не наступал.

Мимо прошла пухленькая машинистка по имени Лола, и мужчины проводили ее долгими взглядами. Олаф Маркс склонился к Альваресу и доверительно взял его за локоть.

- Знаешь, Уолт, - заметил он вполголоса, - это мне напомнило... Ты слышал, что стряслось на вчерашнем большом банкете?

- Нет, - сказал Альварес, раздраженно высвобождая руку. - Я там не был. Терпеть не могу банкетов. Ну?

- Если я правильно понял, жена коменданта сидела прямо напротив Джорджи...

Альварес вдруг заинтересовался:

- Джорджи? Ты имеешь в виду горгона? И что он сделал?

- К этому-то я и веду! Понимаешь, он вроде наблюдал за ней весь вечер. Ну, слопали первую перемену, вторую, третью... И вот, когда дошло до десерта - на десерт был лимонный торт со взбитыми сливками, - старина Джорджи...

Зазвучал сигнал, призывающий новую смену на рабочие места. Альварес нервно дернулся и бросил взгляд на часы-перстень. Все заторопились по местам, и Олаф тоже.

- Ты просто помрешь со смеху, когда узнаешь, - бросил он на ходу и заржал. - Хотел бы я быть там и видеть это своими глазами! Пока, Уолт.

Альварес посмотрел ему вслед и мрачно зашагал в противоположном направлении. В коридоре уровня В кто-то окликнул его:

- Эй, Уолт! Слышал про вчерашний банкет?

Альварес отрицательно помотал головой. Позвавший его мужчина - это был булочник по имени Педро - ухмыльнулся, взмахнул рукой и скрылся за поворотом коридора. Доктор Альварес сердито толкнул дверь ксенологической лаборатории.

Пока его не было, кто-то повесил на стену непонятный чертеж. Лист бумаги длиной от пола до потолка был сплошь изрисован маленькими прямоугольниками, соединенными между собой перекрещивающимися линиями. Сначала Альварес подумал, что это новая схема дежурств по станции, и задрожал. Но при ближайшем рассмотрении он решил, что чертеж уж слишком велик, а, вдобавок, схема была неоконченной. Одни квадратики были небрежно стерты, другие нарисованы на их месте. В некоторых местах квадратики теснились особенно плотно, но встречались и практически пустые участки схемы. Чертеж в целом показался Альваресу невообразимо запутанным.

Элвис Уомрас, взобравшись на складную лестницу, яростно тер резинкой правый верхний угол схемы. Похоже, он разделял мнение доктора Альвареса.

- N-панга, - раздраженно сказал он. - Правильно?

- Да, - пропищал кто-то невидимый.

Альварес осмотрелся, но по-прежнему никого не увидел.

- Однако он при этом R-панга для своих кузенов, - продолжал писклявый голос, - и для всех их N-панга и тех, кто больше, кроме тех случаев...

Альварес наклонился и заглянул под стол. Владелец писклявого голоса был там. Розовато-белый шар со множеством отростков, торчащих во всех направлениях, как у плавучей мины. Горгон, которого люди на станции называли "Джорджи".

- А, это ты, - сказал Альварес, доставая слуховую трубку и измеритель влажности. - Что это за чушь вы тут...

Он принялся за обычную утреннюю процедуру тестирования горгона. Единственный светлый момент за весь день! Лазарет подождет.

- Хорошо, - прервал его Уомрас, протирая резинкой дыру в бумаге, - R-панга для кузенов... минутку...

Он обернулся. Лицо его выражало мрачную решимость.

- Подожди немного, Альварес, мы сейчас закончим. N-панга и тех, кто

больше, кроме случаев...

Он нарисовал штук шесть прямоугольников, подписал их и принялся соединять линиями.

- Ну, теперь-то правильно? - спросил он у Джорджи.

- Да. Только теперь получаются неправильные панга для кузенов по материнской линии. Нарисуй так: от N-панга кузенов по отцу к О-панга кузенов по матери, или тех, кто больше... Да, а теперь от R-панга дядюшек отца к кузенам панга дядюшек матери...

Уомрас уронил карандаш. Он уставился на только что обновленный участок схемы, где путаница линий явно превысила критический порог. Уже нельзя было разобраться, какой квадратик с каким соединен.

- Господи боже, - безнадежно произнес Уомрас.

Он слез с лестницы, поднял карандаш и вручил его Альваресу.

- Теперь твоя очередь ехать крышей, - сказал он, подошел к столу, нажал кнопку интеркома и произнес: - Шеф, я ухожу. С меня хватит.

- Ты начертил вразумительную схему? - раздался из динамика требовательный голос.

- Нет, но...

- Твое дежурство продлено. Выпей еще таблетку, и продолжай. Альварес пришел?

- Да, - угрюмо ответил Уомрас.

- Тогда зайдите ко мне оба. Джорджи оставьте, где он есть.

- Здравьете, доктор Альварес! - радостно пропищал горгон. - Ты мне панга, или нет?

- Только не влазь в это прямо сейчас! - взмолился Уомрас, и потащил Альвареса за рукав.

Они обнаружили начальника ксенологической лаборатории Эдварда Х. Доминика, засевшего за столом, как медведь в берлоге. Сигара у него в руке была наполовину изжевана.

- Уомрас, - сказал Доминик, - когда ты сделаешь эту схему?

- Не знаю. Скорее всего, никогда.

Уомрас ответил на хмурый взгляд шефа еще более хмурым взглядом, пожал плечами и закурил сигарету. Доминик повернулся к Альваресу.

- Ты слышал, что случилось вчера на банкете в честь Джорджи? - спросил он.

- Нет, не слышал, - сказал Альварес. - Не будешь ли ты так любезен либо рассказать мне об этом, либо заткнуться и не поминать эту тему?!

Доминик проглотил оскорбление и устало потер бритый череп.

- Все случилось, когда подали десерт, - сказал он. - Джорджи вертелся напротив миссис Карвер на своем пружинном табурете. Как только она погрузила ложечку в торт... превосходный лимонный торт, напрасно ты... гм... Да. Так вот, как только миссис Карвер дотронулась ложечкой до торта, Джорджи перекатился через стол и выхватил у нее тарелку! Миссис Карвер закричала и отшатнулась - надо полагать, решила, что Джорджи на нее нападает, - ну, и стул под ней опрокинулся. Произошла... гм... суматоха.

Некоторое время все молчали. Потом Альварес нарушил тишину.

- И что он сделал с тортом?

- Съел, - горько сказал Доминик. - У него на тарелке лежал отличный кусок, но Джорджи к нему и не прикоснулся.

Он вытряхнул из коробочки таблетку, проглотил и затравленно посмотрел на Альвареса. Альварес покачал головой.

- Нетипично. Джорджи обычно ведет себя, как подчиненная особь. Мне это все не нравится.

- Я сказал Карверу то же самое. Но он был просто вне себя. Его трясло. Мы все оставались на местах, пока Карвер отводил жену в каюту. А потом устроили Джорджи форменный допрос. Но не добились от него ничего, кроме: "Я подумал, что я ей панга".

Альварес нетерпеливо поерзал в кресле и машинально потянулся за гроздью винограда из вазы на столе. Доктор Уолтер Альварес был невысоким и худощавым, поэтому в присутствии крупных людей он часто вел себя

агрессивно.

- Да скажете вы наконец, что такое панга?! - вспыхнул Альварес.

Уомрас фыркнул и принялся чистить банан.

- Панга, - сказал Доминик, - это, как выяснилось, сложная система отношений типа "главный-подчиненный", которая существует среди горгонов.

Альварес заинтересованно выпрямился.

- Они никогда не упоминали нам о ней, поскольку мы никогда не спрашивали. Теперь оказалось, что она имеет первостепенное значение. - Доминик вздохнул. - Четырнадцать месяцев мы потратили на то, чтобы устроить на планете базу и поселить там трех человек. Еще семь месяцев - чтобы получить разрешение старейшин доставить одного горгона сюда, на станцию. Все по инструкции. Мы взяли самую большую и самую смышленную на вид особь - а именно, Джорджи. Он так хорошо прижился на станции! И вот теперь эта история.

- Послушай, шеф, - осторожно произнес Уомрас, - я, конечно, очень уважаю миссис Карвер... мы все относимся к ней с огромным уважением... но, мне кажется, гораздо важнее выяснить, не повредило ли вчерашнее происшествие Джорджи?

Доминик покачал головой.

- Я вам еще не все рассказал. Карвер жаждал мщения, и никакие панги его надолго задержать не могли. Он связался по лучу с базой на планете и заставил Робинсона спросить старейшин: "Является ли Джорджи панга по отношению к жене коменданта?"

Альварес невесело ухмыльнулся и поцокал языком.

- Да уж, - кивнул Доминик. - Кто знает, какой смысл они извлекли из этого вопроса? Ну вот, они передали ответ: "Разумеется, нет", и пожелали узнать детали. Карвер им рассказал.

- И? - спросил Альварес.

- Они сказали, что Джорджи - чудовищный преступник, который должен быть наказан соответствующим образом. И наказать его должны мы, потому что, видите ли, это мы - обиженная сторона. Более того, согласно их специфическому взгляду на вещи, если мы не накажем Джорджи, как следует, тогда они накажут Робинсона и его команду.

- Как? - спросил Альварес.

- Сделав с ними то, что мы должны сделать с Джорджи. А это может оказаться что угодно.

Уомрас сложил губы в трубочку, чтобы свистнуть, но свиста не получилось. Он доел банан и попытался снова. Безрезультатно.

- Вы поняли? - спросил Доминик со сдержанным напряжением.

Все трое посмотрели через открытую дверь на Джорджи, который послушно лежал на ковре в соседней комнате.

- Мы все знаем, что такое "наказание". Древняя формула "око за око, зуб за зуб" прекрасно описывает суть процесса. Но как наказать существо вроде Джорджи? Око за... за что?

- Давайте приведем факты в систему, - сказал Доминик, перекладывая бумажки из одной руки в другую.

Уомрас и Альварес заглядывали в бумажки с двух сторон. Джорджи тоже пытался подсмотреть, но стебельки его фоторецепторов были слишком коротки. Все четверо находились во внешнем помещении лаборатории, откуда была вынесена вся мебель.

- Первое. Мы знаем, что горгоны меняют цвет в зависимости от эмоционального состояния. Когда горгон доволен, он окрашен в розовый цвет. Если горгон становится несчастен, он синее.

- Джорджи был розового цвета с самого момента появления на станции, - сказал Уомрас, бросив взгляд на горгона.

- Кроме как на банкете, - задумчиво ответил Доминик. - Я вспоминаю, что он стал синим как раз перед тем, как... Если бы только мы обнаружили, что именно его подтолкнуло... Ладно, сперва о том, что важнее. Итак,

второе. У нас совершенно нет информации о местной системе наказаний и вознаграждений. Может, у них принято разрывать на куски того, кто плюнул на тротуар, или выкручивать ему, гм, руки...

Альварес и Уомрас, как по команде, с сомнением посмотрели на многообразные конечности Джорджи, органы слуха и фоторецепторы на стебельках.

- ...за поджог, насилие или плохое настроение, - печально закончил Доминик. - Мы понятия не имеем, как это у них происходит. Придется действовать наугад.

- А что говорит Джорджи? - спросил Альварес. - Почему бы не спросить его самого?

- Мы об этом подумали, - мрачно отозвался Доминик. - Спросили Джорджи, что бы сделали с ним старейшины в подобном случае. И он ответил, что они бы крикнули его за живое, или что-то вроде этого. Короче, этот путь тупиковый. Может, он нас и приведет к цели, но не раньше, чем лет через десять.

Он провел ладонью по голому черепу.

- Третье. Мы вынесли мебель из этой комнаты... ч-черт, и как мы все поместимся в моем кабинете?... впрочем, неважно... Четвертое. На двери сделан засов, чтобы она запиралась с внешней стороны. И пятое: вот хлеб и вода для Джорджи. А теперь давайте попробуем.

Начальник ксенологической лаборатории направился к двери. Остальные, включая Джорджи, последовали за ним.

- Нет, ты останешься здесь, - сказал Уомрас горгону.

Джорджи послушно остановился, приняв радостную ярко-розовую окраску.

Доминик торжественно закрыл дверь и задвинул импровизированный засов. Он подергал дверь, чтобы убедиться, что она надежно заперта. Через прозрачную панель в ее верхней части Джорджи внимательно наблюдал за действиями людей. Доминик снова открыл дверь.

- А теперь слушай внимательно, Джорджи, - сказал он. - Это тюрьма. Ты подвергаешься наказанию. Мы будем держать тебя здесь, не давая никакой еды, кроме той, что есть у тебя сейчас, пока не сочтем, что ты достаточно наказан. Понимаешь?

- Да, - с сомнением ответил Джорджи.

- Хорошо, - сказал Доминик и запер дверь.

Некоторое время они стояли и смотрели на Джорджи, а Джорджи смотрел на них. Больше ничего не происходило.

- Пойдемте, подождем у меня в кабинете, - со вздохом предложил Доминик. - Нельзя ожидать чуда с первой попытки.

Они перешли по короткому коридорчику в соседнюю комнату. Несколько минут все трое сидели молча и жевали арахис.

- Джорджи привык к обществу, - с надеждой сказал Уомрас. - Ему вскоре станет одиноко.

- И он проголодается, - добавил Альварес. - Джорджи никогда не пропускает обед.

Когда они через полчаса заглянули в комнату, то увидели, что Джорджи вдумчиво жует ковер.

- Нет, Джорджи, нет! - набросился на него Доминик. - Ты не должен есть ничего, кроме того, что тебе оставили. Это же тюрьма!

- Хороший ковер, - обиженно сказал Джорджи.

- Неважно. Ты не должен его есть, понял?

- Ладно, - весело ответил Джорджи. Его кожа была красивого, сочного розового цвета.

Спустя четыре часа, когда Альварес сдавал смену, горгон лежал в углу, втянув все конечности. Он спал. Что до цвета, то Джорджи был розовее, чем когда-либо.

Когда Альварес снова появился в лаборатории, уже ни у кого не оставалось сомнений. Джорджи сидел посреди комнаты, выдвинув фоторецепторы и ритмично ими помахивая. Горгон просто лучился розовым светом, как розовая жемчужина. Доминик продержал его взаперти еще день, чтобы

удостовериться окончательно. Джорджи, похоже, слегка потерял вес на скудной диете, зато обрел неизменную ярко-розовую окраску. Тюрьма ему явно нравилась.

2

Гус Келли, инструктор по играм, старался хранить бодрый вид, но на душе у него скребли кошки. У Келли был один из тяжелейших случаев "орбитальной лихорадки" на станции 3107А. Так уж получалось, что один вид сине-зеленой планеты - такой близкой и такой недоступной - выводил его из себя. Келли был могучим мужчиной, бродягой по натуре. Он жаждал глотка свежего воздуха, как пьяница - глотка из заветной бутылки. Он стремился ощутить дорогу под ногами, как безнадежно влюбленный стремится коснуться своей возлюбленной. Чтобы выбросить из головы несбыточные желания, Гус Келли расхаживал по станции все целеустремленнее и разговаривал все громче. Малейшее недоразумение вызывало у него вспышку ярости, и Келли начинал орать, багровея лицом и выпучивая глаза. Иногда у него без видимых причин начинали дрожать руки, и Келли глотал успокоительные пилюли. Время от времени ему снились кошмары, в которых он куда-то проваливался и падал, падал... Келли приставал с этими кошмарами то к преподобной матери Храма Хаббарда, то к патеру Конфессии Маркса, и успел уже замучить обоих.

- Это он и есть? - неодобрительно спросил Келли.

Он до сих пор ни разу не видел горгона. Семантическая, медицинская и ксенологическая лаборатории цепко держались за Джорджи. Доминик легонько пнул розовый шар:

- Проснись, Джорджи.

Мгновением позже гладкая поверхность шара вспучилась во множестве мест. Шишки вытягивались на глазах, и превратились в длинные сегментированные отростки. На концах одних отростков образовались "ступни", на других - "кисти рук", на третьих - сложные раковины слуховых органов или гроздь фоторецепторов. Единственным непарным органом было речевое приспособление, которое выглядело, как маленькая фанфара.

- Привет! - радостно пропищал Джорджи.

- Он может втянуть их обратно в любой момент? - спросил Келли, потирая подбородок.

- Да. Покажи ему, Джорджи.

- Хорошо.

Отростки горгона дрогнули, и быстро втянулись, сегмент за сегментом. Через две секунды Джорджи снова представлял собой гладкий розовый шар.

- Это ставит нас перед проблемой, - сказал Келли. - Понимаете, в чем дело? Если его нельзя ни за что ухватить, то как его можно наказать тем способом, о котором вы говорили?

- Мы перепробовали все, что нам только пришло в голову, - сказал Доминик. - Мы запирали его в комнате, держали на хлебе и воде, не разговаривали с ним... Он не получает зарплаты, поэтому его нельзя оштрафовать.

- И понизить в должности тоже, - мрачно добавил Уомрас.

- Вот именно. Обработку по методу Павлова-Моргенштерна, которую все мы проходили в детстве, к Джорджи применять уже поздно. Мы не можем предотвратить преступление, которое он уже совершил. Вот мы и подумали, что ты, как инструктор по играм...

- Мы подумали, - дипломатично сказал Уомрас, - что ты, быть может, предложишь что-то такое... необычное. Заметишь что-то, чего мы не заметили. У тебя же есть опыт... ну... нестандартных ситуаций.

Келли задумался.

- Ну, - начал он нерешительно, - бывает, конечно, что в играх применяются грубые приемы. Удары, так сказать, ниже пояса. Только как это с ним...

Он умолк, потому что в этот момент Джорджи как раз решил отрастить себе парочку слуховых органов.

- Нет, об этом и думать не стоит, - угрюмо сказал Доминик. - Извини, что мы тебя отвлекли. Спасибо, что пришел.

- Э, погодите минутку! - воскликнул Келли. - Я, кажется, кое-что нащупал.

Он уставился на горгона, сосредоточенно грызя ноготь.

- Вот послушайте. Иногда ребята в бассейне балуются и держат друг друга под водой, не давая вынырнуть. Я и подумал: он же дышит воздухом, верно? Понимаете, о чем я?

Доминик и Уомрас переглянулись.

- Очень может быть. Звучит многообещающе, - сказал Доминик.

- Нет! Мы не знаем порога выносливости Джорджи. Что, если Келли причинит ему серьезный вред, или даже...

- Ох, - сказал Доминик. - Ты прав. Мы не можем так рисковать.

- Я проработал инструктором по играм семьдесят три года! - начал Келли, медленно багровея. - Прошел два омоложения, и никогда...

- Нет-нет, Келли, - быстро сказал Уомрас. - Мы не это имели в виду. Просто, видишь ли, Джорджи - не человек. Откуда нам знать, что с ним произойдет под водой?

- С другой стороны, - задумчиво произнес Доминик, - горгоны ведь действительно синеют, если им плохо. Робинсон утверждал это со всей определенностью. Мне кажется, Джорджи будет очень недоволен, если ему не давать дышать - так ведь этого мы и добиваемся! Разумеется, все будет происходить под пристальным наблюдением доктора Альвареса. Правда, Альварес, почему бы и нет? Келли, какое время для тебя будет удобнее всего?..

- Ну, - сказал Келли, бросив взгляд на часы-перстень, - бассейн прямо сейчас свободен. Сегодня женский день, но все женщины сейчас в седьмой секции, хлопочут вокруг миссис Карвер. Я слышал, она до сих пор в истерике.

Альварес, которому вдруг пришла в голову одна мысль, наклонился к горгону:

- Джорджи, ты ведь дышишь через дыхальца? Через эти небольшие отверстия, разбросанные по всему телу?

- Да, - сказал Джорджи.

- А под водой они работают?

- Нет.

Доминик и Келли с интересом прислушались.

- Если тебя держать под водой, это тебе повредит?

Джорджи несколько раз сменил цвет с розового на бледно-малиновый.

- Не знаю, - неуверенно пропищал он. - Немного.

Четверо мужчин наклонились ближе к нему.

- Хорошо, Джорджи, - напряженно произнес Доминик. - Скажи, будет ли это наказанием?

Джорджи лихорадочно запульсировал, меняя цвет.

- Да. Нет. Может быть. Не знаю.

Люди разочарованно выпрямились. Доминик протяжно вздохнул.

- Всегда он дает эти многозначные ответы. Что ж, давайте попробуем. Нам больше ничего не остается.

Само собой получилось так, что Келли оказался в паре с Джорджи, вышагивая следом за Домиником и доктором Альваресом. Процессию замыкали Уомрас и санитар по имени Джослинг, который катил тележку с медицинским оборудованием. Кольцевые коридоры были пусты. Келли замедлил шаг, принаравливаясь к неуклюжей походке Джорджи. Через несколько минут он с удивлением почувствовал, как что-то мягко коснулось его руки. Келли посмотрел вниз. Горгон Джорджи доверчиво ухватился своей семипалой конечностью за пальцы Келли. Фоторецепторы, похожие на диковинные цветы,

были обращены к человеку.

Келли был захвачен врасплох. На станции не было детей, но после предыдущего омоложения Келли успел стать отцом восьмерых. Доверчивое прикосновение маленькой ручонки разбудило давние воспоминания.

- Все будет хорошо, - грубовато сказал Келли. - Положись на меня, сынок.

Бассейн, как он и предсказывал, оказался пуст. Свет, отражаясь от колышущейся воды, отблесками играл на стенках бассейна.

- Лучше будет проделать это с той стороны, где мелко, - сказал Келли.

Его голос в пустом помещении отразился от стен гулким эхом. Келли сбросил комбинезон и помог Джорджи спуститься по лесенке в бассейн. Розовый шар наполовину погрузился в воду, и так и повис. Келли мягко подтолкнул его вперед.

Доминик и все остальные заинтересованно свесились с бортиков бассейна. Келли откашлялся.

- Ну, - сказал он, - обычно это происходит так. Один из мальчишек хватает другого...

Он обхватил руками плавающий шар и замер в нерешительности.

- Давай, Келли, действуй! - крикнул Доминик. - У нас приказ коменданта станции!

- Конечно, - сказал Келли. - Сейчас... - Он повернулся к горгону: - Задержи дыхание.

И Келли надавил на розовый шар, чтобы тот скрылся под водой. Горгон оказался легче, чем ожидал Келли. Он был словно надут воздухом, и приходилось прикладывать силу, чтобы затолкать его под воду.

Келли надавил сильнее. Джорджи неожиданно ушел под воду, выскользнул у него из рук и пробкой вылетел на поверхность. Горгон дунул в разговорную трубу, выдувая воду, и пропищал:

- Здорово! Сделай так еще раз, Келли.

Келли посмотрел на Доминика. Тот кивнул головой.

- Да. Повтори.

Доктор Альварес подергал себя за жиденькую бородку и ничего не сказал.

Келли глубоко вздохнул, сочувствуя горгону, и снова погрузил Джорджи в воду. На поверхность всплыло несколько воздушных пузырей. Джорджи выставил из воды разговорную трубу, но не издал ни звука. Келли посмотрел вниз, на свои собственные руки, крепко сжимающие тело горгона. Руки под водой казались совсем бледными, бескровными - чего нельзя было сказать о Джорджи. Горгон был окрашен в вызывающе яркий розовый цвет.

Когда Келли отпустил его, и Джорджи вынырнул наружу, люди встретили горгона обескураженным молчанием.

- Слушайте, - сказал Доминик, - у меня возникла идея. Джорджи, ты можешь дышать и через речевую трубу, верно?

- Да, - радостно ответил Джорджи.

Раздался хор возмущенных восклицаний: "Ну, тогда конечно!" Обстановка разрядилась. Появилась надежда на успех. Санитар Джослинг вытащил из кармана тряпку и принялся протирать тележку.

- Продолжай, Келли, - сказал Доминик. - Только теперь держи его поглубже.

Джорджи оказался под водой в третий раз. Пузырьки воздуха заструились вверх. Горгон попытался высунуть наружу разговорную трубу, но Келли согнулся и заблокировал ее локтем. Спустя минуту Джорджи стал втягивать все конечности. Келли чуть не свернул шею, пытаясь различить под водой оттенок кожи горгона. Показалось ему, или тело Джорджи слегка посинело?

- Не выпускай его, - резко сказал Альварес.

Джорджи превратился в совершенно гладкий шар. Но в следующий момент он снова стал отращивать конечности. Только выглядели они теперь по-другому.

- А теперь? - спросил Келли.

- Дай ему еще минутку, - ответил Доминик. Он перегнулся всем телом

через бортик, рискуя свалиться в бассейн. - Мне кажется, я вижу...

У Келли заняла спина от напряжения. Ему не нравилось, как выглядят новые органы Джорджи. Они безжизненно колыхались в воде, подобно водорослям. Если с горгоном что-то случилось...

- Я его отпускаю, - хрипло сказал Келли.

К вящему ужасу Келли, когда он разжал руки, Джорджи остался под водой. Келли потянулся его схватить, но горгон ускользнул от него. Мягкие плоские отростки, отходящие от шарообразного тела, мгновенно затвердели. Работая ими, как веслами, Джорджи стремительно умчался на глубину.

И в этот момент Доминик рухнул в бассейн, подняв огромный фонтан брызг. Он вынырнул, фыркая и отдуваясь, и повис на лесенке, уходящей вдоль стенки бассейна под воду. Вода стекала с его комбинезона, как со шкуры морского льва. Келли, который бросился было ему на выручку, увидел, что Доминик в порядке, и остановился. Оба посмотрели в воду. Между ними, под ними и вокруг них носился Джорджи. Он чувствовал себя в воде так великолепно, что любая рыба могла ему позавидовать.

- Плавники, - сказал Доминик, охнул и выпустил из рук перила. - И жабры, боже правый!

На этот раз его падение было не столь эффектным. Тем более, что все и так уже были мокрыми.

Пожалуй, доктора Уолтера Альвареса вполне можно было назвать мизантропом, и не погрешить против истины. Он не любил людей. Он любил болезни. Там, внизу, на седьмой планете, когда будет наконец основана торговая миссия, наверняка найдутся новые и необыкновенные болезни, которые на много лет вперед сделают доктора счастливым, как жаворонок. Здесь, на станции, на его долю выпадали лишь тривиальные растяжения лодыжек, психосоматические насморки, крапивница и расстройства пищеварения. Был еще такой помощник повара Сэмюэлс, который каждую среду приходил в лазарет с одним и тем же фурункулом на шее. Всю неделю доктор Альварес с ужасом ждал среды. Каждый раз, когда в дверях появлялась простодушная физиономия Сэмюэлса, какая-то болезненная пружина в мозгу доктора закручивалась еще туже.

Однажды наступит такой день, когда Сэмюэлс откроет рот, чтобы сказать "Привет, док" - он всегда называл Альвареса "док" - и эта пружина взвевется со звуком лопнувшей струны банджо. Что случится тогда, Альварес не брался предсказать.

Когда горгона только привезли на станцию, было два или три случая восхитительных заболеваний грибок, а потом - ничего. Доктор Альварес был несказанно разочарован. Он обнаружил в мазках, взятых у Джорджи, по меньшей мере сотню микроорганизмов, и вырастил их культуры. Но ни один микроб не прижился на тканях человека. Бактерии, вирусы, паразиты, которые могли бы покуситься на человека - на любой имеющей жизнь планете такие непременно находятся - судя по всему, обитали на каких-то других формах жизни, а не на горгонах. Они являлись доктору Альваресу во сне: микробы в форме палочек и линзочек, микробы со жгутиками и с ножками. Зубастые микробы.

Однажды утром доктор Альварес проснулся, чувствуя решимость отчаяния. Был вторник. Альварес направился напрямик в лазарет, отпустил дежурную сестру Трамбл, открыл запертый на замок шкафчик и набрал в шприц прозрачной желтоватой жидкости из ампулы. На врачебном жаргоне это вещество называлось "руки вверх!" Оно оглушало сенсорные области лобных долей мозга и снимало с сознания блокировку, вызванную обработкой по методу Павлова-Моргенштерна. (По странному совпадению, химика, который запатентовал это средство, звали доктор Джекилл). Альварес впрыснул два кубика "руки вверх!" себе в вену и сел ждать.

Спустя пару минут его непробиваемо скверное настроение стало улучшаться. Доктор почувствовал волшебный прилив энергии. Мир вокруг обрел четкость и заблестал красками. "Ха!" - сказал Альварес. Он встал и подошел

к маленькому холодильничку, где после некоторых поисков нашел полдюжины пробирок с культурами микроорганизмов, обнаруженных им у Джорджи. Разумеется, они пребывали в латентной фазе, будучи глубоко замороженными. Альварес осторожно разморозил их и добавил питательные вещества. Все утро, пока через лазарет проходили вереницей обычные пациенты со своими мелкими жалобами, культуры микробов росли и размножались. Альварес был весел с пациентами. Он отпустил пару удачных шуточек, и раздавал безвредные пилюли направо и налево.

К полудню четыре из найденных культур процветали. Альварес аккуратно слил их в одну пробирку и наполнил шприц смесью. Он рассуждал так: ни один живой организм, будь то человек, свинья или горгон, не является полностью иммунным к микробам, которые постоянно в нем обитают. Стоит нарушить баланс, введя в организм значительное количество любого из упомянутых микробов, и мы получим больного горгона - то есть, наказанного горгона. Разве не так?

Лечение может убить пациента. Но доктор Альварес с легким сердцем отмахнулся это возражение, как пустую игру слов. Вооружившись шприцем, он решительно отправился на поиски Джорджи.

Он обнаружил горгона в маленькой гостиной, в компании Доминика, Уомраса и механика по имени Боб Ритнер. Они окружили и рассматривали странный механизм - или художественную композицию? - сделанный из алюминиевых полос.

- Это дыба, - гордо пояснил Ритнер. - Я когда-то видел ее на картинке в детской книжке.

Основой для "дыбы" служил длинный узкий столик, на одном конце которого была закреплена лебедка. Все в целом выглядело как грубое приспособление для растягивания чего-нибудь.

- Мы решили, что настало время для суровых мер, - сказал Доминик Альваресу, вытирая пот с бритой головы.

- В древние времена, - назидательно произнес Ритнер, - такие устройства применяли к преступникам, когда они не хотели говорить.

- Я говорю, - неожиданно сказал Джорджи.

- Тебя наказывают за другое, - мягко пояснил Доминик. - Альварес, прежде чем мы начнем, ты, наверное, хочешь осмотреть своего пациента.

- Ха! - сказал Альварес. - Именно так. Ха-ха!

Он опустился на колени перед Джорджи. Горгон повернул все стебельки с фоторецепторами в сторону алюминиевой конструкции, изучая ее с неподдельным любопытством. С таким же любопытством доктор Альварес оглядел самого Джорджи. Он пощупал кожу горгона. Кожа была плотной и упругой, великолепного розового цвета. Слуховые органы Джорджи напряженно подрагивали.

Альварес извлек из своего чемоданчика ручные весы, отрегулированные под гравитацию уровня А.

- Залазь сюда, Джорджи.

Горгон послушно вскарабкался на чашку весов. Альварес поднял весы и посмотрел на шкалу.

- Хм, - сказал он. - Джорджи здорово потерял вес.

- Да-а? - с надеждой спросил Доминик.

- Точно. Однако он, похоже, отлично себя чувствует. Я бы сказал - лучше, чем неделю назад. В лечении он не нуждается. Вот разве что немного раствора сахара, это его подбодрит...

Альварес извлек из чемоданчика шприц, проколол гладкую кожу Джорджи и надавил на поршень.

Доминик вздохнул.

- Ну что ж, можем продолжать. Джорджи, запрыгивай сюда. Пусть Ритнер пристегнет тебя ремнями.

Джорджи охотно взобрался на столик. Ритнер пристегнул ремнями четыре из его конечностей, и стал крутить лебедку.

- Только не сильно! - встревоженно сказал Джорджи.

- Я аккуратно, - уверил его Ритнер. Он продолжал вращать рукоятку. -

Как ты себя чувствуешь?

Конечности горгона были уже вдвое длиннее, чем обычно, и продолжали растягиваться.

- Щекотно, - пожаловался Джорджи.

Ритнер крутил лебедку. Уомрас нервно закашлялся. На него зашикали.

Конечности Джорджи все удлинялись и удлинялись. Потом начало становиться заметно продолговатым его тело.

- С тобой все в порядке, Джорджи? - спросил Доминик.

- В порядке.

Ритнер отчаянно крутнул рукоять в последний раз. Вытянувшееся тело горгона удобно разлеглось от одного конца дыбы до другого. Больше растягивать его было некуда.

- Хорошо, - сказал Джорджи. - Сделай еще так.

Он переливался радостными перламутрово-розовыми оттенками. Ритнер чуть не расплакался и с ненавистью пнул свою машину. Альварес фыркнул и убрался восвояси. В коридоре, где его никто не мог увидеть, он подпрыгнул в воздух и стукнул пятками друг о друга. Он просто чудесно проводил время! Как жаль, что сегодня еще не среда. Хотя, если вдуматься, зачем ждать до завтра?

Комендант Чарлз Уотсон Карвер, начальник станции 3107А, был обучен принимать быстрые и смелые решения. Если начальник чувствует малейшее сомнение в собственной правоте, он начинает колебаться и менять планы на ходу, становится жертвой суеверий и беспокойства, и в конце концов вообще теряет способность принимать решения.

Беда в том, что никто не может быть все время прав. Можешь пунктуально следовать букве инструкции, можешь блистательно импровизировать - в любом случае рано или поздно ты ошибешься. Искусство быть начальником заключается в том, чтобы переступить через ошибки и продолжать дальше, как ни в чем не бывало.

Карвер напряг подбородок, выпрямил спину и посмотрел вниз, на больного горгона. Да, горгон был болен, и сомневаться в этом не приходилось. Его отростки поникли и вяло колыхались, кожа была сухой и горячей.

- И давно он так? - требовательно спросил Карвер, лишь слегка запнувшись перед местоимением. Мысленно он всегда называл чужаков "оно", но его подчиненным вовсе ни к чему это знать.

- Минут двадцать. Что-то около того, - ответил доктор Несельрод. - Я сам пришел сюда... - он подавил зевок, - минут десять назад.

- А что вы вообще здесь делаете? - спросил Карвер. - Сейчас смена Альвареса.

Несельрод смутился.

- Знаю. Альварес в госпитале. Как пациент. Он набросился на помощника повара Сэмюэлса. Вылил ему кастрюлю супа за шиворот. И кричал что-то в том смысле, что хочет раз и навсегда простерилизовать ему фурункул. Пришлось накачать Альвареса успокоительными. Мы его втроем едва скрутили.

Карвер сжал губы и выпятил подбородок.

- Несельрод, что вообще творится на станции? Сначала это... существо атаковало мою жену. Теперь Альварес... - Он сердито уставился на Джорджи. - Вы можете его от этого вылечить, что бы это ни было?

Несельрод удивился.

- Разве можно такое требовать? Мы понятия не имеем о лекарствах горгонов. Я думал, что вы свяжетесь с базой и спросите у них.

Разумеется, он рассуждал здраво. Вот только, как всегда, оставался открытым вопрос интерпретации. Как подать то, что произошло? Была ли это трагическая случайность, которая постигла уважаемого посла чужаков из-за вопиющей небрежности людей? Или это было необходимое и соответствующее наказание преступнику, которое они так долго искали? Карвер посмотрел на часы-перстень. Оставалось ровно три часа до окончания срока, в течение

которого старейшины аборигенов планеты обязали их наказать Джорджи.

- Какого он, по-вашему, цвета? - спросил комендант у Несельрода. - Уж никак не розовый.

- Не-ет. Но и не синий. Я бы назвал этот цвет оттенком фиолетового.

- Хм. Да. Ну, во всяком случае, он стал меньше, чем был. Верно?

Подозрительно меньше.

Несельрод согласился.

Карвер принял решение.

- Сделайте все, что можете, - велел он Несельроду, затем поднес к губам наручный коммуникатор: - Есть сейчас связь с начальником планетной базы?

- Да, сэр, - ответил оператор.

- Хорошо. Дайте мне Робинсона.

Прошло несколько секунд.

- Начальник базы слушает.

- Робинсон, это Карвер. Скажите старейшинам, что у нас здесь очень несчастный горгон. Мы не уверены, что именно на него так повлияло - мы перепробовали кучу вещей - но он изрядно потерял вес, и кожа его... - Карвер едва уловимо заколебался. - ...кожа синеватая. Определенно синеватая. Принял?

- Да, шеф! Слава богу! Я тотчас же передам сообщение, и свяжусь с вами.

- Хорошо.

Карвер с резким щелчком захлопнул крышку наручного коммуникатора. Он бросил еще один взгляд на горгона. Тот выглядел совершенно больным, но как раз это коменданта не особо тревожило. То, как себя чувствовал горгон, было личным делом горгона. Комендант Карвер выполнял свой долг.

3

Альварес проснулся с чудовищной головной болью и смутным сознанием вины. Он находился не у себя в каюте, а на одной из госпитальных коек, одетый в предписанную для пациентов инструкцией больничную пижаму (к которой можно было пристегнуть шлем и перчатки, мгновенно превратив пижаму в скафандр). Он с трудом поднял голову, чтобы посмотреть на часы, висящие на дальней стене. Было двадцать три часа. Его смена уже почти закончилась. Альварес со стоном выбрался из кровати и посмотрел на карточку с описанием болезни, прикрепленную к ее спинке. "Мания. Навязчивые идеи, бред. Лечение - успокоительные средства. Врач - Несельрод".

Навязчивые идеи. Бред. Да, так оно и есть. Вот и сейчас ему казалось, будто он вспоминает, как ворвался на кухню и вылил на обалдевшего Сэмюэlsa большую кастрюлю супа из телячьей головы. Поток обжигающей жидкости, аромат специй... Господи боже! Если это было на самом деле... Сэмюэлс! И горгон!!!

Стеная и пошатываясь, Альварес нетвердой трусцой выбежал из палаты. Он миновал санитару Манча, который сидел с текстовым экраном на коленях и не успел вскочить.

- Доктор Альварес, стойте! Доктор Несельрод сказал...

- К черту Несельрода! - рывкнул Альварес, распахивая дверцу холодильника. Он отлично помнил, что культуры микробов хранились именно здесь. А теперь их здесь не было.

- ...не выпускать вас, пока вы не станете вести себя нормально. Ээ... как вы себя чувствуете, доктор?

- Отлично! Прекрасно! Какая разница? А вот как себя чувствует он?

Манч понимающе закивал.

- Сэмюэлс? Ничего страшного. Поверхностные ожоги. Мы уложили его в его собственной каюте, потому что...

- Да не Сэмюэлс! - прошипел Альварес, хватая санитару за грудки. -

Горгон!

- А, ну да, он тоже болен. Откуда вы знаете, доктор? Вы же спали, когда это случилось. Послушайте, отпустите меня, а? А то я нервничаю.

- Где? - кратко спросил Альварес, сурово глядя санитару в лицо.

- Что? А, вы имеете в виду горгона? Наверху, в маленькой гостиной.

Последний раз я...

Альварес не дослушал. Он промчался по коридору, как шуплая бородатая шаровая молния. Вокруг Джорджи он обнаружил толпу встревоженных людей. Там были комендант и миссис Карвер, Доминик и все его сотрудники, Урбен и два ассистента из семантической лаборатории, санитары, подсобные рабочие и доктор Несельрод. У Несельрода запали щеки и неестественно сверкали глаза, как у человека, который слишком долго не спал, глотая тонизирующие таблетки. При виде Альвареса он дернулся.

- Что стряслось? - спросил Альварес, хватая его за локоть. - Где горгон? Какая...

- Тише, - сказал Несельрод. - Джорджи - вон в том углу, позади Карвера. Мы ждем делегацию с планеты. Робинсон сказал, что их трое, и они везут с собой какой-то ящик...

Внезапно из динамика на стене раздалось:

- Катер подходит. Стыковка... Есть стыковка. Открываю шлюз. Готовьтесь, они уже идут.

Альварес ничего не видел из-за спины Карвера. Он хотел отойти, но Несельрод задержал его.

- Я хочу видеть! - сердито сказал Альварес.

- Послушай, - сказал Несельрод, - я знаю, что ты сделал. Я проверил наличие "руки вверх!" и вирусных культур. Горгон, похоже, выздоравливает - но твоей заслуги в этом нет. Теперь скажи, выветрилась уже из тебя эта дрянь? Потому что если нет...

По толпе собравшихся прошел шорох. Альварес и Несельрод повернулись как раз вовремя, чтобы увидеть, как открывается дверь. Два больших и сильных горгона вперевалку вошли в комнату. Они несли покрытый эмалью ящик. Один из них свистнул в разговорную трубу - надо полагать, для проверки, - и спросил:

- Где есть горгон Джорджи?

- Я в норме, - пробурчал Альварес. - Если бы я не был в норме, я бы уже давно сделал с тобой что-нибудь нецивилизованное. Согласен?

- Да, ты прав, - сказал Несельрод.

Их притиснули друг к другу, когда люди подались в стороны, пропуская двух горгонов к Джорджи. Поднявшись на цыпочки, Альварес увидел, как Джорджи поднялся и неуверенно встал рядом с двумя прибывшими.

- Он ужасно выглядит. Эти двое куда больше его, верно?

- Не такие большие, каким был Джорджи, когда попал к нам, - пробормотал Несельрод. - Послушай, Уолт, если окажется, что ты все испортил, я сам приму дозу "руки вверх!", и тогда...

- Тихо! - рявкнул на него Альварес.

Один из горгонов что-то объяснял.

- Это есть ящик панга. Что вы сказали? Вы знать панга?

- Ну... ээ... и да, и нет, - промямлил Доминик. - А что насчет наказания? Мы так поняли...

- Наказание потом. Горгон Джорджи, иди в ящик.

Джорджи послушно подошел к ящику и нерешительно наклонился над ним. Он топтался перед ящиком, подрагивая отростками, и выглядел точь-в-точь как тучная женщина, которая решает, как ей уместиться в спортивном кофтере. По рядам прошел нервный смех, который быстро затих.

Джорджи перегнулся через край ящика и втянул все верхние отростки. Его круглое тело стало медленно принимать квадратную форму, постепенно перетекая в ящик.

Два других горгона наблюдали за ним с растущим напряжением, вытянув в сторону ящика все фоторецепторы. Наступила тишина. Люди интуитивно почувствовали, что происходит нечто важное.

Джорджи, извиваясь всем телом, протиснулся еще дальше в ящик. И тут он застрял. Его кожа мгновенно посинела, затем порозовела. "Ноги" Джорджи, уже почти втянувшиеся в тело, жалобно скребли по стенке ящика. Наконец он влез туда целиком.

Один из горгонов торжественно закрыл за ним крышку и защелкнул ее на замок, чтобы удостовериться, что она прилегает плотно. Потом он снова ее открыл, и помог Джорджи выбраться из ящика. Все три горгона стали ритмично покачивать "руками" и прочими конечностями. Альваресу показалось, что у Джорджи стал очень самодовольный вид. У доктора появились дурные предчувствия. Что он наделал?

- Что это все значит? - громко спросил Несельрод. - Они что, снимали с него мерку для гроба? Или...

Доминик повернулся и сказал:

- Не думаю. Послушайте, вот что интересно. Помните, они называли это ящиком панга? Боюсь, что у них может существовать стандарт размера. Понимаете, о чем я? Они меряют Джорджи, чтобы выяснить, не вышел ли он за нижний предел стандартов... ээ... отношений панга.

- О господи! - воскликнул кто-то рядом.

Это был Урбен из семантической лаборатории. На него давно никто не обращал внимания - с тех самых пор, как Джорджи научился говорить по-английски. Он ошарашенно повернулся к Доминику.

- Вы что, не знаете, - спросил он с недоверием, - что слово, которое мы переводим как "старейшины", дословно означает "самые маленькие"? Господи ты боже мой!

- Не понимаю... - начал было Доминик, но тут раздался громкий голос коменданта.

- Тихо! Прошу тишины! - возгласил он. - Наши друзья с седьмой планеты хотят сделать сообщение. - Он повернулся к горгонам. - Прошу вас, говорите.

Ко всеобщему удивлению слово взял Джорджи. Он что-то прошепелявил на свистящем языке горгонов. Никто из людей не понял ни слова, за исключением Урбена, который побледнел под искусственным загаром и принялся что-то взволнованно бормотать себе под нос.

Когда Джорджи закончил речь, заговорил один из новоприбывших горгонов.

- Наистарейшая особь, вы знать ее под именем Джорджи, хочет вам сказать благодарность. Вы к нему сделали много доброты, когда он был несмысленным юнцом.

- "Несмысленным юнцом", о господи! - вполголоса простонал Урбен. - Это ведь самое грубое из тех соответствий, которые я предлагал. Кто только составлял словарь? Переводчики хреновы! Да разве можно так издеваться над семантикой? Дословно - "нескладная особь", но по смыслу, по смыслу... "Толстый мальчишка", вот как бы я это перевел. А на дворовом жаргоне так и вовсе - "жиртрест". Господи боже святой и все его архангелы!..

- Теперь, когда он есть стал старейший, - говорил тем временем горгон, - Джорджи будет премного счастлив ответить вам добром на добро в доступной юридически обоснованной форме....

- Что все это значит? - обиженно спросил Альварес. - И почему он сам не может нам это сказать?

- Теперь это ниже его достоинства, - приглушенной скороговоркой ответил Несельрод. - Тс-с!

- ...если, - сказал горгон, - вы сумеете дать старейшей особи, узнанной под именем Джорджи, надлежащее наказание, как говорилось прежде.

Люди окаменели от неожиданности. Только Карвер резким щелчком открыл наручный коммуникатор.

- Сколько у нас осталось времени до истечения поставленного горгонами срока? - требовательно спросил он.

В наступившем молчании все напрягали слух, чтобы услышать слабый голос из коммуникатора.

- Меньше получаса, сэр.

- Призываю собрание к порядку! - сказал Карвер, молотя кулаком по столу.

Джорджи и два других горгона сидели напротив коменданта. Между ними на столе красовался букет из настурций и папоротника. Букет должен был символизировать то, что встреча носит официальный характер. На стороне Карвера сидели Доминик, Урбен, Уомрас, Альварес, Несельрод, Келли и Ритнер.

- Излагаю ситуацию, - агрессивно начал Карвер. - Этот горгон вдруг оказался членом их правящего совета. Черт его знает, почему. Я не знаю. Да и неважно. Суть вопроса в том, что он к нам дружелюбно настроен. Так что наша миссия, можно сказать, выполнена... если нам удастся его наказать должным образом. Если же нет - мы влипли по самые уши. Какие будут предложения?

Доминик наклонил бритую голову к Альваресу.

- Доктор, у меня возникла мысль, - прошептал он. - Скажите, есть ли в строении тела горгонов какая-нибудь особенность, которая радикально отличает их от нас?

- Да конечно же, - угрюмо отозвался Альварес. - Сколько угодно. Они, можно сказать...

Бросив на них убийственный взгляд, Карвер кивнул Ритнеру:

- Да?

- Ну, я тут подумал... Дыба не подошла, но у древних было еще одно орудие пыток, называлось "железная дева". В него вела такая дверца с шипами...

- Я вот что имел в виду, - сказал Доминик. - Есть ли что-то, ограничивающее их максимальный размер? Какая-то причина, по которой им опасно или невыгодно расти большими?

Альварес нахмурился и посмотрел на Несельрода, который придвинул свой стул к ним поближе.

- Давление?... - предположил Несельрод.

Доктора одинаковым жестом потеряли подбородки и взглянули друг на друга с искоркой профессионального любопытства в глазах.

- Ну, ну! - загорелся Доминик. - Так что там с давлением?

Карвер как раз спрашивал Ритнера:

- Сколько времени вам понадобится, чтобы построить этот механизм?

- Часов десять - одиннадцать.

- Слишком долго. Предложение отклоняется. Следующий!

- Фактически, - задумчиво сказал Несельрод, - горгоны представляют собой одну-единственную клетку, наполненную коллоидным раствором. Раствор находится под значительным осмотическим давлением. Чем больше они вырастают, тем - при той же форме - сильнее давление. Если горгон вырастет слишком большим, мне кажется, он...

- Лопнет! - в ужасе воскликнул Альварес.

Карвер разъяренно повернулся к ним.

- Джентльмены! Если бы вы хоть немного помогли мне, вместо того, чтобы мешать... Уомрас, прошу вас.

- Я размышлял, сэр... если бы мы позволили ему превратиться в рыбу - ну, как тогда, в бассейне, - и тут же быстро вытащили из воды... Может быть...

- Не может, - трезво сказал Келли. - Он тогда превратился обратно за пару секунд.

На горгонов никто не обращал внимания. Один из больших горгонов, который все это время неотрывно глядел на букет в центре стола, внезапно вытянул конечность, схватил цветы и сунул в ротовое отверстие. Джорджи что-то резко просвистел на горгонском языке и отобрал у него цветы. Большой горгон выглядел сконфуженным, но довольной розовой окраски не утратил.

Зато Джорджи неожиданно и явственно посинел.

"Рука", в которой он сжимал букет, неуверенно дрогнула. Медленно, словно это стоило ему больших усилий, Джорджи вернул помятые цветы в вазу.

Два других горгона обвили его конечностями. Спустя минуту Джорджи пришел в себя, но синий оттенок в его коже остался.

- Что такое? - встрепнулся Карвер. - Мы все-таки что-то сделали? - Он щелкнул крышкой коммуникатора. - Осталось еще десять минут до окончания срока, значит...

- Ты посинел потому, что мы тебя наказали, Джорджи? - спросил Уомрас.

- Нет, - вдруг пропищал Джорджи без переводчика. - Мне трудно быть старейшим.

Он добавил несколько слов на родном языке, обращаясь к другим горгонам, и они снова обняли его с двух сторон.

- Раньше они мне панга, - добавил Джорджи.

- Так вот почему он отнял торт у жены коменданта! - прошипел Доминик, ударив себя по лбу.

- Ну да! Они...

Карвер живо обернулся к ним:

- Да? Что такое?

- Это объясняет всю историю с тортом, - сказал Доминик. - Джорджи, видите ли, чувствовал себя по отношению к вашей жене покровительственно - это и значит "панга". Горгоны не умеют контролировать свой аппетит, поэтому они следят друг за другом. Когда они становятся старше и лучше владеют собой, они делаются не больше размерами, а меньше! Джорджи не был уверен, в каких отношениях "панга" он находится с нами. Однако по поводу вашей жены у него сомнений не было. Он решил, что если миссис Карвер съест еще один кусок, она лопнет...

Карвер побагровел.

- Чушь! - заорал он. - Доминик, вы... вы оскорбили мою жену, меня и... и человечество!

Джорджи заинтересованно пошевелил фоторецепторами и просвистел что-то на своем языке. Один из больших горгонов тотчас заговорил:

- Старейшая особь говорит, человек с гладкой головой очень умный. Он еще говорит, большой человек, который много шумит, не прав.

У Карвера на скулах заиграли желваки. Он посмотрел на горгонов, потом обвел глазами стол. Все молчали.

Карвер героически выпятил подбородок.

- Ну что ж, джентльмены, - сказал он. - Мы старались, мы сделали, что могли, но...

- Погодите! - вскричал Альварес. У него в черепе ослепительной вспышкой взорвалась догадка. - Джорджи, я тебе панга?

Джорджи напряженно повел слуховыми отростками.

- Да, доктор, - пропищал он. - Ты очень маленький человек.

- Отлично, - сказал Альварес, потирая тощие руки. - А тебя по-прежнему следует наказать за ту ошибку, которую ты совершил на банкете?

Джорджи безрадостно посвистел в разговорную трубу.

- Да, - сказал он.

- Хорошо, - сказал Альварес.

Все взоры обратились на него. На лицах были написаны самые разнообразные выражения - от легкой озадаченности до панического ужаса.

- Тогда я тебе приказываю, - отдельно и громко сказал Альварес. - Ешь, что хочешь!

Урбен с шипением втянул в себя воздух. Большинство сидящих за столом смотрели на Альвареса так, словно у него вместо волос на голове выросли шевелящиеся змеи.

- Доктор, - сказал Карвер, - вы что, совсем...

Его голос потонул в хоре изумленных возгласов. Джорджи вскочил на стол и пожирал цветы из вазы, меняя окраску с розовой на синюю и обратно, как световая реклама. Покончив с цветами, он слопал вазу. Один из его отростков упал на блокнот для записей, который Урбен на мгновение выпустил из рук. Джорджи съел блокнот.

В следующий миг горгон прыгнул со стола, едва не задев Ритнера. Тот испуганно отшатнулся. По пути Джорджи выхватил из-за пояса Доминика перчатки и проглотил их одним махом. Чудовищно чавкая, он принялся жевать ковер. Джорджи ел истово и самозабвенно. Два других горгона бросились к нему, что-то пронзительно вереща, но Джорджи их не замечал. Он стал ярко-синим и увеличивался на глазах, но продолжал есть.

- Остановись! - крикнул Альварес. - Джорджи, стой!

Джорджи замер. Недожеванный кусок ковра свисал у него изо рта. Постепенно его синяя окраска поблекла. Два горгона тревожно ощупывали его и похлопывали. Джорджи выглядел вполне нормально, однако с первого взгляда было видно, что он не поместится в ящик панга.

Он был такой же величины, как двое других. Даже чуточку больше.

- Альварес, - замогильным голосом произнес Карвер, - почему вы?..

- Он чуть не лопнул! - ответил Альварес, дрожа от возбуждения. - Вы что, не видели? Еще кусок-другой...

Карвер пришел в себя. Он оправил комбинезон и выдвинул вперед подбородок.

- Как бы то ни было, - сказал он, - на сей раз он действительно посинел. Вы все были тому свидетелями. - Он обвел стол торжествующим взглядом. - Хвала небесам, это случилось до окончания отпущенного нам срока. Следовательно, если я не ошибаюсь...

Один из двух прибывших на станцию сегодня горгонов поднял вверх фоторецепторы. Теперь было уже трудно разобрать, который из троих Джорджи. Разве что окраска его была еще чуть лиловой. Второй произнес две кратких фразы на горгонском языке, и все трое направились к выходу.

- Что такое? Что он сказал? - возмутился Карвер.

Урбен откашлялся. Он побледнел еще сильнее, чем в прошлый раз.

- Он сказал, чтобы вы приготовили катер. Они отправляются домой.

- Катер их ждет, - сказал Карвер с видом оскорбленного раз и навсегда достоинства. - Они могут улететь в любой момент. Но что он сказал по поводу наказания?

Урбен снова кашлянул.

- Они сказали, что наказание было хорошим, - потрясенно произнес он.

- Более суровое наказание, чем все те, которые им удалось придумать за двадцать тысяч лет. Они сказали, что теперь не станут наказывать Робинсона и остальных, потому что мы все сделали, как надо.

- Ну? - раздраженно сказал Карвер. - Так почему у вас такой вид, словно вы сейчас в обморок упадете? В чем подвох? Они что, отказываются вступать в Союз после этой истории?

- Нет, - горько сказал Урбен. - Совсем наоборот. Они говорят, что теперь мы все им панга. Они сделают так, как мы скажем. Они разрешат нам опуститься на планету, построить распределительные центры и станут потреблять наши продукты в массовых количествах...

- Но это же их убьет! - с ужасом воскликнул кто-то.

- Да, - ответил Урбен.

Карвер вздохнул. Он отдал большую часть своей жизни исследовательско-пропагандистской службе и гордился своим послужным списком. Работа была для него азартной игрой, в которой новые планеты были призами, а счет очков велся маленькими иридиевыми планками, которые прибавлялись у него на груди. Он произнес в наручный коммуникатор:

- Пусть Робинсон со своими людьми сворачивают базу. Дайте мне знать, когда они вернутся на станцию.

Ожидание тянулось долго. Тишина стала нестерпимой. В конце концов экран на стене вспыхнул, и на нем появилась сине-зеленая планета - позолоченная с одного края лучами светила, другим боком скрытая в таинственной тени. Над ночной стороной сверкнула серебряная искорка.

- Катер Робинсона приближается, - раздался голос из динамика.

Карвер вздохнул еще раз.

- Когда они состыкуются, - сказал он, - закрепите катер и давайте команду запускать двигатели. Мы покидаем седьмую планету. Пусть мистер

Фрумен рассчитывает приблизительный курс к следующей звезде нашего назначения.

Альварес, хмурясь и нервно вздрагивая, ухватил себя за ворот комбинезона.

- Вы позволите им остаться вне Союза? - потрясенно спросил он. - Мы не опустимся на седьмую - после всей этой каторжной работы?

Комендант станции задумчиво смотрел на экран. Планета была рядом, рукой подать. Приветливая и манящая...

- Иногда следует поумерить аппетит, - медленно и неохотно произнес Карвер.

Даймон НАЙТ

МАСКИ

Восемь рейсфедеров танцевали по движущейся бумажной ленте, словно клешни потревоженного механического омара. Робертс, обслуживающий техник, морща лоб, вглядывался в график под пристальным наблюдением двух остальных мужчин.

- Вот здесь переход от сна к яви, - сказал он, вытянув костлявый палец. - А здесь, как видите, спустя семнадцать секунд он снова видит сны.

- Запоздалая реакция, - сказал Бэбкок, руководитель эксперимента. Лицо его было красно, лоб покрывал пот. - Не вижу причин для беспокойства.

- Может и так, но взгляните на различия в записи. Он видит сны после импульса пробуждения, но это другой вид сна. Больше напряжение, больше моторных импульсов.

- А зачем он вообще спит? - спросил Синеску, человек из Вашингтона, со смуглым вытянутым лицом. - Ведь продукты усталости вы удаляете химическим путем. Может, какие-то психологические причины?

- Ему нужны сонные видения, - объяснил Бэбкок. - Он действительно не испытывает биологической потребности в сне, но сны ему необходимы. В противном случае есть опасность галлюцинаций, которые могут развиваться в психоз.

- Вот именно, - сказал Синеску. - Это серьезная проблема, правда? И давно он это делает?

- Примерно шесть месяцев.

- То есть со времени, когда получил новое тело... и стал носить маску?

- Примерно. Я хотел бы подчеркнуть одно: его разум в идеальном порядке. Все тесты...

- Хорошо, хорошо. Я знаю результаты тестов. Значит, сейчас он не спит?

- Не спит. У него Сэм и Ирма, - сказал техник, взглянув на контрольный пульт, и вновь склонился над записью энцефалограммы.

- Не понимаю, почему это должно меня волновать. Это же логично: если ему нужны сонные видения, которых наша программа не предвидит, то в эту минуту он их получает. Хотя не знаю... Эти пика меня беспокоят, - сказал он, нахмурясь.

Синеску удивленно поднял брови.

- Вы программируете его сны?

- Это не программирование, - нетерпеливо сказал Бэбкок. - Мы предлагаем только темы. Ничего психического: секс, прогулки на свежем воздухе, спорт.

- Чья это была идея?

- Секции психологии. В нейробиологическом смысле все было в порядке, но

он проявлял тенденцию к замыканию в себе. Психологи сочли, что ему нужна соматическая информация в какой-либо форме. Он живет, действует, все в порядке. Но нужно помнить, что сорок три года он провел в нормальном человеческом теле.

В лифте Синеску сказал то-то, из чего Бэбкок понял только одно слово "Вашингтон".

- Простите, не расслышал, - сказал он.

- Вы кажетесь уставшим. Плохо спите по ночам?

- В последнее время я действительно мало сплю. А что вы сказали до этого?

- Что в Вашингтоне не очень довольны вашими отчетами.

- Черт возьми, я знаю об этом.

Дверь лифта бесшумно раздвинулась. Небольшой холл, зеленые ковры, серые стены. И три двери: одна железная и две из толстого стекла. Холодный, затхлый воздух.

- Сюда.

Синеску остановился перед стеклянными дверями и заглянул внутрь: пустой салон, застеленный серым ковром.

- Я его не вижу.

- Комната имеет форму буквы Г. Он в другой части. Сейчас как раз утренний осмотр.

Дверь открылась от легкого прикосновения. Когда они переступили порог, под потолком вспыхнули лампы.

- Не смотрите вверх, - сказал Бэбкок, - кварцевые лампы.

Тихий свист утих, когда дверь закрылась за ними.

- Я вижу, у вас тут избыточное давление. Для защиты от бактерий снаружи? Чья это была идея?

- Его собственная.

Бэбкок открыл металлический шкафчик в стене и вынул из него две марлевые маски.

- Наденьте, пожалуйста.

Из-за угла доносились приглушенные голоса. Синеску недовольно посмотрел на маску и медленно надел ее.

Они переглянулись.

- Имеет ли какой-то смысл эта боязнь бактерий? - спросил Синеску.

- Разумеется, грипп или что-то подобное ему не грозит, но задумайтесь на минуту. Есть только две возможности убить его. Первая - это авария одной из систем, и за этим мы следим внимательно; у нас работает пятьсот людей, и мы проверяем его, как самолет перед стартом. Остается только мозговая инфекция. Так что принимайте это без предубеждения.

Комната была большой и соединяла в себе функции гостиной, библиотеки и мастерской. В одном углу комплект современных шведских кресел, диван и низенький столик; в другом - стол с токарным станком, электрическая печь, сверлильный станок, доска с инструментами, дальше чертежная доска и перегородка из полок с книгами, по которым Синеску с интересом пробежал взглядом. Там были переплетенные тома отчетов о ходе экспериментов, технические журналы, справочники; никакой беллетристики, за исключением "Огненной бури" Стюарта и "Волшебника из страны Оз" в потертой голубой обложке. За полками они увидели стеклянную дверь, ведущую в другую, иначе обставленную комнату: мягкие стулья, раскидистый филендрон в кадке.

- Это комната Сэма, - объяснил Бэбкок.

В комнате находился какой-то мужчина. Заметив их, он окликнул кого-то, кого они не видели, после чего с улыбкой подошел. Мужчина был лыс, коренаст и сильно загорел. За его спиной появилась невысокая красивая женщина. Она вошла за мужем, оставив дверь открытой. Оба они не носили масок.

- Сэм и Ирма занимают соседнюю квартиру, - объяснил Бэбкок. - Они составляют ему компанию; должен же кто-то быть рядом с ним. Сэм - его

бывший коллега по полетам, а кроме того, у него механическая рука.

Коренастый мужчина пожал руку Синеску, ладонь его была сильной и теплой.

- Хотите угадать, которая? - спросил он. Обе руки были коричневые, мускулистые и поросшие волосами, но, присмотревшись, Синеску заметил, что у правой несколько другой, не совсем естественный оттенок.

- Наверное, левая, - сказал он, чувствуя себя неловко.

- Не угадали, - улыбнулся искренне этим обрадованный Сэм и поддержнул правый рукав, чтобы продемонстрировать ремни, поддерживающие протез.

- Один из побочных продуктов нашего эксперимента, - объяснил Бэбкок.

- Управляется биотоками, весит столько же, сколько нормальная. Сэм, они уже кончают?

- Наверное. Мы можем заглянуть. Дорогая, ты не угостишь нас кофе?

- Ну конечно же.

Ирма исчезла за дверью своей квартиры.

Одна стена комнаты была полностью из стекла и закрывалась белой прозрачной занавеской. Они повернули за угол. Эту часть комнаты заполняло медицинское электронное оборудование, частично встроенное в стены, частично в высоких черных ящиках на колесах. Четверо людей в белых халатах склонялись над чем-то похожим на кресло космонавта. В кресле кто-то лежал: Синеску видел ступни в мексиканских мокасынах, темные носки и серые брюки.

- Еще не кончили, - сказал Бэбкок. - Видимо, нашли что-то неладное.

Выйдем на террасу.

- Я думал, что осмотр проходит ночью, когда ему меняют кровь и тому подобное.

- Утром тоже, - ответил Бэбкок.

Он повернулся и толкнул тяжелые стеклянные двери. Терраса была выложена каменными плитами и закрыта стенами из затемненного стекла и зеленой пластиковой крышей. В нескольких местах стояли пустые бетонные корыта.

- Здесь планировался садик, но он не захотел. Пришлось убрать растения и застеклить всю террасу.

Сэм расставил вокруг белого стола металлические стулья, и они сели.

- Как он себя чувствует, Сэм? - спросил Бэбкок.

Сэм улыбнулся и опустил голову.

- Утром он в хорошем настроении.

- Говорит с тобой? Вы играете в шахматы?

- Редко. Обычно он работает. Немного читает, иногда смотрит телевизор.

Улыбка Сэма была искусственной. Он сцепил пальцы, и Синеску заметил, что костяшки на одной ладони побелели, а на другой - нет. Он отвернулся.

- Вы из Вашингтона, правда? - вежливо спросил Сэм. - Первый раз здесь? Простите... - Он встал со стула, заметив за стеклянными дверями какое-то движение. - Похоже, кончили. Подождите немного здесь, я посмотрю.

Сэм вышел. Двое мужчин сидели молча. Бэбкок сдвинул маску. Синеску, видя это, последовал его примеру.

- Нас беспокоит жена Сэма, - сказал Бэбкок, наклоняясь ближе. - Сначала это казалось хорошей идеей, но она чувствует себя здесь очень одиноко, ей у нас не нравится, здесь нет движения, детей...

Дверь снова открылась, и появился Сэм. Он был в маске, но тоже сдвинул ее вниз.

- Прошу вас.

В комнате жена Сэма, тоже с масочкой на шее, наливала кофе из фаянсового кувшинчика в цветочек. Она лучезарно улыбалась, но вовсе не казалась счастливой. Напротив нее сидел некто высокий в серой рубашке и брюках, откинувшийся назад, вытянув ноги и положив руки на подлокотники. Он не шевелился. С лицом его было что-то не в порядке.

- Вот и мы, - сказал Сэм, потирая руки. Жена взглянула на него с вымученной улыбкой.

Высокая фигура повернула голову, и Синеску испытал потрясение,

поскольку лицо было из серебра: металлическая маска с удлиненными вырезами для глаз, без носа, без губ, на их месте были просто изогнутые поверхности.

- ...Эксперимент? - произнес механический голос.

Синеску вдруг сообразил, что замер над стулом, и сел. Все смотрели на него. Голос повторил свой вопрос:

- Я спрашивал, вы приехали, чтобы прервать эксперимент?

Сказано это было равнодушно, без акцента.

- Может, немного кофе? - Ирма подвинула ему чашку.

Синеску вытянул руку, но она дрожала, и он торопливо отдернул ее.

- Я приехал только для того, чтобы установить факты, - ответил он.

- Вранье. Кто вас прислал? Сенатор Хинкель?

- Да.

- Вранье. Он был здесь лично. Зачем ему посылать вас? Если хотите прервать эксперимент, можете мне об этом сказать.

Лицо под маской не двигалось, когда он говорил, и голос шел как будто не из-под нее.

- Он хочет только сориентироваться в ситуации, Джим, - сказал Бэбкок.

- Двести миллионов в год, - снова сказал голос, - чтобы продлить жизнь одному человеку. Согласимся, что это не имеет смысла. Да вы пейте, а то кофе остынет.

Синеску заметил, что Сэм и его жена уже выпили и натянули масочки. Он торопливо взял свою чашку.

- Стопроцентная неспособность к труду при моей должности дает пенсию в размере тридцати тысяч в год. Я мог бы превосходно жить на эту сумму. Неполные полтора часа.

- Никто не говорит о прекращении эксперимента, - вставил Синеску.

- Ну тогда скажем об ограничении фондов. Это определение вам больше нравится?

- Возьми себя в руки, Джим, - сказал Бэбкок.

- Ты прав. С вежливостью мы не в ладах. Так что же вас интересует?

Синеску глотнул кофе. Руки у него все еще дрожали.

- Почему вы носите маску?... - начал он.

- Никакой дискуссии на эту тему. Не хочу быть невежливым, но это чисто личное дело. Спросите лучше... - Без всякого перехода он вдруг вскочил с криком: - Черт побери, заберите это!

Чашка Ирмы разбилась, кофе черным пятном растекся по столу. Посреди ковра сидел, склонив голову, коричневый щенок с высунутым языком и глазами как бусинки.

Столик опасно наклонился, жена Сэма вскочила, слезы выступили у нее на глазах. Схватив щенка, она выбежала из комнаты.

- Я пойду к ней, - сказал Сэм, вставая.

- Иди, Сэм, и устройте себе выходной. Отвези ее в город, сходите в кино.

- Пожалуй, я так и сделаю, - сказал Сэм и вышел.

Высокая фигура села снова, двигаясь при этом, как человек; откинувшись на спинку, как и прежде, с руками на подлокотниках, и замерла. Ладони были идеальны по форме, но какие-то странные; что-то неестественное было в ногтях. Каштановые, гладко зачесанные волосы над маской - это парик; уши были из пластика. Синеску нервным движением натянул свою марлевую маску на рот и нос.

- Я, пожалуй, пойду, - сказал он, вставая.

- Хорошо. Я хочу еще показать вам машинный зал и секцию научных исследований, - согласился Бэбкок. - Джим, я скоро вернусь. Нам нужно поговорить.

- Пожалуйста, - ответила неподвижная фигура.

Бэбкок принял душ, но рубашка у нею вновь была мокрой под мышками. Тихоходный лифт, зеленый ковер. Холодный, затхлый воздух. Семь лет работы,

кровь и деньги, пятьсот лучших специалистов. Секции психологическая, косметическая, медицинская, иммунологическая, серологическая, научная, машинный зал, снабжение, администрация. Стеклопакетные двери. Квартира Сэма пуста; он с женой поехал в город. Ох уж эти психологи. Хорошие, но лучшие ли? Трое первых отказались сотрудничать. "Это не обычная ампутация, этому человеку ампутировали все".

Высокая фигура даже не дрогнула. Бэбкок сел напротив серебряной маски.

- Джим, поговорим серьезно.

- Плохие новости, а?

- Конечно, плохие. Я оставил его наедине с бутылкой виски. Поговорю с ним перед отъездом, но Бог знает, что он там наговорит в Вашингтоне. Слушай, сделай это для меня и сними маску.

- Пожалуйста. - Рука поднялась, взялась за край маски и стянула ее. Под маской скрывалось загорелое лицо с точеным носом и губами, может, некрасивое, но нормальное. Довольно приятное лицо. Только зрачки были слишком велики и губы не шевелились, когда он говорил. - Могу снять все по очереди. Это что-то изменит?

- Джим, косметическая секция билась над твоим лицом восемь с половиной месяцев, а ты заменяешь его маской. Мы спрашивали, что тебе не нравится, и были готовы изменить все, что ты захочешь.

- Я не хочу разговаривать на эту тему.

- Ты говорил что-то об ограничении фондов. Это была шутка?

Минута молчания.

- Я не шутил.

- В таком случае, Джим, скажи мне, в чем дело. Я должен знать.

Эксперимент не будет прерван, тебя будут удерживать при жизни, но это и все. В списке уже семьсот желающих, из них два сенатора. Допустим, кого-нибудь из них завтра вынут из разбитой машины. Тогда будет поздно для дискуссии; мы должны знать уже сейчас, позволить ли им умереть или дать тело, подобное твоему. Поэтому мы должны поговорить.

- А если я не скажу правды?

- Зачем тебе лгать?

- А зачем обманывают больных раком?

- Не понимаю, что ты имеешь в виду, Джим.

- Попробуем по-другому. Я выгляжу как человек?

- Конечно.

- Вранье. Приглядишься к этому лицу. (Холодное и невозмутимое. За искусственными зрачками блеск металла.) Предположим, что мы разрешили все прочие проблемы и я мог бы завтра поехать в город. Ты можешь представить меня гуляющим по улицам, входящим в бар, едущим в такси?

- И это все? - Бэбкок глубоко вздохнул. - Конечно, Джим, разница есть, но боже ты мой, так бывает со всеми протезированными; людям нужно привыкнуть. Возьми, к примеру, эту руку Сэма. Через какое-то время забываешь о ней, перестаешь ее замечать.

- Вранье. Они делают вид, что не замечают, чтобы не обижать калеку.

Бэбкок опустил взгляд на свои сплетенные ладони.

- Жалеешь себя? - спросил он.

- Не говори ерунды, - загремел голос. Высокая фигура распрямилась, руки со стиснутыми кулаками медленно поднялись вверх.

- Я заперт в этом. Сажу в нем уже два года, нахожусь в нем, когда засыпаю и когда просыпаюсь.

Бэбкок смотрел на него снизу.

- А чего бы ты хотел? Подвижного лица? Дай нам двадцать лет, может, даже десять, и мы решим эту проблему.

- Не в том дело.

- А в чем?

- Я хочу, чтобы вы ликвидировали косметический отдел.

- Но ведь это...

- Выслушай меня. Первая модель выглядела как портновский манекен, и

вы работали восемь месяцев, чтобы построить новую. Эта похожа на свежего покойника. Ваша цель - как можно более уподобить меня человеку. Постепенно совершенствуя очередные модели, вы дошли бы до такой, которая могла бы курить сигары, развлекать дам, играть в кегли, и люди ничего бы не подозревали. Это вам никогда не удастся, а если даже удастся, то зачем?

- Позволь подумать... Что ты имеешь в виду? Металл?

- Конечно, и металл, но не в нем дело. Я имею в виду форму, функциональность. Подожди минутку.

Высокая фигура прошла через комнату, открыла шкаф и вернулась с рулоном бумаги.

- Взгляни на это.

Рисунок изображал вытянутую металлическую коробку на четырех суставчатых ногах. На одном конце коробки размещалась небольшая головка в виде грибка на гибком пруте и пучок рук, заканчивающихся зондами, буравами, держателями.

- Для работы на Луне.

- Слишком много рук, - сказал Бэбкок. - Как ты будешь...

- Нервами лицевых мышц. Их много. Или вот это. (Другой рисунок.)

Контейнер, подключенный к пульту управления космического корабля. Космос - идеальное место для меня. Стерильная атмосфера, малая гравитация, я могу добраться туда, куда человек не доберется, и сделать то, чего человек не сможет никогда. Там я могу быть полезен, а сидя здесь - я миллиардная дыра в бюджете.

Бэбкок потер глаза.

- Почему ты ничего не говорил раньше?

- Да вы все помешались на протезировании. Сказали бы мне, чтобы я не вмешивался.

Бэбкок дрожащими руками скрутил рисунки.

- Честное слово, это может решить вопрос, - сказал он. - Вполне возможно.

Он встал и направился к двери.

- Держись, Джим.

Оставшись один, он вновь надел маску и постоял немного не двигаясь, вслушиваясь в легкий, ритмичный шум помп, щелчки переключателей и клапанов; он чувствовал, что там, внутри у него, холодно и чисто. Нужно признать, что это ему обеспечили: освободили от всех потрохов, заменив их механизмами, которые не кровоточат, не текут и гноятся. Он подумал о том, как обманул Бэбкока. "А почему обманывают больного раком?" Они все равно не смогут этого понять.

Он сел за чертежную доску, прикрепил чистый лист бумаги и начал рисовать карандашом машину для исследования Луны. Закончив машину, начал набрасывать кратеры и фон. Карандаш двигался все медленнее, наконец он с треском отложил его.

Нет желез, выделяющих в кровь адреналин, значит, он не испытывает ни страха, ни ярости. Его освободили от всего этого - от любви, от ненависти, - но забыли об одном чувстве, на которое он еще способен.

Синеску с черной щетиной бороды, пробивающейся сквозь толстую кожу. Созревший угорь возле носа.

Чистый и холодный лунный пейзаж... Он снова взял карандаш.

Бэбкок со своим приплюснутым, красным носом, с гноем в уголках глаз и остатками пищи между зубами.

Жена Сэма с малиновой кашицей на губах. Лицо в слезах, капелька под неком. И этот проклятый пес с блестящим носом и мокрыми глазами...

Он повернулся. Пес был здесь, сидел на ковре, с висящего розового языка капала слюна. (Снова оставили двери открытыми!) Схватив металлическую рейсшину, он взмахнул ею как топором. Пес коротко взвизгнул, когда металл раздробил его кости. Один глаз заполнился кровью, пес дергался в конвульсиях, оставляя на ковре темные пятна, а он ударил еще и еще раз.

Маленькое тельце, скорчившись, лежало на ковре, окровавленное, с

ощеренными зубами. Он вытер рейшину бумажным полотенцем, вымыл ее в раковине водой с мылом, вновь вытер и положил на место. Потом взял лист ватмана, развернул на полу и подсунул под тело собаки, стараясь как можно меньше пачкать ковер. Подняв труп щенка, он вышел с ним на террасу, открыв дверь плечом. Выглянул через перила. Двумя этажами ниже бетонная крыша с трубами. Никто не смотрит. Он сбросил собаку с бумаги, и та полетела вниз ударились о трубу, оставив на ней красную полосу. Вернувшись в комнату, он выбросил бумагу в мусоропровод.

Пятна крови были на ковре, на ножках столика и на его брюках. Он вытер их водой и бумажными полотенцами, потом снял одежду, внимательно осмотрел и бросил в прачечную. Вымыл раковину, вымылся сам дезинфицирующим средством и надел чистую одежду. Войдя в пустую квартиру Сэма, оставил дверь на террасу открытой и вернулся к себе.

Чистый и холодный, снова сел за чертежную доску. Ему вдруг вспомнился сон, который он видел сегодня утром: скользкие почки лопаются серые легкие кровь и волосы шнуры кишок покрытые желтым жиром и этот смрад как из уборной а он переправляется через какой-то вонючий желтый поток и...

Он начал рисовать тушью, сначала тонким стальным пером, потом нейлоновой кисточкой.

...поскользнулся и падал не в силах остановиться погружался в вязкое месиво все глубже не в силах шевельнуть ни рукой ни ногой как парализованный и напрасно хотел закричать хотел закричать хотел закричать...

Машина карабкалась по склону кратера, руки ее были вытянуты, голова откинута назад. Вдали виднелась скальная стена, горизонт, черное небо и звезды, как булавочные головки. Это был он там, на Луне, но еще слишком близко, ведь над головой, как гнилой плод, нависала Земля - голубая от плесени, сморщенная, струящаяся, кишачная жизнью.

ДЭЙМОН НАЙТ ВРЕМЕНИ ХВАТИТ НА ВСЕ

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

На фоне серых стен и панели управления сиял обзорный экран. Лето. Полдень. Листва.

- Вот то самое место, - прозвучал в ушах Фогеля мальчишеский голос.

Старик слегка тронул ручку управления, и точка обзора замерла футах в двадцати над землей. Кленовая листва на экране покачивалась под легким ветерком. Лежавшая внизу тропа едва различалась в густой тени.

Изображение на небольшом экранчике выглядело столь реально, что казалось - можно пролезть в рамку и опуститься под залитые солнечным светом деревья. В комнату проникало теплое дыхание ветерка.

- Я смог бы пройти там с завязанными глазами, - снова услышал старик голос Джимми. Мальчик ерзал на стуле, руки у него на коленях то и дело сжимались в кулаки. - Помню, мы все стояли кружком перед деревенской аптекой, и кто-то из ребят предложил: пойдем купаться. Тогда мы пустились бегом через весь поселок, и первое, что я сообразил, - направлялись мы не на пляж, а к старой каменоломне.

Листва заплескала перед их глазами, когда ветер дунул сильнее.

- Сейчас они появятся, - сказал Джимми. - Если, конечно, время выбрано верно. - Джимми обратил взгляд к индикаторам на приборной доске, и высокий мальчишеский голос прочел: - Двадцать восьмое мая тысяча девятьсот шестидесятого года. Одиннадцать ноль девять тридцать две секунды. Утро.

И неожиданно взвизгнул:

- Вот они!

На экране под деревьями замелькали бегущие тела. Фогель увидел голые загорелые спины, майки, футболки. В стайке было восемь или девять мальчишек, все лет до двенадцати; тащившийся позади худой темноволосый мальчуган казался немного младше. Он помедлил, его обращенное вверх бледное лицо стало ясно различимо в это мгновение сквозь листву. Затем повернулся и исчез в трепещущей на ветру темно-зеленой листве.

- Вот и я. - Голос Джимми срывался. - Теперь мы карабкаемся вверх по склону к каменоломне. Там темнотица крошечная, а старых елей столько, что неба не видно. Мох там как холодная грязь, а мы босиком.

- Постарайтесь расслабиться, - осторожно посоветовал Фогель. - Или, может, отложим?

- Нет, сейчас, - судорожно выговорил Джимми. Затем голос его выровнялся. - Я немножко волнуюсь, но кажется, я смогу. Я ведь тогда не то чтобы взаправду испугался. Просто так получилось. Мне не дали времени приготовиться.

- Для этого и существует машина, - успокаивающим тоном заметил Фогель. - Времени у нас вагон - хватит на все, что пожелаешь.

- Я знаю, - как-то неуверенно отозвался Джимми.

Фогель вздохнул. Дневные часы утомляли его. Да и в работу свою старик уже не особенно верил. Работа есть работа, тем более, кто знает, может, кому-то и удастся помочь. Только все не так просто, как казалось этим самонадеянным юнцам.

На экране что-то промелькнуло. Джимми так и впился в него взглядом.

В поле зрения ворвался мальчик - тот самый, что бежал последним. Он неловко размазывал слезы по щекам, исцарапанным в подлеске, и мотал головой. Вскоре качающиеся ветви сомкнулись за ним.

Джимми медленно разжал кулаки.

- Вот и я, - раздался полный горечи голос. - Убегаю. И реву, как малое дитя.

Паучьи пальцы Фогеля потянулись к ручкам управления. Точка обзора медленно сползла вниз. Целые галактики зеленой листвы прошуршали мимо, будто яркий дым, а затем все замерло - теперь они смотрели на тенистую тропу, нависая над ней в пяти футах от земли.

- Ты готов? - осторожно спросил Фогель.

- Конечно, - отозвался Джимми - как прежде, тонким, слабым голоском.

После встряски он зашатался в поисках равновесия и в конце концов уцепился за небольшое деревце. Мир завертелся вокруг него, успокоился - и Джимми расхохотался. Ствол дерева прохладен и гладок; льнувшая со всех сторон листва роилась сплошным зеленым великолепием. Он снова оказался в келлогских лесах тем самым майским днем, когда все пошло не так. Все как прежде. Те же листья на деревьях. Тот же воздух.

Джимми пустился вверх по тропе. Через несколько мгновений сердце бешено заколотилось. Как же он ненавидел их - всех этих пацанов с самодовольно ухмыляющимися рожами! Сейчас они там, наверху, поджидают его. Но в этот раз он им покажет. А потом, когда все закончится, ненависть понемногу отпустит. Это точно. Только, Боже милостивый, как же он их теперь ненавидит!

Джимми карабкался во мраке под елями, утопая ногами в густом мху. На какое-то мимолетное мгновение он пожалел, что пришел. Но послать его сюда обошлось родителям в тысячу долларов. Джимми предоставили великолепный шанс - и он ни за что его не упустит.

Теперь уже слышны были глухие и призывные голоса мальчиков - и холодный всплеск, когда кто-то из них нырнул.

В ожесточенной ненависти Джимми взобрался туда, где открывался вид на глубокую мрачную пропасть старой каменоломни. Видел он и крошечные фигурки детей - там, на другой стороне, и оползень на склоне -

единственное место, где можно выбраться из воды. Мокрые, мальчики расселись на камнях, дрожа от холода.

Он увидел мертвую ель, что лежала наклонно на краю каменоломни; спутанные корни ее висели в воздухе. Ствол казался серебристо-серым; у основания - наверное, в фут толщиной. Упала она вертикально вниз на стену - старое дерево с торчащими обрубками ветвей - а макушка застряла в трещине. Ниже ели был целый ряд уступов, которые позволяли спуститься до самой воды.

Но сначала требовалось пройти по мертвому дереву.

Джимми взбирался по толстым искривленным корням, стараясь не думать о жуткой пропасти. А там, на другой стороне, маячили бледные пятна лиц. Они поднимали глаза, они смотрят на него!

Теперь Джимми живо припомнил, как все было тогда: цепочка мальчиков спускается по дереву, руки раскачиваются в поисках равновесия, босые ноги осторожно ступают по шершавому стволу. Если бы только его не оставили последним!

Джимми шагнул на ствол. Затем, сам того не желая, бросил взгляд вниз - и увидел разверзшуюся пропасть: черную воду и скалы.

Дерево покачивалось. Джимми попытался сделать следующий шаг и понял, что не может. Все было в точности как тогда - и теперь до него дошло, что по этому дереву просто невозможно пройти. Обязательно поскользнешься и упадешь вниз, мимо скалистого утеса - вниз, в холодную воду. Прикованный к стволу меж небом и каменоломней, он мог сколько угодно втолковывать себе, что у него все получится, как и у остальных мальчишек, - это ни капли не помогало. Но что толку в уговорах, когда совершенно ясно - когда каждому должно быть ясно - это невозможно.

А там, внизу, холодно и безмолвно ждали мальчики.

Джимми медленно отступил. Как горели на его щеках слезы ненависти к самому себе! Джимми перелез через выгибающиеся дугой корни и пустился прочь от каменоломни, отчетливо слыша далекие крики за спиной - они звенели ему вслед, пока он, спотыкаясь, ковылял по тропе.

- Не стоит так расстраиваться, - безразлично произнес Фогель. - Может, в этот раз ты просто был не готов. Джимми ожесточенно вытер ладонью глаза.

- Не готов, - пробормотал он. - Мне казалось, что смогу, но... Наверное, слишком нервничал - вот и все.

- А может... - Фогель заколебался. - Некоторые люди считают, что лучше забыть о прошлом и решать наши проблемы в настоящем.

Джимми изумленно раскрыл глаза.

- Теперь я уже не могу сдаться! - воскликнул он и возбужденно встал. - Иначе вся моя жизнь будет разбита... Знаете, мистер Фогель, никогда не думал, что услышу от вас такое. То есть я хочу сказать, что сама суть машины... и всего остального...

- Знаю, - отозвался Фогель. - Прошлое можно изменить. Школьник может пересдать экзамен. Влюбленный может еще раз сделать предложение. Слова, о которых вспомнили слишком поздно, могут быть сказаны. Раньше и я так думал. - Старик изобразил на лице улыбку. - Как в карточной игре. Если не нравятся карты, которые имеешь на руках, можно взять другие, потом следующие...

- Верно, - кивнул Джимми, успокоившись. - И если так подойти к делу, то как я могу проиграть?

Фогель не ответил - лишь учтиво поднялся с места, собираясь проводить Джимми до двери.

- Значит, увидимся завтра, мистер Фогель, - бросил Джимми напоследок.

Фогель взглянул на календарь, висевший на стене; там стояло двадцать первое апреля 1978 года.

- Да, конечно, - ответил он.

Уже в дверях Джимми обернулся к нему - бледный, худощавый

тридцатилетний мужчина, в безвольных глазах которого светилась безмолвная просьба...

- Ведь там всегда завтра - правда, мистер Фогель? - спросил Джимми.

- Да, - устало согласился Фогель. - Там всегда завтра.

ДЭЙМОН НАЙТ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

Первым словом, надо полагать, было "ай". Какой-нибудь проглотит, пытавшийся обтесать один камень другим, промазал, разбил себе палец - и вот, пожалуйста. Язык.

Меня так и тянет к подобным бесполезным и непроверенным фактам. Возьмем первого пса. Убежден, это был невероятно смысленный, но трусливый волк, сумевший так запугать древнего человека, что тот швырнул ему обедки. Да и сам древний человек был жутким трусом. Человек и волк обнаружили, что могут вместе охотиться, в своей трусливой манере - и вот, пожалуйста, еще. Одомашненные животные.

Признаю, первые несколько тысячелетий я проявлял беспечность. К тому времени, когда до меня наконец дошло, что человечество нуждается в более внимательном присмотре, многие решающие события уже произошли. Тогда я был молодым... ну, скажем, молодым падшим ангелом. Будь я постарше и поопытнее, история могла бы пойти совсем по-другому.

Затем случилось так, что я натолкнулся на молодого египтянина с женой, сидевших на камне у берега Нила. Вид у них был хмурый; вода поднималась. Неподалеку шастал голодный шакал, и мне пришло в голову, что если я на пару минут отвлеку внимание молодых людей, шакал сможет преподнести им неприятный сюрприз.

- По-вашему, высокогато? - обходительно спросил я, указывая на воду.

Они довольно косо на меня посмотрели. Я постарался как можно точнее скопировать внешность человеческого существа, но иллюзия была подпорчена широкополым плащом, странным для этого времени.

Мужчина ответил:

- Хотя бы она вообще не поднималась.

- Что вы, странно такое слышать, - возразил я. - Если бы река не поднималась, ваши поля не были бы столь плодородными, разве не так?

- Верно, - согласился мужчина, - но только если бы она не поднималась, мои поля по крайней мере остались бы моими. - Он указал туда, где вода сносила его изгороди. - Каждый год после половодья мы спорим из-за границ, а в этом году у соседа живет его двоюродный брат. А двоюродный брат этот - здоровенный мужик вот с такими бицепсами. - Длинной палкой мужчина стал задумчиво чертить в грязи какие-то линии.

Эти линии несколько меня встревожили. Живущие севернее шумеры недавно изобрели письменность, и я до сих пор не мог оправиться от потрясения.

- Что делать, жизнь - борьба, - сказал я мужчине в утешение. - Ешь сам, или тебя сожрут. Пусть победит сильный и пусть неудачник плачет.

Мужчина, похоже, не слушал.

- Вот бы найти способ, - пробормотал он, разглядывая свои метки, - чтобы получить какой-то дубликат ограды и ставить ее потом в прежнем месте...

- Чепуха, - перебил я. - Просто стыдно такое предлагать. Что сказал бы твой старый отец? Ведь что было хорошо для него...

За все это время женщина не произнесла ни слова. Теперь же она

взяла у мужчины длинную палку и заинтересованно ее осмотрела.

- А почему бы и нет? - сказала она, указывая на проведенные в грязи линии. Мужчина начертил там примерный план своего участка, а каждый угол отметил камнем.

Тут-то шакал и бросился. Отощавший и отчаявшийся, с пастью, полной острых желтых зубов.

Длинной палкой женщина съездила зверю по морде. Шакал побежал прочь, жалобно завывая.

- Вот те на! - воскликнул я, неприятно пораженный. - Жизнь - борьба...

Женщина выругалась, а мужчина направился ко мне с недвусмысленно загоревшимися глазами - так что я поспешил убраться. И представляете - когда после очередного половодья я вернулся, они измеряли поле с помощью шестов и веревок!

Опять трусость - тот мужчина не захотел разбираться по поводу границ со здоровенным кузеном своего соседа. Еще один счастливый случай - и вот, пожалуйста. Геометрия.

Вот бы мне все предвидеть - я бы подослал пещерного медведя к тому человеку, который первым проявил прискорбную искорку любопытства... Впрочем, что толку в пожеланиях? Повернуть стрелки часов назад не смог бы даже я.

Но со временем я все же кое-чего достиг. Вместо того чтобы попытаться подавить тягу к изобретательству, я научился направлять ее в нужное русло. Я помог китайцам научиться делать порох. (Семьдесят пять частей селитры, тринадцать частей серы, двенадцать частей древесного угля, если вам интересно. Только вот разmolка и перемешивание чрезвычайно сложны - сами китайцы никогда бы не додумались.) Когда они стали использовать порох лишь для фейерверков, я не сдался - провернул то же самое в Европе. Терпение всегда было моим козырем. Я никогда не обижался. И когда Лютер швырнул в меня чернильницей, я не был обескуражен. Я просто стоял на своем.

Периодические неудачи волнения не вызывали; меня угрожали низвергнуть именно достижения. По окончании каждой из войн возникал какой-то импульс, теснее сплавивший людей. Малые группы воевали друг с другом, пока не образовывали большие группы; затем большие группы воевали друг с другом, пока не оставалась всего одна.

Я снова и снова затевал эту игру - с египтянами, с персами, с греками, - и под конец я их всех уничтожил. Но я понимал, где таится опасность. Когда две последние группы поделили между собой мир, последняя война могла кончиться вселенским миром, ибо уже не осталось бы никого, чтобы воевать.

В последней войне следовало применить столь разрушительное, столь беспримерно губительное оружие, чтобы человечество уже никогда не смогло оправиться.

Такое оружие нашлось.

И на пятый день, оседлав ветер, я рассматривал планету, лишенную лесов и полей, лишенную даже верхнего слоя почвы: там не осталось ничего, кроме голого камня, изрытого кратерами, подобными лунным. Небо исходило нездоровым лиловым светом, полное молний, выскакивавших словно языки змей. Да, я заплатил высокую цену, но человечества не стало.

Впрочем, не совсем так. Остались еще двое - женщина и мужчина. По прошествии времени я обнаружил их, живых и здоровых, сидящими на утесе, что нависал над радиоактивным океаном. Они находились внутри прозрачного купола - или силового поля, - не пропускавшего зараженный воздух.

Представляете, как близок я был к окончательному поражению? Если бы им только удалось распространить свою машину по всему миру до начала войны... Но эта оказалась единственной, которую они успели сделать. И вот они сидели внутри нее, как две белых крысы в клетке.

Они сразу же меня узнали. Вблизи выяснилось, что женщина совсем

молода и миловидна.

- Весьма хитроумное приспособление, - учтиво обратился я к ним.

На самом деле это была отвратительная штукавина - плотные слои проводков, трубочек и прочей дряни глубоко под полом, а наверху большой полукруглый пульт управления и множество горящих лампочек.

- Жаль, я раньше не знал, - можно было бы найти вашей машине какое-нибудь применение.

- Ну уж нет, - угрюмо отозвался мужчина. - Это мирная машина. Она, кроме прочего, генерирует поле, которое защищает от атомного взрыва.

- Почему вы говорите "кроме прочего"? - поинтересовался я.

- А у него такая присказка, - вмешалась женщина. - Задержишься ты еще на шесть месяцев, мы могли бы тебя одолеть. А теперь ты, похоже, считаешь, что победил.

- О, разумеется, - согласился я. - То есть так будет - в ближайшее время. А пока что можно устроиться поудобнее.

Они застыли в напряженных, агрессивных позах у пульта управления и не обратили на мое предложение никакого внимания.

- А почему вы говорите, что я считаю, что победил? - спросил я.

- Просто у меня такая присказка. Что ж, по крайней мере мы долго сопротивлялись.

Мужчина вставил:

- И теперь ты набрался смелости, чтобы показаться. - Он свирепо сжал зубы. В кабинах штурмовиков в первый день войны таких, как он, хватало с избытком.

- О нет, - возразил я, - я был здесь все время.

- С самого начала? - спросила женщина.

Я отвесил ей учтивый поклон.

- Почти, - ответил я, чтобы остаться предельно честным.

Наступило недолгое молчание - одна из тех неловких пауз, которыми порой прерываются приятнейшие беседы. Совсем рядом появился завиток раскаленного побега. В следующее мгновение пол слегка осел.

Мужчина и женщина тревожно взглянули на пульт управления. Там вспыхивали разноцветные лампочки.

- Что, аккумуляторы? - услышал я напряженный голос женщины.

- Нет, - ответил мужчина. - Они в порядке - еще заряжаются. Подожди минутку.

Женщина повернулась ко мне. Я обрадовался, так как что-то в их разговоре мне совсем не нравилось. Она спросила:

- Почему ты не мог оставить все как есть? Видит Бог, мы не идеальны - но все же и не настолько плохи. Тебе не следовало толкать нас на такие поступки.

Я улыбнулся. Мужчина медленно проговорил:

- Мир отравил бы ему существование. Он бы сморщился, как сушеное яблоко. - Он был прав или близок к правде - и я не стал возражать. Пол снова качнулся.

- Ждешь, чтобы понаблюдать за нашими страданиями? - спросила женщина. - Верно?

Я улыбнулся.

- Может уйти много времени. Даже если мы рухнем в океан, шар сохранит нам жизнь. Мы сможем оставаться здесь многие месяцы, пока не кончится пища.

- Ничего, я подожду, - любезно ответил я.

Она повернулась к мужу.

- Значит, мы точно последние, - сказала она. - Понимаешь? Иначе разве он остался бы здесь?

- Верно, - согласился мужчина, и в голосе его прозвучала нотка, которая мне совсем не понравилась. - Больше нас ничего не удерживает. Ава, может, ты?.. - Он отступил в сторону, указывая на большой переключатель с красной ручкой.

Женщина подошла и положила туда руку.

- Один момент, - встревожился я. - Что вы делаете? Что это за устройство?

Она одарила меня улыбкой.

- Это не просто машина для генерации силового поля, - сообщила она.

- Да? - спросил я. - А для чего еще?

- Это машина времени, - сказал мужчина.

- Мы отправляемся обратно, - шепнула женщина, - к началу.

Обратно, к началу - чтобы начать все заново.

Без меня.

Женщина добавила:

- Ты выиграл Армагеддон, но ты проиграл Землю.

Конечно, я и на это знал ответ, но она была женщиной, последнее слово оставалось за ней.

Я указал на лиловые сумерки снаружи:

- Потерянная Земля? Так вы это назовете?

Женщина задержала руку на переключателе.

- Ад, - ответила она.

И я помнил ее голос - все эти десять одиноких тысячелетий.

ДЭЙМОН НАЙТ СТАНЦИЯ "ЧУЖАК"

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

Вой и грохот ненадолго заполнили извилистые коридоры и комнаты станции. Поль Вессон стоял, впитывая в себя эти звуки, пока раскатистое эхо не замерло где-то вдали. Ремонтный корабль улетел обратно к "Дому". Вессон же остался в одиночестве на станции "Чужак".

Станция "Чужак"! От одного названия захватывало дух! Конечно, Вессон знал, что обе орбитальные станции примерно столетие назад не без причины получили свои названия от Британского управления спутниковыми службами. Более крупный "Дом" обслуживал транспорт Земли и ее колоний, а "Чужак" предназначался для торговых связей с чужестранцами - с существами из-за пределов Солнечной системы. Но даже такой утилитарный смысл не мог умерить изумленного восторга Вессона при виде станции "Чужак". Станции, что крутится во мраке одиночества и ждет своего гостя, который является лишь раз в два десятилетия.

Когда же гость являлся, одному из миллиардов землян вменялось в задачу и почетную обязанность терпеть присутствие чужака. Как и почему, Вессону толком не было известно. Твердо он знал лишь одно: различия меж их двумя расами настолько глубоки, что встреча крайне мучительна для обоих. Что ж, завербовался он добровольно. Значит, надо справиться. Тем более что вознаграждение окупит любую боль.

Пройдя все проверки, Вессон вопреки собственным ожиданиям оказался тем самым одним из миллиардов. Ремонтный корабль доставил его сюда в виде мертвого груза - погруженным в полную отключку. В таком же виде Вессон и пребывал, пока ремонтники занимались своей работой. Потом они вернули его в сознание и улетели. Теперь он остался один. Впрочем, не совсем.

- Добро пожаловать на станцию "Чужак", сержант Вессон, - неожиданно произнес приятный голос. - С вами разговаривает альфа-сеть. В мои обязанности входит ваша защита и обеспечение вас всем необходимым. Если вам чего-нибудь хочется, можете смело меня попросить. - Нейтральный тон с оттенком школьной учительницы или экскурсовода в музее.

Хоть и был Вессон заранее предупрежден, все равно не смог не поразиться схожести этого голоса с человеческим. Альфа-сеть, последнее

слово робототехники. Компьютер, охранник, личный слуга, библиотека - и ко всему этому добавили нечто похожее на "личность", наделенную "свободной волей". Похожее настолько, что специалисты уже успели сломать целый лес копий в спорах о том, личность ли это и в какой мере свободна ее воля. Альфа-сеть - безумно дорогостоящая игрушка. Ни, с чем подобным Вессон еще не сталкивался.

- Спасибо, - выговорил он наконец в пустоту. - Хм... кстати, а как мне к вам обращаться? Не могу же я без конца долдонить: "Эй, альфа-сеть!"

- Последний ваш предшественник звал меня тетя Сетти, - отозвалась машина.

Вессон скривился. Тетя Сетти. Ну и каламбур! Нет, так не пойдет.

- Насчет тети - порядок, - сказал он. - Но для меня вы будете тетя Джейн. Так звали сестру моей матери. Кстати, вы и голосом на нее похожи - самую малость.

- Весьма польщена, - вежливо ответила невидимая машина. - А теперь, быть может, перекусите? Бутерброды? Холодное пиво?

- Спасибо, - поблагодарил Вессон. - Но чуть погодя. Сначала немного осмотрюсь.

И повернулся в другую сторону. Это, похоже, положило конец разговору - сеть, по крайней мере, погрузилась в молчание. Славная штукавина. Вот бы всегда такую компанию. Когда обращаешься - говорит, а нет - молчит как рыба.

Людскую часть станции составляли четыре комнаты - спальня, гостиная, столовая и душевая. Гостиная оказалась достаточно просторной и довольно милой, оформленной в зеленовато-бурых тонах. Всей механики - только кожух какого-то аппарата в углу. Остальные комнаты располагались по кольцу вокруг гостиной - совсем крошечные, рассчитанные только на одного человека. Был еще узенький "круговой коридор и разные обслуживающие механизмы. Станция хранила себя в идеальной чистоте и работала безупречно - несмотря на более чем десятилетнее бездействие.

"Теперь самая легкая часть всего предприятия", - подумалось Вессону. До прибытия чужака еще месяц. А пока - хороший паек, ненавязчивые беседы с альфа-сетью и никакой работы.

- Ну, тетя Джейн, - обратился он к сети, - вот теперь я, пожалуй, съел бы небольшой бифштекс. Среднеподжаренный, с картошкой, луком и грибами. Да, и стаканчик светлого пива, пожалуйста. Скажете, когда будет готово.

- К вашим услугам, - отозвался приветливый голос. В столовой тут же важно загудел и защелкал автоповар. А Вессон тем временем еще побродил по станции и внимательно осмотрел пульт управления. Судя по показаниям приборов, шлюзы надежно задрасны, рециркулятор воздуха в норме. Находясь на орбите, станция вращалась вокруг своей оси и создавал силу тяжести в один "жэ" в секторе, предназначенном для людей. А внутренняя температура в этой части составляла ровно 23 градуса по Цельсию.

На второй же половине приборной доски - совсем иная картина. Все экраны и циферблаты черны, как сам космос. Второй сектор станции, объемом примерно в восемьдесят восемь раз больше Первого, пока еще не работал.

В голове у Вессона ненадолго возник мысленный образ станции, сложившийся из фотографий и чертежей. Двухсотметровая в диаметре дюралюминиевая сфера, к которой приварен десятиметровый шарик людской части. И похоже было на то, что вся полость ремонтных помещений, а также - самое главное - специальных баков представляла собой тесную камеру для необъятного тела чужака.

- Бифштекс готов! - объявила тетя Джейн.

Вот так бифштекс! Горячий, пузырящийся. Хрустящий снаружи - и нежно-розовый внутри. Как раз по вкусу Вессона.

- Тетя Джейн, - промычал он с набитым ртом, - а ведь все совсем не так плохо. Правда?

- Вы о бифштексе? - с тревожной ноткой в голосе спросила машина.

Вессон ухмыльнулся.

- Бифштекс классный, - успокоил он собеседницу. - Но вы мне лучше вот что скажите. Сколько раз вы уже проходили эту процедуру? Вас с самого начала вмонтировали на станцию?

- Нет, меня вмонтировали не с самого начала, - сдержанно отозвалась тетя Джейн. - Я ассистировала при трех контактах.

- Хм. Сигаретку бы, - пробормотал Вессон, хлопая себя по карманам.

Автоповар тут же загудел и выплюнул на лоток пачку "Эл-Эм". Вессон с удовольствием закурил.

- Вот как славно, - продолжил он. - Значит, вы уже три раза все это проходили. И многое могли бы мне порассказать. Так ведь?

- О да, разумеется. А что бы вы хотели узнать?

Откинувшись в кресле, Вессон неторопливо затягивался. Потом зеленые глаза его сузились.

- Для начала, - сказал он, - прочтите мне отчет Паджона. Знаете, тот, из "Краткой сводки". Хочу проверить, верно ли я все запомнил.

- "Глава вторая, - тут же начал ровный голос. - Первый контакт с внеземным разумом произведен командиром Ральфом С. Паджоном 1 июля 1987 года во время аварийной высадки на Титане". Далее следует выписка из официального рапорта: "Доискиваясь до возможной причины нашего душевного недомогания, на другом склоне горного кряжа мы обнаружили некий объект, более всего похожий на гигантскую металлическую конструкцию. При дальнейшем приближении к упомянутой конструкции, многоугольнику раз в пять выше "Одеколона", наше недомогание усилилось.

Некоторые члены команды, не в силах идти дальше, выразили желание вернуться, но мы с лейтенантом Экаффом испытывали острое чувство: будто нас неким непонятным образом зовут или, вернее, призывают. Хотя недомогание усиливалось, мы твердо решили двигаться дальше и поддерживать радиосвязь с остальной частью группы, возвращавшейся к кораблю.

Нам удалось проникнуть в инопланетное строение через большое, неправильной формы отверстие... Внутренняя температура внутри была минус сорок два градуса по Цельсию, а атмосфера, как выяснилось, состояла из метана и аммиака... Во второй камере нас ожидало инопланетное существо. Уже упомянутое мною расстройство сделалось совсем невыносимым, но сильнее стал и зов, скорее напоминавший мольбу... Мы заметили, что из каких-то стыков или пор на поверхности существа сочится густая желтоватая жидкость. С трудом преодолевая ужас и тошноту, я сумел взять пробу этого выделения. При последующем анализе выяснилось..."

Второй контакт совершился десятью годами спустя благодаря знаменитой экспедиции на Титан корабля командира Кроуфорда..."

- Нет-нет, достаточно, - прервал Вессон. - Меня интересовало только сообщение Паджона. - Он задумчиво затянулся. - Такое впечатление, что не хватает целых кусков. Нет ли у вас где-нибудь в блоках памяти более подробной версии?

Некоторая заминка.

- Нет, - наконец ответила тетя Джейн.

- А вот я еще в детстве слышал кое-какие подробности, - раздраженно заметил Вессон. - Помнится, ту книгу я прочел лет в двенадцать. И хорошо помню подробное описание чужака... помню, вернее, что оно там было. - Он огляделся по сторонам. - Послушайте, тетя Джейн. Вы ведь тут вроде сторожевого пса. Наверняка у вас по всей станции камеры и микрофоны.

- Да, - подтвердила сеть. - По всей станции. - Тут в голосе тети Джейн Вессону почудились обиженные нотки.

- И во Втором секторе? Так?

- Да, и во Втором.

- Прекрасно. Значит, вы сами можете мне все рассказать. Как выглядят чужаки?

Теперь уже откровенная пауза.

- Мне очень жаль, но этого я вам сказать не могу, - ответила тетя Джейн.

- Значит, не можете? - протянул Вессон. - Иного я и не ожидал. Могу догадаться, что вам на этот счет даны определенные указания. Догадываюсь даже, что даны они по той же самой причине, по которой нынешние учебники по истории порядком урезаны в сравнении с книгами моего детства. Интересно, что это за причина? А? Тетя Джейн? Есть у вас на этот счет мысли?

Снова пауза. И неохотный ответ:

- Есть.

- Ну так поделитесь.

- Мне очень жаль...

- ...но этого я вам сказать не могу, - продолжил за машину Вессон.

- Отлично. Теперь мы по крайней мере знаем, какие у кого карты.

- Да, сержант. Не желаете ли десерт?

- Обязательно. На десерт еще один вопрос. Какова судьба дежурных станции, когда их задание заканчивается?

- Они идут на повышение до седьмого разряда, получают ранг ученых с неограниченным досугом, а также единовременное пособие в виде семи тысяч стелларов и вид на жительство по первому классу...

- Это я и сам знаю, - нетерпеливо перебил Вессон и провел языком по пересохшим губам. - Я вот о чем спрашиваю. Те, что были здесь до меня... как они выглядели, когда отбывали обратно?

- Нормально выглядели. Как люди, - живо отозвался голос. - Но почему вы спрашиваете, сержант?

Вессон досадливо махнул рукой:

- Слишком хорошо помню обрывок одного откровенного разговора в Академии. Никак не выходит из головы. Знаю только, что разговор имел какое-то отношение к станции. Всего одна фраза. "Слепой как крот и с белой щетиной по всему телу". Как по-вашему, что это? Описание чужака? Или дежурного, когда его забирали отсюда?

Тетя Джейн снова погрузилась в молчание.

- Ладно, так и быть, - сказал Вессон. - Помогут вам выйти из затруднения. Вам очень жаль, но этого вы мне сказать не можете.

- Мне в самом деле очень жаль, - искренне ответила машина.

Медленные дни понемногу складывались в недели - и Вессон постепенно начал осознавать, что станция представляет собой едва ли не живое существо. Он чувствовал эти со всех сторон окружающие его металлические ребра. Ощущал ждущую пустоту наверху, во Второй секции, - и бдительное присутствие вездесущей электронной сети, что непрерывно наблюдала и анализировала, пытаясь предвосхитить каждое его желание.

Да, тетя Джейн воистину была идеальной собеседницей. А кроме того, альфа-сеть располагала музыкальной фонотекой на тысячи часов, фильмами на любой вкус и настроение. На сканере в гостиной Вессон мог читать микрокниги. А если ему так больше нравилось, их читала сама тетя Джейн. Вдобавок она управляла тремя телескопами станции и в любой момент могла вывести своему подопечному на экран виды Земли, Луны или "Дома".

Только вот новостей не было никаких. Тетя Джейн по первому требованию исправно включала радиоприемник, но, кроме шума статики, оттуда ничего не доносилось. И со временем самым тяжким грузом легло на Вессона понимание того, что это радиомолчание накладывается на все находящиеся в полете корабли, на орбитальные станции и все передатчики типа планета - космос. Всеобъемлющий запрет, парализующий едва ли не всякую деятельность. Ибо какую-то часть информации можно было передавать на короткие расстояния с помощью фотофона, однако обычно весь самый сложный транспорт на космических дорогах почти целиком зависел от радио.

Но близившийся контакт с чужаком был делом столь деликатным, что даже здесь, откуда Земля казалась маленьким диском размером в две Луны, контакту этому мог помешать любой радиоголос. Огромный риск был и в том,

что только одному человеку позволялось остаться с чужаком на станции. И вот, подумалось Вессону, чтобы обеспечить этому человеку хоть какую-то компанию и не дать свихнуться от одиночества, туда вмонтировали альфа-сеть...

- Тетя Джейн?

- Что, Поль? - тут же отозвался голос:

- Недомогание, о котором идет речь в отчете... вы ведь не можете знать, что это такое?

- Да, Поль.

- Потому что машинный разум не способен его почувствовать? Так?

- Да, Поль.

- Тогда скажите мне хотя бы вот что. Зачем здесь вообще нужен человек? Почему нельзя обойтись машиной?

Привычная заминка.

- Не знаю, Поль.

Какие-то грустные нотки. Действительно ли тон тети Джейн меняется, задумался Вессон, или просто его воображение выкидывает с ним такие номера?

Потом Вессон встал с кушетки и принялся безостановочно расхаживать взад-вперед по гостиной.

- Давайте взглянем на Землю, - наконец предложил он. Обзорный экран на пульте управления послушно засветился - глубоко внизу плыла в своей первой четверти ослепительно голубая Земля. - Выключите, - тут же приказал Вессон.

- Может, немного музыки? - несмело предложил голос. Немедленно заиграло что-то успокоительное - одни деревянные духовые.

- К черту! - рявкнул Вессон. Музыка умолкла.

Вессон чувствовал себя как малыш, которого заперли в комнате и не выпускают. Руки задрожали.

Скафандр находился в герметичном шкафу рядом с переходным шлюзом. Вессон уже раз-другой выходил в нем на палубу. Смотреть там, впрочем, особенно было не на что - крошечная тьма и собачий холод. Но сейчас ему во что бы то ни стало нужно вырваться из этого беличьего колеса. Вессон извлек из шкафа скафандр и принялся в него облачаться.

- Поль, - встревоженно спросила тетя Джейн, - вам что, немного не по себе?

- Да! - огрызнулся он.

- Тогда не ходите, пожалуйста, ко Второму сектору, - мягко попросила тетя Джейн.

- Ну ты, чертова консервная банка! - с внезапной злобой рявкнул Вессон. - Не смей меня учить! - Потом, яростно рванув молнию, застегнул верх скафандра.

Прямая труба переходного шлюза, где места едва хватало только одному, была единственным проходом из Первого во Второй сектор. А также и единственным выходом из Первого. В самом начале, чтобы сюда попасть, Вессону пришлось миновать большой шлюз у "южного" полюса сферы, пропутешествовать через люк и по всему переходному мостку. Тогда его, разумеется, волокли бесчувственным. Когда придет время, выбраться надо будет тем же путем. Ремонтный корабль не располагает ни избытком места, ни лишним временем.

У противоположного, "северного", полюса находился третий переходной шлюз - столь огромный, что запросто вместил бы в себя целый грузовой звездолет. Но никому из людей доступа туда не было.

В луче фонарика на шлеме Вессона громадная центральная часть станции казалась чернильной бездной, откуда возвращались лишь слабые, трепетные отсветы. А вокруг все стены искрились инеем. Второй сектор еще не герметизировался, и сочившиеся оттуда диффузные испарения замерзали на стенах пушистым ковром. Холодный металл гулко звенел под тяжелыми ботинками. Необъятная полость Второго сектора еще сильнее давила на Вессона из-за своей безвоздушности, из-за царившего там мрака и холода.

Ты здесь один, словно говорили его шаги. Один.

Вессон прошел уже метров тридцать по переходному мостку, когда тревога внезапно усилилась. Сам того не желая, он остановился и неловко прислонился к стене. Но опоры твердой стены все равно не хватало. Переходной мосток, казалось, вот-вот грозит выскользнуть из-под ног, грозит сбросить в непроглядную бездну.

Тут Вессон узнал эту сухость во рту, этот металлический привкус в горле. Страх. Это страх.

Мелькнула мысль: "Кто-то хочет заставить меня бояться. Но зачем? Почему именно сейчас? А главное - чего?"

И в тот же миг он понял. Неимоверная тяжесть опустилась на него подобно гигантскому кулаку - и у Вессона появилось жуткое ощущение чего-то немисливо огромного, чего-то лишнего пределов; с неумолимой медлительностью оно все сжималось и сжималось...

Время пришло.

Первый месяц закончился.

Чужак приближался.

Стоило Вессону, задыхаясь, повернуть назад, как все необъятное строение станции вдруг сузилось до размеров обычной комнаты, а вместе с ним сжался и Вессон. Сам себе он казался теперь жалкой букашкой, отчаянно мечущейся по стенам.

Он бросился в бегство. Станция за спиной рокотала.

В безмолвных комнатах все лампы испускали неяркий свет. Вессон недвижно лежал на кушетке и смотрел в потолок. Сквозь потолок. Воображение живо рисовало ему изменчивый образ чужака. Огромный и мрачный. Лишенный формы. Тяжелый, угрожающий.

На лбу крупными каплями выступил холодный пот. Но Вессон не в силах был отвести пристального взгляда от потолка.

- Так вот почему... вот почему вы не хотели, чтобы я... чтобы я выходил на палубу. Да, тетя Джейн? - хрипло спросил он.

- Да, Поль. Раздражительность - первый признак. Но вы приказали...

- Знаю, - еле слышно отозвался Вессон, по-прежнему не сводя глаз с потолка. - Странное чувство... Слушайте, тетя Джейн.

- Что, Поль?

- Вы так и не скажете мне, какой он на вид?

- Нет, Поль.

- А я и знать не хочу. Господи, да не хочу я этого знать... Как странно, тетя Джейн. Наполовину я сейчас самый настоящий слизняк. Напуган до смерти...

- Я знаю, - негромко ответил голос.

- Но другая моя половина совершенно спокойна. Как будто все это - детские игрушки. С ума сойти - я тут такое вспоминать начинаю. Знаете что?

- Что, Поль?

Вессон попытался рассмеяться.

- Одну детскую вечеринку лет двадцать... нет, лет двадцать пять тому назад. Тогда мне было... сейчас прикину... ага, девять лет. Точно. Ведь как раз в тот год умер отец. А жили мы тогда в Далласе. Снимали времянку. И поблизости жила еще одна семья с целым выводком рыжих ребятишек. Там частенько закатывали вечеринки. Никто их особенно не любил, но все почему-то приходили.

- Поль, расскажите мне про ту вечеринку.

Вессон заворочался на кушетке.

- Ну, значит... та вечеринка как раз была в канун Дня всех святых.

Помню, все девочки одели оранжевое с черным, а все мальчики были в строгих костюмчиках. Я там оказался чуть ли не самым младшим - ну и, конечно, был не в своей тарелке. А потом один из рыжих вдруг выскакивает откуда-то в маске-черепе и орет: "Эй, вы! А ну-ка все играем в прятки!" Хватает меня и говорит: "Ты будешь водить". Не успеваю я и глазом

моргнуть, как он заталкивает меня в темный чулан. И запирает за мной дверь.

Вессон провел языком по пересохшим губам.

- А потом - ну, там, в темноте, - я вдруг чувствую, как мне в лицо что-то тычется. Холодное и липкое. Похожее на что-то... ну, не знаю... на что-то мертвое... Тогда я съехал в самом уголке чулана и все ждал, что та штука снова ко мне ползет. Понимаете? Висит там что-то непонятное. Холодное и страшное. А знаете, что там оказалось? Суконная рукавица, полная отрубей вперемешку со льдом. Шутка. Просто шутка. Только шутки этой мне не забыть... Тетя Джейн?

- Что, Поль?

- Я тут вот что думаю. Наверняка вас, альфа-сети, придумали великие психологи. Ведь я могу вам обо всем рассказывать только потому, что вы - всего лишь машина. Верно?

- Да, Поль, - печально подтвердила сеть.

- Эх, тетя Джейн, тетя Джейн... Какой мне смысл и дальше себя дурачить? Я же чую эту тварь. Там, наверху. В какой-нибудь паре метров отсюда.

- Я знаю, Поль.

- Тетя Джейн, я не смогу выдержать.

- Сможете, Поль. Если захотите.

Вессон скрючился на кушетке.

- Он... он грязный. Липкий. Господи! И так пять месяцев? Я не выдержу, тетя Джейн. Он меня убьет.

По всем уголкам станции снова прокатился громopodobный рокот.

- Что это? - выдохнул Вессон. - Корабль чужаков... он отчалил?

- Да. Теперь чужак один. Как и вы.

- Нет. Не как я. Не может он испытывать того, что испытываю я. Тетя Джейн, вам просто не понять...

По ту сторону металлического потолка всего в нескольких метрах от Вессона висело огромное, чудовищное тело чужака. Как же страшно вся эта тяжесть давила ему на грудь!

Вессон провел в космосе чуть ли не всю свою взрослую жизнь и прекрасно знал, что если орбитальная станция разрушится, то "нижнюю" ее часть не раздавит, а унесет прочь за счет собственного углового вектора. Так что здесь не было ничего от гнетущей атмосферы планетных строений, где нависающая над тобой масса будто бы все время угрожает рухнуть. Но тут было нечто совсем иное. И куда более тягостное.

В воздухе буквально висел запах опасности - запах идущей сверху, из темноты, угрозы. Там словно притаилась какая-то холодная тяжесть. Все как в том неотвязном детском кошмаре Вессона. Та самая липкая неживая тварь, что тыкалась ему в лицо в темном чулане. И еще - дохлый щенок, которого он вытащил из речки тем летом в Дакоте... Влажный мех, вяло свисающая голова - мертвый и холодный. Холодный!

С неимоверным трудом Вессон повернулся на бок и приподнялся на локте. К лежащей на груди тяжести добавился еще и неотвязный холодный обруч, что туго сжимал воспаленную голову. Казалось, комната наклоняется и начинает медленно и тошнотворно кружиться.

Вессон заскрипел зубами, но встал на колени. Потом поднялся и выпрямил спину. Ноги затряслись от напряжения. Рот безмолвно распахнулся. Шаг, другой. Вессон мучительно переставлял ноги, едва пол начинал лететь ему навстречу.

Правая сторона пульта управления, прежде темная, теперь светила экранами и циферблатами. Согласно индикатору, давление во Втором секторе составляло примерно одну целую и треть атмосферы. Индикатор переходного шлюза показывал несколько повышенное содержание кислорода и аргона. Делалось это для того, чтобы не допустить заражения Первого сектора атмосферой чужака. Одновременно это означало и то, что шлюз больше не откроется - ни с той, ни с другой стороны. При этой мысли Вессону почему-то чуть полегчало.

- Посмотреть бы на Землю,- выдохнул он. Экран засветился - и Вессон впился взглядом в голубую планету.

- Долгая дорога вниз, - прохрипел он. - Долгая, долгая дорога вниз - на самое дно колодца...

Последние десять пустых лет Вессон проработал инженером по сервосистемам на станции "Дом". Вообще-то он хотел стать пилотом, но вылетел на первом же году - незачет по математике. И все же до сих пор у него и в мыслях не было вернуться на Землю.

А теперь, после всех этих лет, нежно-голубой кружок вдруг показался ему бесконечно желанным.

- Тетя Джейн, - бормотал он, - тетя Джейн, она прекрасна... Вессон знал - сейчас там весна. Кое-где у отступающего края темноты расцветает утро - прозрачное голубое утро, подобное свечению моря, заключенному в агате. Таинственное утро в дымке тумана. Утро покоя и надежды. Сейчас там, в годах и милях отсюда, крошечная фигурка женщины открывает микроскопическое окошко, чтобы прислушаться к песне другого эфемерно малого создания. Потерянное - безвозвратно потерянное, - упакованное в вату, подобно предметному стеклышку с каким-то образцом, - одно весеннее утро на недоступной Земле.

А здесь, за множество черных миль оттуда - так далеко, что шестьдесят земных шариков можно было бы нагромоздить один на другой, готовя кол для его казни, - Вессон, заключенный в круг, наматывал свои бесконечные круги в этом круге. Но все же и черная пропасть внизу, и Земля, и Луна, и все корабли и орбитальные станции вместе взятые, и Солнце со всеми его планетами - для космоса все это было не более чем понюшка табаку меж большим и указательным пальцами.

По другую сторону - вот где лежала подлинная бездна! Сверкающие сонмы галактик простирались в той непроглядной ночи, покрывая расстояния, что выражались бессмысленными числами, долгими тревожными криками: 00000000000000000000...

Пробиваясь и прокрадываясь, прилагая нечеловеческие усилия, люди добрались аж до Юпитера. Но даже будь человек достаточно велик, чтобы лечь, обжигая подошвы на Солнце и остужая голову на Плутоне, он все равно остался бы слишком мал для той безграничной пустоты. Здесь, а не на Плутоне, находился самый дальний рубеж империи Человека. Именно здесь Внешний Мир как бы просачивался в воронку, чтобы встретиться с Человеком, будто в узкую серединку песочных часов. Здесь и только здесь два мира приблизились друг к другу, чтобы соприкоснуться. Мы и Они...

Но вот в самом низу приборной доски засветились золотые циферблаты - стрелки чуть дрогнули на своих осях.

Вниз, вниз, в глубокие баки заструилась золотистая жидкость. "С трудом преодолевая ужас и тошноту, я сумел взять пробу этого выделения. При последующем анализе выяснилось..."

Холодная, как сам космос, жидкость стекала по идеально стерильным стенкам трубок и скапливалась небольшими лужицами в полных тьмы сосудах, загадочно поблескивая золотом. Золотой эликсир. Одна капля этого драгоценного концентрата на двадцать лет задерживала старение. Придавала эластичность мышцам и сосудам, проясняла взгляд, возвращала цвет волосам, оживляла работу мозга.

Вот что выяснилось при анализе проб, взятых Паджоном. И вот какова завязка всей сумасшедшей истории "точек обмена с чужаками". Сначала - станция на Титане. А потом, когда люди лучше разобрались в ситуации - станция "Чужак".

Один раз в каждые двадцать лет невесть откуда являлся чужак. Являлся, чтобы сидеть в убогой клетке, которую мы для него соорудили, и дарить нам свою бесценную влагу. Дарить нам жизнь. А почему - мы так до сих пор и не узнали.

Вессон представлял себе это наделенное разумом огромное безобразное тело. Вот оно барахтается в ледяной черноте, вращается вместе со станцией и истекает холодным золотом в ждущие губы трубок. Кап. Кап.

Кап.

Голова словно собралась разлететься на куски - и Вессон отчаянно ухватился за нее обеими руками. Постоянное давление не позволяло сосредоточиться. Мучительная тяжесть и боль. Боль.

- Тетя Джейн! - простонал он.

- Что, Поль? - Добрый, успокаивающий голос. Как у сиделки, что склоняется над твоей койкой, пока с тобой проделывают что-то страшно болезненное и нужное. Искусственное, но действенное утешение.

- Скажите, тетя Джейн, - спросил Вессон, - почему они все время возвращаются?

- Не знаю, - честно ответил голос. - Это и для меня загадка.

Вессон кивнул.

- Перед отлетом из "Дома", - сказал он, - я разговаривал с Говером. Знаете Говера? Шеф Комитета по Внешним Мирам. Пришел специально, чтобы со мной повидаться.

- И что? - ободряюще поинтересовалась тетя Джейн.

- Он сказал мне: "Вессон, надо кое-что выяснить. А именно - можем ли мы рассчитывать на пополнение запаса. Понимаете? Нас, - говорит он дальше, - теперь на пятьдесят миллионов больше, чем тридцать лет назад. Вещества требуется все больше и больше - и мы должны знать, можем ли мы на него рассчитывать. Вы, Вессон, сами знаете, - говорит он, - что будет, если приток остановится". А вы, тетя Джейн, знаете?

- Произойдет катастрофа, - ответил голос.

- Верно, - подтвердил Вессон. - Катастрофа. Как мне тогда сказал Говер: "Что будет, если люди в пустынях Нефуда окажутся отрезаны от властей Джордан-Велли? Черт возьми, они будут гибнуть от жажды по миллиону в неделю.

Или если грузовые корабли перестанут приходить на Лунную базу. Проклятье, будут миллионы погибших от голода и нехватки воздуха".

Он говорит: "Там, где есть вода, где можно раздобыть еду и воздух, люди обязательно осядут. Потом переженятся, начнут рожать детей... понимаете?"

Говорит: "Если приток так называемой сыворотки долголетия прекратится..." Говорит: "Сейчас каждый двадцатый взрослый обязан своей жизнью инъекции". Говорит: "А из них каждый пятый в возрасте ста пятинадцати лет и старше". Говорит: "За первый год смертность в этой группе будет по меньшей мере втрое больше той цифры, что указывается в страховых табелях".

Вессон поднял искаженное болью лицо.

- Мне тридцать четыре года, - вымолвил он. - А Говер заставил меня почувствовать себя младенцем.

Тетя Джейн изобразила сочувственный вздох.

- Капай, капай, - иступленно забормотал Вессон. Стрелки золотых индикаторов совсем немного, но приподнялись. - Каждые двадцать лет нам снова и снова будет требоваться эта золотая слизь. А значит, всякий раз бедолага вроде меня должен будет забираться сюда и принимать проклятые дары. И один из них тоже должен будет забираться сюда и источать нужную нам сыворотку. А почему, тетя Джейн? Чего ради? Какого черта их должно заботить, сколько мы будем жить? Почему они всякий раз возвращаются? Они-то что отсюда увозят?

Но ответов на свои вопросы Вессон так я не услышал.

Неделя за неделей круглые сутки в сером коридоре, что окольцовывал Первый сектор, непрерывно горели холодные огни. Твердое серое покрытие круговой тропы сильно поистерлось еще до того, как там первый раз прошел Вессон. Подобно дорожке в беличьем колесе, коридор только для этого и существовал. Казалось, он говорит: "Иди", - и Вессон ходил. Кто угодно свихнулся бы, сидя сиднем с такой жуткой, неопишуемой тяжестью в голове, с таким зверски давящим обручем. Вессон шагал - неделя за неделей круглые сутки, пока не падал замертво на кушетку. Потом вставал и

начинал снова.

Еще он беседовал - когда с исправно внимающей ему альфа-сетью, когда сам с собой. А порой трудно было разобрать с кем.

- ...Мхом не порастет, - бормотал он, шагая. - Сказал же, что не отдам двадцать мельниц за паршивую раковину... Камушки, камушки - всех цветов. - Потом шаркал молча. И вдруг: - Не понимаю, почему нельзя было оставить мне хотя бы кошку!

Тетя Джейн промолчала.

Вессон вскоре продолжил:

- Проклятье, ведь в "Доме" почти у каждого есть кошка или еще какая-нибудь золотая рыбка! С вами, тетя Джейн, хорошо. Но я вас не вижу! Ведь могли же гады оставить мужчине в компанию хотя бы кошку, если уж никак нельзя женщину... Господи, что я такое горожу? Я же всегда терпеть не мог кошек!

Вессон повернулся, прошел в спальню и рассеянно врезал разбитым кулаком в кровавое пятно на стене

- И все-таки хотя бы кошку - пробормотал он. Тетя Джейн по-прежнему хранила гробовое молчание.

- Ладно! Ладно! Нечего делать вид, будто вашим сраным чувствам нанесен урон! Знаю я вас! Машина! Проклятая машина! - истерически проорал Вессон. Потом немного успокоился - Слушайте, тетя Джейн. Я тут вот что вспомнил. Видел я как-то мешок из-под зерна - там была одна картинка. Ковбой на лошади. Картинка почти стерлась, и видны были только лица. В смысле - морды. И меня поразило, как же они похожи! На голове пара ушей, а между ними волосы. Два глаза. Нос. Рот с зубами Я решил, что мы с лошадьми вроде дальних родственников. Но знаете что? Если поставить рядом вон ту тварь... - Вессон плюнул в потолок, - то мы с лошадьми просто кровные братья! Понимаете?

- Да, - тихо отозвалась тетя Джейн.

- И я все время спрашиваю себя, почему вместо человека нельзя было послать лошадь или кошку, будь она проклята. А ответ, судя по всему, таков: только человек может вынести то, что сейчас выношу я. Черт возьми, только человек! Так?

- Так, - с глубокой печалью подтвердила тетя Джейн.

Вессон снова остановился у двери в спальню и весь дрожал, прислонившись к косяку.

- Тетя Джейн, - глухим, но ровным голосом вдруг спросил он, - ведь вы его фотографируете? Да?

- Да, Поль.

- И меня вы фотографируете. А что потом? Когда все закончится, кто эти фотографии смотрит?

- Не знаю, - мягко ответила тетя Джейн.

- Ладно. Не знаете. Так вот. Кто-то их точно смотрит - но толку это не приносит. А мы должны выяснить, почему, почему, почему... Но так ничего и не выясним. Да?

- Да, - ответила тетя Джейн.

- Но разве там не понимают, что если тот, кто все это прошел, получил бы возможность увидеть чужака, то, быть может, и сумел бы поведать что-то важное? Ведь все мои предшественники так ничего толком и не рассказали. Разве я не прав?

- Тут, Поль, не мне судить

Вессон испустил сдавленный смешок.

- Вот смеху-то! Нет, и правда забавно. Забавно? - Он вымученно смеялся, ковыляя по кругу.

- Да, Поль, забавно, - согласилась тетя Джейн.

- Скажите, тетя Джейн. Скажите, что случается с дежурным.

- Этого я вам сказать не могу, Поль. Вессон ввалился в гостиную, сел за пульт управления и принялся молотить кулаками по гладкому холодному металлу.

- Кто ты? Что ты за чудовище? Что течет в твоих жилах? Кровь, будь

она проклята? Масло? Что?

- Поль, пожалуйста...

- Как вы не понимаете? Я хочу узнать только, могут ли они говорить.

Могут они по окончании дежурства хоть что-то сказать?

- Нет, Поль.

Вессон выпрямился, изо всех сил держась за пульт управления, чтобы не упасть.

- Не могут? Так я и думал. А знаете почему?

- Нет.

- Потому что мхом порастают, - туманно выразился Вессон.

- О чем вы, Поль?

- Мы меняемся, - сказал Вессон, снова выбираясь в круговой коридор.

- Меняемся. Как железный брусок рядом с магнитом. И ничем тут не помочь.

Вы, надо полагать, просто немагнетичны. На вас это поле никак не влияет.

Да, тетя Джейн? Вы не меняетесь. Остаетесь здесь и ждете следующего.

Так?

- Так, - ответила тетя Джейн.

- А знаете, - медленно ковыляя по кругу, продолжал Вессон, - я даже могу сказать, как он там лежит. Голова - вон там. А хвост - вон там.

Верно?

- Да, - подтвердила тетя Джейн.

Вессон остановился.

- Так, - сосредоточенно проговорил он. - Значит, вы можете показать мне, что вы видите наверху. Да, тетя Джейн?

- Да. Нет. Это запрещено.

- Послушайте, тетя Джейн! Мы погибнем, если не сможем выяснить, что заставляет чужаков даром отпускать нам свой эликсир! Погибнем, понимаете? - Вессон прислонился к стене коридора и снова уперся взглядом в потолок. - А теперь он поворачивается - вот сюда. Верно?

- Да, Поль.

- А еще что он делает? Скажите же наконец, тетя Джейн! Ну?

Молчание. А потом:

- Он подергивает своим...

- Чем?

- Я не знаю такого слова.

- О Господи! - простонал Вессон, стискивая руками голову. - Ну конечно! Какие тут могут быть слова? - Потом он вбежал в гостиную, вцепился в пульт управления и воззрился на пустой экран. Отчаянно забарабанил кулаком по пулту. - Тетя Джейн! Вы должны мне его показать! Должны! Давайте же! Покажите!

- Поль, это запрещено, - протестовала тетя Джейн.

- Отлично! А вы все равно должны это сделать! Должны, тетя Джейн!

Иначе погибнут миллионы! Миллиарды! И виноваты будете вы! Вы, тетя Джейн! Понятно вам?

- Хорошо! - с болью отозвался голос. Потом наступила пауза. Экран засветился, но лишь на мгновение. Вессон успел разглядеть что-то большое и темное - но в то же время полупрозрачное, похожее на гигантское влажное насекомое. Клубок непонятных конечностей, каких-то волокон, крыльев, челюстей...

Вессон еще сильнее вцепился в пульт управления.

- Достаточно? - спросила тетя Джейн.

- Смеетесь? Да что вы думаете - я взгляну на него и тут же откину копыта? Давайте его, тетя Джейн, давайте его обратно!

Будто бы с неохотой экран снова вспыхнул. Вессон не сводил с него глаз и что-то тихо бормотал.

- Ну как? - поинтересовалась тетя Джейн.

- "Отвратно мне любимой существо", - невнятно процитировал Вессон, не сводя глаз с экрана. Наконец встал и отвернулся. Но образ чужака не выходил у него из головы, когда он снова принялся наматывать бесконечные круги по коридору. Вессон несколько не удивился тому, что вид чужака

напомнил ему сразу всех мерзких ползучих тварей, которые только населяли Земли. Вот, значит, почему дежурному не только запрещалось видеть чужака, но даже знать, как он выглядит. Это неизбежно возбудило бы в нем ненависть. Странно. Бояться чужака почему-то считалось в порядке вещей. А вот ненавидеть... Но почему? Почему? Руки его дрожали. Вессон чувствовал себя истощенным и выдохшимся, вываренным и высушенным. Одного душа в день, согласно распорядку тети Джейн, уже не хватало. Буквально минут через двадцать после купания кислый пот всюю сочился из подмышек, холодный пот крупными каплями выступал на лбу, а горячий пот обильно покрывал ладони. Вессону словно вмонтировали внутрь печь со сбитым регулятором температуры и наглухо закрыли все заслонки. Он знал, что нечто подобное обычно происходит под воздействием стресса - больше адреналина поступает в кровь, больше гликогена накапливается в мышцах. Ярче блестят глаза, а пищеварение замедляется. Тревожась и страдая, Вессон сам выжигал себя дотла, не способный ни справиться с мучившей его тварью, ни сбежать от нее.

На очередном круге Вессон споткнулся. Потом немного подумал и направился в гостиную. Снова склоняясь над пультом управления и посмотрел на экран. Чужак слепо вглядывался куда-то в бездну космоса. А стрелки золотых индикаторов заметно поднялись - баки были заполнены на добрых две трети.

[...Справиться] - или [сбежать...]

Вессон медленно опустился в кресло у пульта управления. Сидел он сгорбившись, понунив голову, крепко зажав ладони между коленей, и отчаянно пытался ухватить какую-то важную, но все ускользающую мысль.

А что, если чужак испытывает такую же сильную боль, что и Вессон, или даже сильнее?..

Ведь стресс может нарушить биохимические процессы и в теле пришельца.

"Отвратно мне любимой существо".

Вессон отбросил неуместную мысль. Внимательно вглядываясь в экран, он стал пытаться представить себе чужака содрогающимся от боли и страдания - истекающим от ужаса золотым потом...

Позже Вессон встал и прошел в столовую. Там сразу пришлось ухватиться за край стола, чтобы ноги опять не понесли по кругу. Наконец он сел.

Нежно гудя, автоповар выдвинул на лоток небольшие стаканчики - минералка, апельсиновый сок, молоко. Вессон поднес к запекшимся губам стаканчик минералки. Холодная вода больно студила горло. Теперь сок. Его Вессон лишь отхлебнул, а потом маленькими глотками выпил молоко. Тетя Джейн одобритительно загнула губы.

Организм совсем обезвожен, подумал Вессон. Когда он последний раз ел или пил? Потом он взглянул на свои руки - иссохшие палочки, стянутые веревками вен, с твердыми желтыми клешнями на концах. Под прозрачной кожей ясно виднелись кости, а от сердцебиения вздрагивала вся грудь. Руки и бедра покрылись светлыми волосами. Светлыми - или совсем белыми?

Размытое отражение в зеркальной стене столовой тоже ничего определенного не поведало - лишь какие-то бледно-серые пятна. Вессон чувствовал легкое головокружение и страшную слабость - будто он только-только перенес приступ лихорадки. Ощупав плечи и грудь, он окончательно убедился, что чудовищно исхудал.

Еще несколько минут Вессон сидел перед автоповаром, но никакой пищи так и не появилось. Наверное, тетя Джейн сочла, что есть ему еще рановато, и скорее всего не ошиблась. "Им еще хуже, чем нам, - потрясенно думал Вессон. - Вот почему станция расположена так далеко. Вот зачем радиомолчание и только один человек на борту. Иначе бы им просто не выдержать..." Потом вдруг накатил сон - и ни о чем другом он уже думать не мог. Провалиться в бездонный колодец, закутаться в мягкий стелющийся бархат умиротворяющего мрака... На трясущихся ногах Вессон доплелся до спальни и рухнул замертво. Упругая кушетка, казалось,

растворяется под его щедедушным телом. Кости словно таяли...

Вессон проснулся в той же немощи, но с ясной головой. Мелькнула трезвая и отчетливая мысль: "Когда две чуждые цивилизации сталкиваются, сильная должна одолеть слабую любовью или ненавистью".

- Закон Вессона, - пробормотал он. Машинально стал искать карандаш и бумагу, но, естественно, не нашел. Тогда стало ясно, что надо всего-навсего сказать тете Джейн, чтобы запомнила.

- Не понимаю, - заметила машина.

- И не надо. Главное - запомните. Хотя бы это вы можете?

- Да, Поль.

- Вот и хорошо... пожалуй, я бы позавтракал.

Вессон подумал о тете Джейн. Почти человекоподобная по разуму женщина - сидит в своей металлической тюрьме и ведет одного человека за другим по бесконечным кругам адских страданий... Сестра-сиделка, защитница, мучительница... Наверняка в Бюро догадываются, что какой-то подвох тут найдется... Но альфа-сети еще слишком новы, никто в них толком не разбирается. И все же наверняка думали, что абсолютный запрет тетя Джейн ни за что не нарушит.

"...Сильный должен одолеть слабого любовью или ненавистью..."

"Я сильный, - сказал себе Вессон. - Так оно будет и впредь". Он опять остановился у пульта управления, но экран был пуст.

- Тетя Джейн! - сердито буркнул он.

Экран тут же как-то виновато засветился.

Чужак снова корчился от боли. Теперь огромные глаза напряженно смотрели прямо в камеру. Извивающиеся конечности отчаянно колотили по полу. В пристальных глазах - мольба и страдание.

- Нет! - выкрикнул Вессон, ощущая, как обруч еще сильнее стягивает горящую голову. - Нет! - И ударил кулаком по кнопке. Экран погас. Истекая потом, Вессон поднял взгляд и увидел цветочный орнамент.

Толстые стебли напоминали антенны, листья - грудную клетку. Бутоны же походили на слепые глаза гигантского насекомого. Вся картинка медленно и безостановочно ползла по стене, увлекая за собой и взгляд.

Не замечая струящегося по лицу холодного пота, Вессон что было силы вцепился в холодный металл пульта и не сводил глаз с картинки, пока орнамент снова не превратился в обычное, ничего не значащее переплетение линий. Потом на трясущихся ногах прошел в столовую.

Отдышавшись немного, Вессон спросил:

- Тетя Джейн, скажите, будет еще хуже?

- Нет. Начиная с этого времени обычно становится лучше.

- Сколько еще? - еле слышно спросил он.

- Один месяц.

Один месяц, улучшение... Вот, значит, как это всегда бывает. Когда дежурный окончательно засосан в это болото и его личность полностью подавлена. Вессон подумал о всех своих предшественниках. Да, повышение до седьмого разряда, неограниченный досуг и вид на жительство по первому классу. Ясно где. В сумасшедшем доме.

Зубы сами оскалились, а кулаки изо всей силы сжались. "Нет! - мысленно крикнул Вессон. - Только не я!"

Потом приложил ладони к холодному металлу, чтобы унять дрожь, и спросил:

- А до какого времени они обычно могли разговаривать?

- Вы уже разговариваете дольше любого из них...

Дальше - провал. Вессон смутно, какими-то урывками сознавал, как мимо движутся гладкие стены коридора, изредка замечал пульт управления и грозовую тучу мыслей, что отчаянно били крыльями над его головой. Чужаки - чего они добиваются? Что происходит с дежурным на станции "Чужак"?

Потом туман немного рассеялся - и Вессон снова пришел в себя в столовой, отсутствующим взглядом упиравшись в стол. Тут же пришла мысль: [что-то не так].

Вессон съел несколько ложек любезно предложенной автоповаром

овсянки - и оттолкнул тарелку. Какой-то неприятный привкус. Машина обеспокоенно загудела и вытолкнула на лоток очищенное вареное яйцо, но Вессон встал из-за стола.

На станции царила мертвая тишина. Затихло даже умиротворяющее гудение сервосистем, что тихонько пульсировали в стенах. Залитая голубоватым светом гостиная распростерлась перед ним подобно пустой театральной сцене, и Вессон уставился на нее так, будто видел впервые.

Потом нетвердыми шагами доплелся до пульта управления и стал разглядывать чужака. Тяжелый, неимоверно тяжелый, корчащийся от боли в кромешной тьме. Стрелки золотых индикаторов поднялись чуть ли не до упора - баки почти заполнены. "Ему уже совсем кисло", - с угрюмым злорадством подумал Вессон. Последовавшее за болью облегчение все еще потрясло землянина. Слишком долгой и страшной была боль!

Потом он снова взглянул на картинку над пультом управления. Тяжелые клешни омара живописно покачиваются в голубом море...

Вессон ожесточенно затряс головой: "Нет! Не допущу! Не сдамся!" Потом тыльной стороной поднес к самым глазам собственную ладонь. А там - десятки крохотных морщинок под костяшками, пробивающиеся повсюду бледные волоски, розовая блестящая кожа свежих шрамов. "Я еще человек", - подумал Вессон. Но стоило руке опуститься на пульт управления, как костистые пальцы сомкнулись, будто клешня омара.

Истекая потом, Вессон уставился на экран. Чужак уставился на него в ответ - и они словно заговорили друг с другом. Непосредственно от мозга к мозгу передавалось некое сообщение, для которого не требовалось слов. И было в этом какое-то пронзительное наслаждение. Вот она, поглощающая с головой и растворяющая в себе радость изменения, перехода в то, что уже не почувствует боли... Зов. Импульс.

Вессон медленно и осторожно выпрямился, будто в голове у него находилось что-то хрупкое. Осторожно! Не кантовать! Потом прохрипел:

- Тетя Джейн!

Машина что-то прогудела.

Вессон продолжил:

- Тетя Джейн! Я нашел ответ! Ответ окончательный! Сейчас. Вот, слушайте. - Он помедлил, собираясь с мыслями. - "Когда две чуждые цивилизации сталкиваются, сильная должна одолеть слабую любовью или ненавистью". Помните? Вы еще сказали, что не понимаете. Так я скажу вам, что это значит. - Когда эти... эти чудища столкнулись с Паджоном на Титане, они сразу поняли, что столкнуться нам придется еще не раз. Они развиваются вширь, осваивают новые миры - так же как и мы. Пока еще мы не овладели межзвездными полетами, но дать нам какую-нибудь сотню лет - и мы их освоим. А тогда мы доберемся до этих тварей. И они нас не смогут остановить. И знаете, тетя Джейн, почему? Потому что они не убийцы. Это в них просто не заложено. Они тоньше нас. Понимаете, они как бы сказочные богачи, а мы - что-то вроде дикарей с островов Океании. Они не убивают своих врагов. Нет, Боже упаси!

Тетя Джейн все пыталась что-то сказать, вмешаться, но Вессон не обращал на нее внимания.

- Слушайте же! Сыворотка долголетия - просто счастливое совпадение. Но они с успехом его использовали. Вкрадчивые и обходительные, они прилетают и запросто одаривают нас драгоценным эликсиром, ничего не требуя взамен. А знаете почему? Слушайте же!

Чужак прибывает сюда, и потрясение от контакта с человеком заставляет его источать столь нужную нам золотистую бурду. Но на последнем месяце боль неизменно утихает. Почему? А потому, что два разума - человеческий и инопланетный - прекращают свою неистовую схватку. Что-то лопается, выходит наружу - и происходит смещение. Вот где начинаются потери человека от всей этой операции! Тот, кто выходит отсюда, на человеческом языке уже разговаривать не способен. Думаю, впрочем, что все мои предшественники по-своему счастливы. По крайней мере, счастливей меня. Ведь у себя внутри они обрели что-то огромное и

важное. Что-то такое, чего нам с вами даже не представить. И если теперь их снова поместить сюда, к чужаку, они легко смогут ужиться. [Они адаптированы друг к другу.] Вот на что рассчитывают эти твари!

Вессон треснул кулаком по пульту управления.

- Вот куда они метят! Не сейчас. А лет через сто - двести. Когда мы доберемся до звезд и начнем завоевание, вдруг выяснится, что мы сами уже завоеваны! Без всякого оружия! Без ненависти, тетя Джейн! Любовью! Да-да, любовью! Грязной и подлой, смрадной и вкрадчивой любовью!

Тетя Джейн что-то встревоженно пищала.

- Что? - не разобрав ни слова, переспросил Вессон.

Тетя Джейн умолкла.

- Ну что там у тебя, что? - заорал Вессон, молотя кулаком по пульту управления. - Дошло до твоей паскудной оловянной башки или нет? В чем дело?

Тетя Джейн, уже без выражения, произнесла что-то еще. Вессон опять не разобрал ни единого слова.

И вдруг он словно окаменел. Горючие слезы потекли по щекам.

- Тетя Джейн... - захлебываясь, начал Вессон. И тут же вспомнил: "Вы уже разговариваете дольше любого из них". Поздно! Слишком поздно! Выскочив из кресла, он бросился к шкафу со старомодными бумажными книгами. Судорожно выхватил первую попавшуюся.

Все страницы оказались заполнены совершенно незнакомыми ему черными каракулями, похожими на корчащиеся фигурки.

Слезы хлынули ручьем - слезы усталости, слезы разочарования, слезы ненависти. Вессон ничего не мог поделать.

- Тетя Джейн! - проревел он.

Тщетно. Пучина безмолвия скрыла его с головой. Вот он и сделался представителем обновленного человечества - одним из тех, что смогут ладить со своими собратьями-чужаками. Там, среди чужих звезд.

Пульт управления не работал. Отныне для Вессона здесь ничего не работало. Голый, он скорчился в душевой с металлической супницей в руках. На теле поблескивали капельки влаги. Бледные волоски сохли и поднимались.

На серебристом боку супницы видно было какое-то смутное очертание. Своего лица Вессон разглядеть не смог.

Тогда он бросил супницу и пошел через гостиную в круговой коридор, вороша ногами кучи бумаги. Когда взгляду его случилось задержаться на испещрявших бумагу черных линиях, они напоминали ему червей. Бессмысленные ползучие твари. Остекленевшие глаза смотрели вперед. А голова то и дело дергалась - бесполезное движение, прежде позволявшее чуть умерить боль.

Однажды на пути у Вессона встал Говер.

- Ты придурок, - злобно прошипел шеф Бюро. - От тебя требовалось дойти до конца, как делали все остальные. А теперь смотри, что ты натворил!

- Что я натворил? Ведь я все выяснил! - рявкнул в ответ Вессон. Но стоило ему смахнуть Говера в сторону, будто паутинку, как боль вдруг вернулась. Вессон громко застонал, стиснул руками голову и принялся раскачиваться взад-вперед. Потом нашел в себе силы выпрямиться и пойти дальше. Боль накатывала теперь высоченными валами - захлестывала и била. В глазах стоял туман. Сначала лиловый. Потом серый.

Больше он так не может. Что-то должно лопнуть.

Вессон остановился у кровавого пятна на стене и в очередной раз врезал по нему кулаком - глухой звон разлетелся по всему Первому сектору.

Назад вернулось еле слышное эхо.

Вессон продолжил свой путь с безумной улыбкой на вялых губах. Теперь он только следил за временем и ждал. Что-то должно произойти.

Дверной проем столовой вдруг отразил приступок и подставил ему подножку. Вессон тяжело рухнул, проскользил по гладкому полу и замер без

движения под лукаво помигивающим автоповаром.

Давление было невыносимо. Звон в ушах заглушал пыхтение автоловара, а высокие серые стены медленно покачивались...

Да нет же! Раскачивалась вся станция!

Вессон ощутил это всем телом - вот пол чуть отодвинулся, а потом качнулся обратно.

Страшная боль в голове немного ослабила свою звериную хватку. Вессон попытался встать.

Вся станция гудела наэлектризованной тишиной. Со второй попытки Вессон встал и привалился к стене. Автоповар вдруг истерически затрещал. Хлопнул раздаточный клапан, но на лотке ничего не появилось.

Вессон изо всех сил прислушивался, сам не зная к чему. К чему?

Станция тряслась под ним, отчего и Вессон дергался, будто, марионетка. Стена крепко хлопала его по спине - то содрогалась, то затихала. Но вот откуда-то издали по всей металлической клетке разнесся долгий и яростный металлический скрежет, что долго вторился и наконец затих. Воцарилась мертвая тишина.

Станция словно затаила дыхание. Затихли мириады разных щелчков и шорохов в стенах. По пустым комнатам лампы разливали ослепительный желтый свет. Воздух недвижно застыл. На пульте управления в гостиной, будто колдовские огни, светились индикаторные лампочки. Вода в супнице, брошенной на полу душевой, блестела, как ртуть. Все вокруг словно чего-то ожидало.

И вот третий удар. Вессон оказался на четвереньках - сотрясение пересчитывало ему ребра, пока он упирался тупым взглядом в металлический пол. Заполнивший комнату грохот медленно глож, убегая прочь. Станция гремела, как пустая консервная банка, а звук сотрясал плиты и перекрытия, пробегал по всем соединениям, тряс арматуру - бежал и бежал прочь, слабея... совсем слабея... почти бесшумный... исчез. Снова со всех сторон давила тишина.

Но вот пол опять больно подскочил под Вессоном - один могучий удар, потрясший все тело.

Несколькими секундами позже пришло приглушенное эхо этого удара. Сотрясение словно пропутешествовало с одного конца станции на другой.

"В спальню", - мелькнула смутная мысль, и Вессон на четвереньках пополз по наклонному полу. Миновал дверной проход - и вот наконец желанная кушетка.

Тут прямо на глазах у Вессона комната взметнулась куда-то вверх - так, что его тело оказалось целиком впрессовано в упругий блок. Потом комната так же бешено рухнула вниз. Вессон беспомощно подпрыгивал на кушетке - руки и ноги летали как бы сами по себе. Потом, после очередного металлического скрежета, все успокоилось.

Вессон перекатился на бок и приподнялся на локте. Новые бессвязные мысли: "Воздух... воздух... переходной шлюз". Очередной удар вмял его в кушетку и окончательно сбил дыхание, а вся комната тем временем нелепо и страшно плясала у него над головой. Лежа в звенящей тишине и отчаянно пытаясь глотнуть хоть немного воздуха, Вессон вдруг почувствовал, как ледяной холод начинает заполнять комнату... И еще какой-то резкий запах. "Аммиак!" - вдруг понял Вессон. А вместе с аммиаком и лишенный запаха гибельный метан.

Отсек проломлен. И теперь сюда из Второго сектора поступает смертельная для любого человека атмосфера чужака.

Вессон поднялся на ноги. Но очередной удар тут же швырнул его на пол. Вконец одуревший и избитый, он снова поднялся. Опять бессвязные мысли: "Переходной шлюз... выбраться-выбраться..."

На полпути к двери вдруг погасло все освещение. Вессону будто накинута на голову черный мешок. В гостиной уже свирепствовал лютый холод, а запах, и без того резкий, стал еще острее. Надрывно кашляя, Вессон заторопился вперед. Пол раскачивался у него под ногами

На пульте управления горели теперь только золотые индикаторы

Глубокие баки наполнились до краев - на месяц раньше срока Вессон передернулся.

В душевой вовсю текла вода - шипела, брызгала на кафель и с шумом разбивалась о пластиковую чашу в центре кабинки. Свет мигнул и снова погас. В столовой громко пыхтел и щелкал автоповар. А ледяной ветер задувал все яростнее - Вессон совсем окоченел от холода. Ему вдруг почудилось, что он вовсе не высоко-высоко в небе, а глубоко на дне моря - заперт в стальном пузыре, где все вокруг заливают густая тьма.

Головная боль прошла, будто и не бывало. Вессон понял, что это значит. А значит это, что там, наверху, громадное тело чужака висит теперь, будто туша в мясницкой. Единоборство закончилось, смертельный удар нанесен.

Вессон отчаянно глотнул смрадного воздуха и что было силы завопил:

- Помогите! Чужак мертв! Он разворотил станцию - сюда поступает метан! Помогите, слышите? Да слышите вы меня или нет?

Молчание. И тут, в удушливом мраке, он вспомнил: "Она уже не может меня понять. Даже если слышит".

Тогда Вессон испустил из самой утробы какой-то звериный рев и ощупью выбрался в круговой коридор. За стенами что-то медленно капало и позвякивало. Под ногами шуршала бумага. Мир наполнился одинокими ночными звуками. Наконец Вессон наткнулся на ровный металлический изгиб. Вот он, переходной шлюз.

Всем телом Вессон навалился на проклятую дверцу. Дверца не подалась ни на миллиметр. Ледяной воздух свистел из щелей, но сама дверца стояла насмерть.

Скафандр! Ну конечно! Почему же он раньше не вспомнил? Хотя немного глотнуть свежего воздуха и чуть-чуть отогреть пальцы. Но дверца шкафа со скафандром тоже не подалась. Наверное, перекосило.

"Вот и все, - отупело подумал Вессон. - Больше наружу никак не выбраться. Но должен же быть выход..." Он принялся молотить кулаками по двери, пока руки не повисли как плети. А дверца так и не подалась. Привалившись спиной к холодному металлу, Вессон глазел на единственный мерцающий у него над головой огонек сигнальной лампочки.

А в гостиной плясали безумные тени. Книжные листы трепетали и бились в воздушных потоках. Целыми стаями бешено бросались на стены, падали, сбивались в кучи и начинали сначала. Другие устремлялись в путь по внешнему коридору - круг за кругом. Вессон видел, как они яростно рвутся вперед - призрачный бумажный поток во тьме и безмолвии.

Едкий запах все больше обжигал носоглотку. Задышавшись, Вессон опять ощупью пробирался к пульту управления. Потом стал колотить по нему ладонью и слабо кричать - ему безумно хотелось увидеть Землю.

Но когда маленький квадратик засветился, Вессон увидел лишь мертвое тело чужака.

Труп неподвижно висел, заполняя собой весь Второй сектор. Конечности окостенело торчат в разные стороны. Огромные глаза не выражают ничего. Все для чужака уже кончено - последняя капля переполнила чашу. А Вессон сумел его пережить...

На считанные минуты.

Мертвая голова словно насмехалась. Откуда-то из глубин памяти вдруг всплыл чей-то шепот: "Мы могли бы стать братьями..." И Вессону страстно захотелось в это поверить. Захотелось вернуть все назад и сдаться. Потом прошло. словно в смрадном болоте, Вессон бессильно вяз в горестном "теперь" и со слабым оттенком вызова думал: "Дело сделано. Ненависть побеждает. Опасаясь повторения случившегося, вы больше не станете рисковать и прекратите щедрую раздачу. Тогда-то мы вас и возненавидим. И стоит нам только добраться до звезд..."

Мир оцепенело уходил из-под рук. Вессон чувствовал, как последний приступ кашля сотрясает его тщедушное тело. Но все это уже было не с ним - с кем-то другим, кто падал сейчас лицом на пульт и прижимался мертвой щекой к ледяному металлу.

Последние листы бумаги послушно улеглись на пол. В заполненном новой атмосферой секторе наступила долгая тишина.

И вдруг:

- Поль! - надрывно позвал голос металлической женщины. - Поль...

Поль... - снова и снова повторяла машина с безнадежностью утраченной, незнаемой, невозможной любви.

ДЭЙМОН НАЙТ АНАХРОН

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

Тело так и не обнаружили, причем по той простой причине, что никакого тела там не было.

Казалось бы, логическая несуразица - что в определенном смысле соответствует истине, - но все же никакого парадокса тут нет. Случившееся было вполне закономерным и объяснимым, даже хотя это и могло произойти только с братьями Кастельяри.

Чудаки они, эти братья Кастельяри Сыновья шотландки и итальянского эмигранта, родившиеся в Англии и получившие образование на материке, они повсюду были в своей тарелке, но нигде не чувствовали себя дома.

Тем не менее в зрелом возрасте стали вполне обустроенными людьми. Эмигранты, подобно отцу Кастельяри, жили на острове Искья, неподалеку от неаполитанских берегов, во дворце - "кватроченто", роскошный фасад, облупленные купидоны на стенах, множество крыс, никакого центрального отопления и никаких соседей.

Братья никуда не выезжали, никто их не навещал, кроме их же агентов и адвокатов. Никто из них так и не женился. Оба лет в тридцать отринули мир людей ради внутреннего мира, полного более утонченных и более долговечных усад. Оба были любителями - фанатичными и заядлыми.

Родились они как бы вне своего времени.

Страсть Питера составляли художественные редкости. Он коллекционировал неустанно; не будет преувеличением даже сказать - истово. Коллекционировал так, как другие мужчины охотятся на крупного зверя. Интересы у Питера были самые разносторонние, и со временем его приобретения заполнили громадные залы дворца и половину всех подвалов, картины, статуэтки, эмали, фарфор, стекло, хрусталь, работы по металлу. Сам он в свои пятьдесят лет был круглым человечком с насмешливыми глазами и небрежным клочком белесой козлиной бородки.

Гарольд Кастельяри, одаренный брат Питера, был ученым. Ученым-любителем. Он принадлежал девятнадцатому столетию - подобно тому как Питер был атавизмом какой-то еще более ранней эпохи. Современная наука представляет собой дело коллективной работы, причем работы нудной, - а и то и другое совершенно немыслимо для Кастельяри. Но разум Гарольда был в своем роде столь же оригинален и остер, что и разум Ньютона или Франклина. Он выполнил заслужившие уважение работы по физике и электронике и даже, по настоянию адвоката, оформил несколько патентов. Вырученные деньги, когда их не поглощали закупки необходимых инструментов и оборудования, он отдавал брату, который принимал их как само собой разумеющееся.

В свои пятьдесят три года Гарольд был худощавым пожилым мужчиной, вялым и меланхоличным по натуре; на верхней губе у него рос аккуратный заборчик белесых усов - своеобразная антитеза и частичка сходства, если вспомнить козлиную бородку его брата.

В одно прекрасное майское утро с Гарольдом произошло вот какое происшествие.

Гудьир уронил кусок резины на горячую печь; Архимед улегся в

ванну; Кюри оставила образчик урановой руды в выдвижном ящичке стола вместе с фотографической пластинкой. Гарольд же Кастельяри, работая с неким прибором, который до той поры потреблял изрядное количество энергии, не производя при этом ничего особенно впечатляющего, судорожно чихнул и уронил обычный стержневой магнит на пару заряженных электродов.

После чего над прибором возник громадный мутный пузырь.

Распрямившись после непроизвольного наклона, Гарольд в глубоком изумлении заморгал и уставился на пузырь. Прямо у него на глазах мутность внезапно исчезла, и сквозь пузырь он увидел участок мозаичного пола, казавшийся на три фута выше пола в лаборатории. Он также разглядел угол резной деревянной скамьи - небольшой струнный инструмент необычной формы.

Гарольд яростно выругался, поахал, поохал, а затем принялся экспериментировать. Он осторожно обследовал сферу с помощью электроскопа и счетчика Гейгера. Никакого результата. Тогда ученый вырвал из блокнота листочек бумаги и бросил его на сферу. Бумажка исчезла - и он не мог понять куда.

Онемев от изумления, Гарольд взял метровую линейку и осторожно ткнул ею сферу. Никакого ощущения контакта - линейка просто вошла внутрь пузыря, будто его там и не было. Затем с ощутимым щелчком коснулась струнного инструмента. Гарольд нажал сильнее. Инструмент соскользнул с края скамейки и с глухим стуком и звоном ударился об пол.

Вглядевшись повнимательнее, Гарольд вдруг узнал эти мучительно знакомые очертания.

Не долго думая, он отложил в сторону линейку, сунул руку в пузырь и вытащил оттуда хрупкий предмет. Тот оказался твердым и прохладным на ощупь. Древесина так и сияла под светлым лаком. Инструмент выглядел так, будто его сработали еще вчера.

У Питера был еще один в точности такой же - если не считать сохранности - виоль д'амур семнадцатого столетия.

Гарольд наклонился, чтобы заглянуть в пузырь дальше. В четырех с половиной футах от него висели золотистые гобелены, прятавшие всю стену за исключением изысканно украшенной двери посередине. Дверь стала приоткрываться; Гарольд заметил, как там мелькнуло что-то коричневатое.

Затем сфера снова помутнела. В руках у ученого было пусто - виоль д'амур исчезла. А линейка, оставленная внутри сферы, лежала на полу у его ног.

- Вот взгляни, - сказал Гарольд брату. Брови Питера удивленно выгнулись.

- Это что, какое-нибудь новое телевидение?

- Нет-нет. Вот смотри. - Виоль д'амур лежала на скамье - в точности где и раньше. Гарольд протянул руку внутрь сферы и вынул оттуда инструмент.

Питер вздрогнул.

- Дай мне. - Он взял в руки инструмент, потер гладко отполированную древесину. Затем внимательно посмотрел на брата. - Боже милостивый! - произнес коллекционер. - Путешествие во времени.

Гарольд раздраженно фыркнул:

- "Время", мой дорогой Питер, понятие столь же бессмысленное, что и "пространство".

- Ну, если без таких подробностей, то все-таки путешествие во времени.

- Если угодно, да.

- Ты станешь жутко знаменит.

- Надо думать.

Питер опустил взгляд на инструмент, который все еще держал в руках.

- Я бы хотел оставить виолю, если можно.

- Ничего не имею против, но не получится.

Не успел Гарольд договорить, как пузырь снова помутнел; виоль д'амур исчезла как дым.

- Вот видишь?

- Как, что за черт?

- Она возвращается обратно... Потом увидишь. Я уже раз вынимал эту штуковину, и получилось то же самое. Когда сфера снова стала прозрачной, виола оказалась там, где я ее нашел.

- И как ты это объяснишь?

Гарольд заколебался.

- Никак. Пока я не смогу разработать соответствующий математический...

- На что еще потребуется время. А пока что, если сказать проще?..

Гарольд наморщил лоб в поисках верной трактовки:

- Ну, если очень приблизительно... это означает, что события сохраняются. Два-три столетия назад...

- Три. Обрати внимание на отверстия резонаторов.

- Значит, три столетия назад в это конкретное время дня кто-то был в комнате. Если бы виола исчезла, он или она отметили бы этот факт. Так образовалось бы нарушение уже зафиксированной последовательности событий; следовательно, этого произойти не должно. По аналогичной причине, полагаю, мы не можем заглянуть в сферу или... - Он потыкал пузырь авторучкой. - Так я и думал - не можем проникнуть в нее; иначе также образовалось бы нарушение. И все, что мы кладем в сферу, пока она прозрачна, выходит обратно, когда она мутнеет. Выражаясь совсем приблизительно, мы не можем изменить прошлое.

- Но мне кажется, мы все же меняем его. Мы изменили его только что, когда ты вынул оттуда виолу - даже пусть никто в том времени этого и не видел.

- Вот тут, - заметил Гарольд, - и обнаруживается сложность применения языка для точной передачи информации. Если ты еще не забыл свои выкладки... Впрочем, можно сформулировать такой постулат: помни только, что все сказанное мной - ложь, что событие, которое не влияет на другие события, не есть событие. Другими словами...

- Значит, если никто не видел, как ты берешь виолу, то не важно, брал ты ее или нет. Довольно рискованное правило: в свое время за него сожгли бы на костре.

- Весьма возможно. Но то же самое можно установить и другим способом или, вернее, бесконечным числом способов, которые только представляются различными. Если кому-то - скажем, самому Творцу - захотелось бы удалить Луну, пока мы тут с тобой разговариваем, и за нулевой отрезок времени заменить ее точной копией, сделанной из бетона и гипса - причем с той же массой, альбедо и всем прочим, что у настоящей Луны, - то это не внесло бы никаких измеримых различий во вселенную, как мы ее воспринимаем, а следовательно, мы не можем с уверенностью сказать, что этого не произошло. Кроме того, позволю себе добавить, нет никакой разницы, произошло это или нет.

- "Когда никого на дворе..." - процитировал Питер.

- Да. Вообще говоря, это основная и, конечно же, бессмысленная философская проблема. Если не считать, - добавил Гарольд, - данного конкретного проявления. - Он воззрился на мутную сферу. - Извини, пожалуйста, Питер. Мне тут надо поработать.

- Когда ты думаешь объявить об открытии?

- Немедленно. В смысле, через неделю-другую.

- Ничего не предпринимай, пока не посоветуешься со мной, ладно?

Есть одна идея.

Гарольд бросил на брата быстрый взгляд:

- Коммерция?

- В каком-то смысле.

- Забудь, - сказал Гарольд. - Тут не тот случай, когда можно что-

то патентовать или держать в тайне.

- Конечно. Надеюсь, увидимся за обедом?
- Думаю, да. Если забуду, постучи в дверь, ладно?
- Хорошо. До встречи.
- До встречи.

За обедом Питер задал Гарольду лишь два вопроса:

- А ты можешь как-нибудь менять время, в котором работает аппарат, чтобы попасть, скажем, из семнадцатого столетия в восемнадцатое или из понедельника во вторник?
- Да, между прочим. Поразительно. Какое счастье, что у меня в той схеме уже был реостат; я не рискнул бы отключить питание. Изменение силы тока дает изменение установки времени. Я добрался, как мне кажется, до прошлой среды. Во всяком случае, мой рабочий халат лежал на верстаке - там, где я его оставил, помнится, в среду под вечер. Я его вытащил. Любопытное ощущение, Питер, ведь на мне в то же самое время был тот же самый рабочий халат. А затем сфера помутнела, и халат, разумеется, исчез. Должно быть, тогда я сам заходил в комнату.

- А как насчет будущего?

- Вот. Еще одна странность. Я настраивал прибор на различные времена в ближайшем будущем, и аппарат по-прежнему на месте, но с ним ничего не случилось. Хотя я уже сейчас собираюсь с ним кое-что проделать. Возможно, это опять-таки из-за сохранения событий, но я склонен думать, что нет. А дальше идут мутные периоды, пробелы; очевидно, я не могу увидеть ничего, не существующего ныне. Но в ближайшие несколько дней картина совсем иная. Такое впечатление, что я куда-то пропал. Как думаешь, куда это я могу подеваться?

Внезапный отъезд Гарольда произошел между полуночью и утренними часами. Все выглядело так, будто он сам упаковал свои вещи, ушел без провожатых, и больше его не видели. Необычен был, разумеется, сам факт его исчезновения, но подробности отъезда никаких подозрений не вызывали. Гарольд всегда ненавидел то, что сам он называл "тиранией лакея". Все знали его как необычайно независимого человека.

На следующий день Питер проделал с новооткрытой сферой времени некоторые несложные эксперименты. Из шестнадцатого столетия он забрал флакончик духов венецианского стекла; из восемнадцатого - резное палисандровое распятие; из девятнадцатого, когда дворец был резиденцией некоего австрийского графа и его возлюбленной-итальянки, - иллюстрированный вручную экземпляр "La Nouvelle Justine" де Сада, прелюбопытный переплет которого был изготовлен из человеческой кожи.

Все это, разумеется, очень скоро исчезло - все, кроме флакончика духов. Питер, таким образом, получил повод к размышлениям. В ближайшем будущем флакончика после его реквизиции в сфере было с полдюжины мутных наплывов; раритет должен был исчезнуть, но не исчез. Однако Питер нашел его на полу, рядом с немалых размеров крысиной дырой...

Не потому ли, задался вопросом Питер, предметы исчезают необъяснимым образом, что закатываются в крысиные дыры? А может, потому, что некий ловец во времени изымает их, когда они вот-вот готовы туда закатиться?

Никаких попыток исследовать будущее Питер не предпринял. Тем же вечером он позвонил в Неаполь своим адвокатам и сообщил им инструкции по поводу своего нового завещания. Имущество Питера Кастельяри, включая его половину находившейся в совместном владении Искьи, теперь отходило итальянскому правительству при двух условиях: первое, что Гарольд Кастельяри сделает аналогичный посмертный дар оставшейся половины собственности, и второе - что итальянское правительство возьмет на себя обязательства превратить дворец в национальный музей, где будет размещена коллекция Питера. Доходы от имущества при этом должны были использоваться для управления музеем и дальнейших приобретений. Своих единственных родственников - двух кузенов в Шотландии - он лишил

всякого наследства.

Питер не предпринимал ничего, пока ему не принесли подписанный и засвидетельствованный документ. Только тогда отважился он заглянуть в собственное будущее.

Гарольд говорил, что события сохраняются, подразумевая при этом, как хорошо понимал Питер, события настоящего и будущего в той же мере, что и прошлого. Но только ли в одном виде могло быть зафиксировано будущее? Мог ли существовать результат прежде повлекшей его причины?

Девизом рода Кастельяри служила крылатая фраза: "Audentes fortuna juvat", к которой Питер в возрасте четырнадцати лет прибавил слово "prudentesque": "Судьба помогает смелому - и благоразумному".

Назавтра никаких изменений: комната, которую он разглядывал, была похожа на сегодняшнюю, сфера времени, казалось, исчезла. На следующий день: мутный наплыв. И дальше, и еще дальше...

Непрерывная мутность, заключил Питер, судя по тому, насколько продвинулась ручка реостата, должна была продлиться лет десять. А затем комната внезапно превратилась в длинный мраморный зал, заполненный демонстрационными ящиками.

Питер криво усмехнулся. Если ты Гарольд, то, очевидно, не можешь заглянуть вперед и увидеть Питера работающим в твоей лаборатории. А если ты Питер, ты, что в равной степени очевидно, тоже не можешь заглянуть вперед и узнать, является ли комната, которую ты увидел, доказательством, самим же тобою и состряпанным: или она часть музея, учрежденного после твоей смерти, последовавшей лет через восемь - десять, или...

Проклятье. Восемь лет - не так уж много, но он на них не мог положиться. В конце концов, это же на семь лет раньше, чем Гарольда официально объявят умершим...

Питер медленно двинул вперед ручку верньера. Промельк, другой - долгими сериями. Быстрее вперед. Теперь мелькание стало непрерывным; предметы исчезали из демонстрационных ящиков и заменялись там другими; мрамор все темнел и светлел, темнел и светлел - пока наконец не потемнел и остался темным. Питер понял, что теперь зал оказался перед ним таким, каким он будет столетий через пять. На всех поверхностях экспозиции лежал толстый слой пыли; в углу валялась неопрятная куча мусора и трупик какого-то грызуна.

Сфера помутнела.

Когда она прояснилась, в пыли был виден путанный след шагов, а два демонстрационных ящика опустели.

Отпечатки ступней были тридцать дюймов в длину и напоминали птичью лапку.

После недолгого размышления Питер обошел верстак и наклонился, чтобы заглянуть в сферу с другой стороны. Ближайшее из четырех высоких окон открывало банальную, как на почтовой открытке, сцену: залитый солнцем залив и видимая в перспективе полуокружность города со смутно дымящим на заднем плане Везувием. Но что-то не то было с красками в этом пейзаже - даже учитывая расстояние, они казались какими-то слишком блеклыми.

Питер сходил за биноклем.

Тревогу, конечно, вызывало то, что весь Неаполь затянуло зеленью. Город буквально утопал в буйной растительности. Среди зарослей и листвы Питеру время от времени удавалось разглядеть серые пятна, которые вполне могли быть валунами или руинами зданий. Никакого движения не просматривалось. А в бухте совсем не было судов.

Только нечто весьма странное ползло по склону вулкана. Напоминало оно ржаво-оранжевую трубу на тоненьких подпорках - вроде как у многоножки. Обрывалась штукovina совсем невдалеке от вершины.

Прямо на глазах у Питера труба медленно наливалась синевой.

Еще на день вперед: теперь все демонстрационные ящики

разграблены; музей, судя по всему, опустел.

Итак, через пять столетий весь мир, или, по крайней мере, область Кампанию, захватила раса Неких Существ; при этом все человеческое население было истреблено или постепенно вывезено: захватчики также проявили интерес к содержимому музея, которое они, видимо, забрали с собой.

Куда и зачем?

Этот вопрос, по мнению Питера, мог иметь тысячу ответов, девятьсот девяносто девять из которых означали бы, что его афера потерпела крах. Последний оставшийся ответ гласил: в погреб - к безопасности.

Питер собственноручно соорудил чехол, чтобы скрыть прибор на верстаке и сферу над ним. Непривычное занятие - на него ушло добрых двое суток. Затем Питер позвал рабочих, чтобы пробить дыру в каменном полу рядом с перегородкой, оборудовать подъемник и открепить силовой кабель, обеспечивающий питание сферы времени, до самой панели с предохранителями. Таким образом, кабель освободился еще не менее чем на сотню футов. Рабочие отвинтили от пола верстак, снабдили его колесиками, опустили в пустой погреб и удалились.

Питер развинтил болты и снял чехол. Затем заглянул в сферу.

Сокровища.

Ряды ящиков, больших и малых, терялись во мгле.

Пальцы аристократа ничуть не дрожали, когда Питер двинул вперед ручку реостата. Мутный наплыв - другой - затем движение, когда он двинул верньер быстрее, а затем просвет - до самых пределов охвата сферы времени.

Двести лет, догадался Питер, примерно от 2700-го до 2900 года, в течение которых в погреб никто не входил. Двести лет "неликвидного" времени.

Питер вернул реостат на начало просвета. Вытащив небольшой ящик, он его вскрыл.

Шахматные фигурки из слоновой кости с золотой инкрустацией. Флорентийские, четырнадцатого столетия. Роскошные.

Затем другой, из противоположного ряда.

Танские статуэтки, кони и воины, от десяти до четырнадцати дюймов высотой. Бесценные.

Томазо сообщил ему, что ящики не горят. Питер сам отправился на кухню посмотреть - и действительно. Куски лежали в ревущей печи целыми и невредимыми. Он вытащил один кочергой - на необтесанной древесине не обгорели даже мельчайшие щепочки.

Тут определенно был некий исключительный смысл. Поскольку ящикам предстояло отправиться обратно, никакое физическое воздействие в промежутке не могло дать эффекта; когда подошло бы время, они просто сложились бы в прежнем виде, подобно козлам Тора. Но горение - дело другое; горение высвобождало энергию, которую нечем было бы заменить.

По крайней мере, так объяснялся один парадокс. Но был и другой, временами изводивший дисциплинированный ум Питера. Если предметы, которые он доставал из погреба через семь сотен с чем-то лет в будущем, должны стать частью завещанной музею коллекции, хранимой Питером и в конце концов помещенной в тайник, чтобы там быть найденной им самим, - то откуда они взялись с самого начала?

Вопрос тревожил его Питер так же хорошо знал из жизни, как его брат из физики, что даром никто ничего не получает.

Более того, загадка эта составляла лишь одно из его затруднений, и даже не самое серьезное. Другой пример - упорная мутность сферы времени в ближайшем будущем. Сколько он ни пробовал, результат неизменно был один и тот же мутный наплыв на всем протяжении до внезапного выхода на свет мраморной галереи.

Следовало ожидать, что сфера не должна ничего показывать все то

время, пока сам Питер находился в тайнике, но это покрывало лишь пять-шесть часов из каждых двадцати четырех. Опять-таки предположительно - прибор не стал бы показывать Питеру никаких изменений, произведенных им самим, иначе предвидение дало бы ему возможность поступить иначе. Но он тщательно очистил один угол погреба, установил там экран и дал обет, который держал неделю не трогать чистое пространство и не сдвигать экран. Затем попробовал снова, с прежним результатом.

Оставалось единственное объяснение в течение следующих десяти лет с ним должно произойти нечто, что следовало бы предотвратить, но ключ к этому был погребен в удручающем неразрывном пробеле.

И как окончательный вывод: это безусловно нечто такое, что он [мог бы] предотвратить, знает он, [что] это... или хотя бы [когда] это должно случиться.

По всей вероятности, этим событием должна была стать его смерть. Питер нанял девять охранников - по три на смену, так как одному нельзя доверять, двое могут сговориться против него, а троих легко можно поддерживать в состоянии взаимного подозрения. Он также прошел медицинское обследование, проследил, чтобы на каждой двери и каждом окне были поставлены новые замки и задвижки, и принял прочие меры предосторожности, какие только могла подсказать ему его изобретательность. Но даже после всего этого следующие десять лет остались тем же пробелом, что и раньше.

Отчасти Питер этого ожидал. Он еще раз проверил состав своих телохранителей, нашел его вполне подходящим, а посему оставил дело на произвол судьбы. Он сделал все, что от него зависело, оставалось только уповать на будущее. В любом случае события сохранялись, никакого предупреждения сфера времени дать ему не могла.

У другого в схожей ситуации любая радость оказалась бы отравлена страхом и чувством вины, но Питер был просто из другого материала. Если раньше он оставался лишь одиночкой, то теперь сделался отшельником, ему жаль было каждого часа, который не уходил на работу. Утро он проводил в погребе, распаковывая добычу, днем и вечером сортировал ее, вносил в каталог, изучал и - даже это выражение не слишком сильное - буквально пожирал глазами. Когда в такой работе прошли три недели, полки опустели настолько, что силовой кабель уже не доставал до ящиков, не считая тех, что были слишком велики и явно не пролезли бы в сферу. Их, ценой героических волевых усилий, Питер оставил нетронутыми.

И все же он выгреб лишь сотую часть необъятной сокровищницы. С помощью дреков удалось бы расширить поле деятельности, быть может, ярда на три-четыре, но при этом возникал риск повредить добычу, да и в любом случае это не решило бы задачи. Не оставалось ничего другого, как лезть самому в сферу и распаковывать ящики там, - с другой ее "стороны".

Весь оставшийся день Питер ожесточенно и сосредоточенно размышлял. По его мнению, вопрос состоял не в риске - игра стоила свеч; проблема заключалась лишь в том, как этот риск рассчитать и как его по возможности уменьшить.

Кроме того, Питер ощущал определенную тревогу при мысли о том, чтобы проникнуть сквозь этот невещественный пузырь. Интуиция здесь подкреплялась если не логикой, то по крайней мере чувством более чем определенным. Ведь именно теперь - или никогда - должно было наступить время того кризиса.

Кроме того, здравый смысл здесь не помогал. Тревога выражалась в двух символах. Первый - лицо брата Гарольда перед тем, как вода сомкнулась над ним, другой же фантазм - порожденный гигантскими отпечатками трехпалых ступней в пыли галереи. Питер частенько ловил себя на том, что, сам того не желая, пытается представить себе, как выглядят оставившие их существа, пока зрительный образ не стал отчетлив настолько, что он мог чуть ли не поклясться, что в самом деле их видел.

Это были жуткие чудовища со змеевидными головами, с увенчанными

гребнями и громадными немигающими глазищами; а двигались они важной плавной походкой, кивая, будто фантастические индюки.

Однако если разбирать предостерегающие образы по порядку, то, во-первых, не было оснований чувствовать хоть малейшую неловкость в связи с гибелью Гарольда. Никаких свидетелей - тут Питер не сомневался; удар он нанес камнем; камни же оказались тем грузом, что потянул тело вниз, а веревка, подобранная на берегу, длину имела более чем достаточную. Во вторых, трехпалые Незнакомцы вполне могли быть куда страшнее всех чудищ мира вместе взятых, а ему-то какое дело? Питер может с ними и не встретиться.

Тем не менее тревога не исчезала. Питер беспокоился, ему требовалась какая-то страховка. Когда он ее нашел, то сам удивился, как он сразу не догадался.

Он установит сферу времени как раз на один из периодически возникавших просветов. Таким образом будут исключены несчастные случаи, внезапные заболевания и другие непредсказуемые случайности. Так Питер застрахуется от одного вполне реального и вовсе не иррационального страха - что пока он будет на той стороне, механизм, генерирующий сферу времени, может отключиться, - ибо сохранение событий создавалось вовсе не сферой, а лишь ограничивало ее действие. Что бы ни случилось, двоим невозможно занимать одно и то же время-и-место в качестве наблюдателей в любой точке прошлого или будущего. Следовательно, когда монстр войдет в погреб, Питера там уже не окажется.

Нужно, разумеется, помнить и о флакончике духов. У каждого правила есть исключение; но в данном случае, решил Питер, этот закон не действует. Флакончик духов мог закатиться в крысиную дыру, но человек - никогда.

Он аккуратно вернул реостат к началу наплыва серой мглы; затем к концу следующего - еще осторожнее. Интервал, по его прикидке, составил чуть меньше часа - лучше не придумаешь.

Пульс его, казалось, несколько ускорился, но рассудок остался чист и холоден. Питер сунул нос в сферу и опасливо принялся. Воздух был спертый, с едва заметным каким-то неприятным запахом - но для дыхания вполне пригодным.

Используя ящик в качестве приступка, он забрался на верстак. Затем поставил второй ящик вплотную к сфере - ступень в будущее. Третий ящик стоял уже на полу прямо под сферой - через семь с половиной столетий в будущем.

Питер ступил в сферу, прыгнул и легко приземлился, слегка присев.

Он очутился в погребе будущего. Сфера теперь казалась ярко освещенным шаром, висевшим в воздухе позади Питера, а центр ее находился вровень с его головой. Тени лежали вокруг темными клиньями, перетекая во мрак.

Сердце Питера бешено колотилось. Возникло гнетущее иллюзорное ощущение, как будто - смешно сказать - на его голове надет водолазный шлем. Тишина казалась паузой перед истошным воплем.

Зато вдоль прохода сотнями выстроились ящики с сокровищами.

Питер принялся за работу. Тяжелый, изнурительный труд - открывать ящики, вынимать содержимое и снова их сколачивать, но такую цену Питер должен был заплатить за свою страховку, ибо каждый ящик был в каком-то смысле микрокосмом, подобно самому погребу - капсуле неликвидного времени. Но срок погреба выйдет через каких-нибудь пятьдесят минут, когда головы с гребнями покажутся в этих проходах; что же касается содержимого ящиков, то с ним, по мнению Питера, было по-другому - срок сокровищ был вечностью.

Первый ящик содержал узорный фарфор; второй - рукоятки мечей шакудо; третий - изысканный греческий орнамент четырнадцатого столетия на бронзе "героикке", ни в чем не уступающей сирийским бронзам.

Питер вдруг обнаружил, что физически не может отпустить вещицу, но все же пересилил себя; стоя на ящике-платформе в будущем и высывая

голову в настоящее - подобно (снова дурацкая мысль!) всплывающему из океана водолазу, - он аккуратно разместил вещицу на верстаке рядом с остальными.

Потом снова вниз, в неверную тишину и мрак. Следующие ящики были слишком велики, а те, что сразу за ними, даже как-то подозрительны. Питер последовал за своей тенью дальше по проходу. У него оставалось еще двадцать - почти - минут, хватит для одного ящика, выбранного без спешки, а потом вполне достанет времени, чтобы вернуться.

Взглянув направо, в конце ряда ящиков он увидел дверь - тяжелую дверь, усеянную заклепками, с железной ступенькой внизу. Во времена Питера никакой двери там не было, видно, вся планировка здания претерпела изменения. Еще бы! - вдруг понял он. Если бы от дворца, каким он его знал, осталась хоть одна кафельная плитка или оконная перемычка, сфера ни за что не позволила бы ему увидеть это конкретное здесь-и-сейчас, войти в эту - как ее называл Гарольд - пространственно-временную структуру.

Ибо если ты увидел любую из ныне существующих вещей такой, какой она должна появиться в будущем, ты мог изменить ее в настоящем - вырезать на ней нецензурное слово, разломать ее, распилить - что было в принципе невозможно, а следовательно...

А следовательно, первые десять лет по необходимости должны были стать для Питера сплошным пробелом. И не потому, что его ждало что-то скверное, а просто потому, что в том времени еще не успели стереться последние следы старого дворца.

Так что не будет никакого кризиса!

Впрочем, минутку! Ведь Гарольду удалось заглянуть в ближайшее будущее. Но конечно же - Гарольду вскоре предстояло погибнуть.

Во мгле неподалеку от двери Питер заметил несколько ящиков, выглядевших весьма многообещающе. Путь был неровным; одна из неопрятных куч мусора, уже ставших фирменным знаком Незнакомцев, лежала на полу, будто полоса скошенной травы. Питер осторожно ступил вперед - но все же недостаточно осторожно.

А с Гарольдом Кастельяри произошла еще одна случайность, и опять-таки, если рассматривать с такой точки зрения, счастливая. Удар лишь оглушил его; ветхая веревка соскользнула с камней - и, беспомощный, он выплыл там, где сражавшийся за свою жизнь наверняка бы утонул. Рыбачья лодка чуть не проехала по нему днищем, но вместо этого его туда подняли. Ученый пострадал от удара, шока, удушья и мало чем отличался от мертвого. Но Гарольд был все еще жив, когда час спустя его доставили в больницу в Неаполе.

Разумеется, при нем не нашли никакого удостоверения личности, на его одежде не было ни нашивок, ни вензелей - об этом позаботился Питер; а первую неделю после своего спасения Гарольд физически не мог дать никаких объяснений о том, кто он и что с ним случилось. На вторую неделю он пошел на поправку, но продолжал отмалчиваться, а под конец третьей, понимая, что, несмотря на явное выздоровление, ему предстоит определенные сложности с выпиской, Гарольд притворился, что вдруг обрел память, и сообщил обстоятельные, но полностью фиктивные сведения о себе, после чего был выписан.

Чтобы понять его поведение, как и все последующие его действия, следует помнить, что Гарольд носил фамилию Кастельяри, в Неаполе, не желая давать Питеру повод для ненужного беспокойства, он не обращался в банк за своими средствами, а получил деньги по чеку с помощью случайного знакомого, датировав документ неделями раньше. Частью полученных денег Гарольд оплатил больничные счета и вознаградил своих спасителей. Другая часть ушла на новую одежду и на оплату четырехдневного проживания в дешевом неприметном отеле, когда он снова привыкал сам заботиться о себе. Остальное, в самый последний день, он потратил на приобретение небольшого, как подсказало ему благоразумие,

револьвера и пачки патронов.

Гарольд сел на последний пароход до Искьи и прибыл к парадной двери собственного дома без пяти одиннадцать. Был холодный вечер, и в камине центральной залы пылал веселый огонь.

- Надеюсь, синьор Питер в добром здравии? - осведомился Гарольд, снимая пальто.

- О да, синьор Гарольд. Он чувствует себя превосходно, но очень занят коллекцией.

- Где же он? Мне бы очень хотелось с ним поговорить.

- Он в погребках, синьор Гарольд. Только вот...

- Что же?

- Синьор Питер никого не принимает, когда работает в погребках. Он дал строжайшее распоряжение, синьор Гарольд, чтобы в это время его никто не тревожил.

- Что ж, хорошо, - сказал Гарольд. - Полагаю, мы с ним еще увидимся.

Проклятая штукавина оказалась чем-то вроде медвежьего капкана, только вместо двух полукруглых челюстей там было четыре сегмента, которые сходились в центре - каждый с острым зубчиком. Боль была просто невыносимая.

Все сегменты двигались на концах тонких рычагов, предусмотрительно посаженных на шарниры так, что ужасный механизм защелкивался, стоило наступить на любую из четырех частей. Каждый рычаг имел пружину - слишком мощную для мышц Питера. Вся конструкция соединялась цепочкой с надежно вмонтированным в бетонный пол крюком. Питеру этот крюк позволял двигаться в радиусе одного фута. Еще бы чуть-чуть - и можно было бы перегрызть собственную ногу, тоскливо подумал Питер, но ничего не мог поделать.

Грозная загадка состояла в том, зачем здесь вообще оказалось адское приспособление. Разумеется, как и в родном времени Гарольда, здесь в погребках водились крысы. Но можно ли себе представить, что трехпалые Незнакомцы установили такую махину для поимки крыс?

И тут Питер вспомнил, что забытые изобретения временами изобретаются вновь. Даже если бы он припрятал сферу времени на всю оставшуюся жизнь и ей не суждено было пережить его, то в отдаленном будущем все равно могли оказаться другие ловцы во времени - если и не здесь, то в других сокровищницах. Вот как могло объясняться присутствие этого воплощенного ужаса - механизма с металлическими челюстями. Подобным образом можно было объяснить и существование самого погреба - лучшей ловушки для человека. Да только все это полная чепуха - добыча могла оставаться в ловушке только до тех пор, пока ловец не явится заглянуть в нее. События, как и жизни осмотрительных путешественников во времени, сохранялись.

А в подвале Питер находился уже почти сорок минут. Еще минут двадцать - двадцать пять, в крайнем случае тридцать, а потом войдут Некие Существа, и он окажется на свободе. У него есть страховка - только эта мысль и позволяла Питеру как-то мириться с болью, ставшей для него теперь центром мироздания. Сейчас он переживал ощущения, родственные тем, что случались во время визита к дантисту в жуткие старые времена до изобретения новокаина, временами боль казалась просто невыносимой, но утешало сознание того, что это должно когда-нибудь кончиться.

Склонив голову, он задержал дыхание. Глухой отдаленный стук, еще один, затем отвратительный скрип, затем - тишина.

Но он уже слышал их. Он знал - они там. Теперь уже скоро.

Трое мужчин - двое коренастых, один худощавый - играли в карты перед закрытой дверью, которая вела к лестнице в погреб. Нехотя они встали.

- Кто он? - спросил тот, что с виду казался покрепче Томазо что-то затрещал ему на бешеном сицилийском, охранник помрачнел, но взглянул на Гарольда с уважением.

- А теперь, - заявил Гарольд, - я иду увидаться с братом.

- Нет, синьор, - уверенно возразил крепыш.

- Ваше поведение вызывающе, - сказал ему Гарольд.

- Да, синьор Гарольд нахмурился:

- Вы дадите мне пройти?

- Нет, синьор.

- Тогда пойдите и скажите моему брату, что я здесь.

Оправдывающимся тоном, но твердо крепыш пояснил, что этого также не позволяют строжайшие инструкции, впрочем, Гарольд сильно бы удивился, скажи охранник что-то другое.

- Хорошо, но я полагаю, вы по крайней мере можете мне сказать, когда он выйдет оттуда?

- Скоро, синьор. Через час, не больше.

- Ну что ж, очень хорошо, - раздраженно проговорил Гарольд, разворачиваясь вполоборота. - А теперь, - заявил он, поворачиваясь обратно и вынимая из кармана револьвер, - поднимите-ка руки и встаньте там, у стены, ясно?

Первые двое нехотя подчинились. Третий, худощавый, выстрелил сквозь карман плаща - прямо как гангстеры в американских фильмах.

Ощущение совсем не такое острое, с удивлением обнаружил Гарольд, скорее похоже на увесистый удар в бок крикетной битой. Грохот выстрела, казалось, бесконечно рикошетировал от стен. Гарольд почувствовал, как револьвер подпрыгнул в руке, когда он выстрелил в ответ, но так и не смог разобрать, попал он в кого-нибудь или нет. Казалось, все происходит очень медленно - и в то же время страшно тяжело было сохранять равновесие. Разворачиваясь, он успел заметить, что двое коренастых парней уже запустили руки под куртки и что у худого до отказа распахнут рот, а у Томазо точно так же - глаза. Затем стена полетела ему навстречу, и Гарольд поплыл вдоль нее, стараясь не выронить за чем-то оказавшийся у него в руке револьвер.

Только он обогнул первый поворот, как грохот раздался снова. Фонтан штукатурки брызнул в глаза, затем Гарольд неловко побежал, а позади него послышался хор диких выкриков.

Поначалу ученый избрал местом назначения лабораторию - чисто инстинктивный выбор, никак не подкрепленный логикой. Но на полпути через главную залу он понял, что туда ему не добраться.

Гарольд обернулся и метнул взгляд искоса в направлении коридора, там он увидел движущееся пятно и выстрелил. Пятно исчезло. Затем ученый неуклюже повернулся обратно и успел сделать пару шагов к креслу - ближайшему своему убежищу, когда что-то с силой врезалось ему между лопаток. Еще шаг - колени подогнулись - и стена нанесла ему второй удар, помягче. Гарольд упал навзничь, сжимая окостеневшими руками гобелен, висевший рядом с камином.

Когда три охранника, которых звали Энрико, Альберто и Лука, опасливо появились из коридора и приблизились к телу Гарольда, оно уже, подобно трупам викингов, пылало в своем импровизированном саване - мутные кони, охотники и соколы корчились на гобелене и рассыпались сверкающим великолепием. Мгновение спустя неровное кольцо огня поплыло по ковру под ноги ошарашенным зрителям.

Хотя слуги прибежали с кухни с огнетушителями и ведрами, пожарные были вызваны незамедлительно, - все было бесполезно. Через пять минут зала пылала в огне, через десять, когда в окнах лопнули стекла, а стены покосились, пламя охватило второй этаж. Через двадцать минут груда пылающих бревен рухнула в погреб через дыру, проделанную Питером в полу лаборатории, уничтожив прибор со сферой времени и создав в погребе, как впоследствии записали в протоколе соответствующие должностные лица,

температуру, вполне достаточную для того, чтобы начисто уничтожить человеческое тело без каких-либо следов. И уже по одной только этой причине никаких следов тела Питера обнаружено не было.

Звуки снова раздались в тот момент, когда Питер увидел, как свет сферы времени поддурманился, а затем вдруг погас - будто задутая свеча.

И тут, в крошечной тьме, он услышал, как открывается дверь

"Anachron", опубликован в журнале "If Science Fiction", 1953

ДЭЙМОН НАЙТ ЮНГА

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

1

Человек скорее свихнулся бы, чем выговорил имя юнги. Даже значение этого имени сложно было бы передать на любом земном языке. Удобства ради вполне можно называть его Томми Лой.

Просьба также помнить, что многие употребляемые ниже понятия весьма условны. На самом деле Томми был не совсем юнгой, и даже звездолет, где он служил, был не совсем звездолетом, а также и Капитан был не совсем капитаном. Но если Томми представляется вам рыжими веснушчатым, насупленным и упрямым, совершенно несносным сорванцом, вечно откалывающим всевозможные номера, а Капитан - нудным и придиричивым стариком, тогда их отношения станут для вас намного яснее.

Пожалуй, стоит все-таки сказать пару слов о Томми, чтобы пояснить, зачем введены упомянутые условные понятия и насколько они осмыслены. Начнем с того, что человеку Томми показался бы прозрачным шестифутовым яйцом, полным зеленоватого студня. В этом студне болтались всякие фиговинки - как темные, так и лучистые, соответствовавшие у Томми нервным центрам и органам пищеварения, а на скорлупе располагались звездчатые и овальные выступы, служившие юнге органами чувств и хватательными приспособлениями - своеобразными "руками". На остром конце яйца находилось специальное отверстие, откуда временами вылетала струя мерцающего пара - средство передвижения Томми. И если вместо фразы "Томми позавтракал" или "Томми сказал Капитану..." мы описывали бы то, что происходило в действительности, пришлось бы всякий раз ударяться в невероятно запутанные пояснения.

Точно так же понятие "юнга" употребляется только потому, что ближе всего соответствует сути дела в человеческом понимании. Некоторые ремесла, к числу которых относится и мореходное дело, настолько сложны и трудоемки, что им невозможно обучиться в классе - ими следует овладевать. Юнга и есть тот, кто обучается такому ремеслу. А платит он за свое обучение, выполняя разные лакейские, маловажные и унижительные поручения.

Имелось и еще одно сходство, а именно: юнга на корабле в перерывах между порками вечно занят подготовкой очередной проделки - дурачества, приносящего ему новое наказание.

Томми к настоящему моменту уже заработал законную порку и теперь всеми силами старался ее отсрочить. Конечно, он понимал, что наказания все равно не избежать, но рассчитывал оттянуть его как можно дольше.

Настороженно плавая в одном из бесчисленных коридоров корабля, он

следил, как на светящейся стене возникает темная волна и движется в его сторону. Тогда Томми немедленно начинал двигаться от нее с той же скоростью.

Волна рокотала:

- Томми! Томми Лой! Да где этот бесстыжий щенок?

Дальше волна двигалась без остановки, бессловесно урча, и Томми перемещался вместе с ней. Впереди была другая волна, за ней еще, - и ту же картину представляли собой и все остальные коридоры корабля. Внезапно волны поменяли направление движения. То же самое, едва успев среагировать, сделал и Томми. Волны эти не только несли в себе приказы Капитана, но и сканировали все коридоры и отсеки десятимильного корабля. Впрочем, пока Томми держался между волн, Капитан не мог его засечь.

Беда заключалась в том, что Томми не мог вечно продолжать в том же духе. Кроме того, его уже искали и другие члены команды. На прочесывание всех этих извилистых, переплетающихся коридоров уходила уйма времени, но, по законам математики, Томми в конце концов должен был попасться.

От такой мысли Томми поежился, но тут же всколыхнулся от восторга. Ведь на сей раз он прервал сон Старика при помощи особо мерзкого зловония, способности к которому обнаружились у него совсем недавно. Эффект оказался потрясающим. Поскольку раса Томми общалась при помощи запахов, то в человеческих понятиях это было примерно как запустить шутиху над самым ухом спящего.

Судя по резкости передвижения сканирующих волн, Старик рвал и метал.

- Томми! - рокотала волна. - Ах ты, кусочек дерьма, немедленно выходи, или я размажу тебя на тысячу маленьких засранцев! Клянусь Спорой, когда я до тебя доберусь...

Тут коридоры пересеклись, и Томми воспользовался возможностью нырнуть в другой. С момента своего шkodничества он последовательно держал путь от центра, зная, что туда же пойдут и поисковые партии. Теперь Томми оставалось только преодолеть внешнюю оболочку корабля и попытаться проскользнуть обратно за спинами преследователя - шанс довольно дохлый, но все же лучше, чем ничего.

Томми держался вплотную к стене. Он был самым маленьким членом команды - меньше любого из юнг и вдвое меньше среднего матроса, поэтому у Томми всегда оставалась возможность скрыться от любого из поисковой партии.

Теперь он попал в короткий соединительный коридор, но сканирующие волны циркулировали беспрестанно, всякий раз поворачивая назад прежде, чем ему удавалось прорваться дальше. Томми терпеливо повторял движения волн, прислушиваясь к потокам изливаемой ими брани. Мысленно он ржал. Когда Старик бесился, страдали все. Теперь корабль наверняка провонял от носа до кормы.

Наконец Капитан отвлекся, и волны потекли дальше - к следующему перекрестку. Томми двинулся вперед. Он уже приближался к цели - в самом конце коридора различалось слабое мерцание звездного света.

Вот Томми вписался в следующий поворот - и там, сквозь полупрозрачную оболочку корабля, увидел такое, что чуть не споткнулся. Там сияли не просто огненные булабочные головки звезд, там пылал ярчайший, неистовый костер, который мог означать только одно: они проходят через звездную систему. Зрелище, привычное для Капитана и большинства Матросов, но в жизни Томми такое случалось впервые. Ну вот, возмущенно подумал юнга, положишься на них - а тебе даже и не скажут!

Теперь он точно знал, что не зря подложил свинью Капитану. Ведь иначе он не оказался бы здесь; а не окажись он здесь...

По коридору со стуком двигалась самоходная мусорная капсула, направляясь к одной из наружных пор. Томми дождался ее, а затем обволок - капсула так растянула юнга, что он едва удерживался на ней. Удача

сопутствовала Томми, Капитан вряд ли заподозрил бы неладное.

Корабль был герметически закупорен - не для того, чтобы сохранить внутри атмосферу, ибо никакой атмосферы, кроме случайной, там не было. Закупорка предотвращала утечку жидкости в результате испарения. Запасы металлов и других минеральных веществ еще можно восполнить, а вот с жидкостями было сложнее.

Томми прокатился на капсуле до выходного сфинктера, протиснулся туда - и сразу же отпустил капсулу. Поляризованная на удаление от корабля, она пулей устремилась в космос и была такова. Томми уцепился за наружную поверхность корпуса и стал разглядывать расстилавшуюся перед ним изумительную панораму.

Вот оно, необъятное черное полушарие космоса - единственное небо, какое Томми когда-либо знал. Усеянное знакомыми и в то же время вечно изменчивыми узорами созвездий. Все это само по себе уже было чудом для мальчишки, чью привычную вселенную составляли громадные коридоры, да еще, в лучшем случае, вдвое большие залы. Но панораме космоса Томми уделял мало внимания. Ведь внизу, справа от него, ослепительно отражаясь от широкого закругления зеленоватого корпуса, сияло бело-желтое великолепие, на которое Томми больно было смотреть. Звезда. И впервые так близко. А слева висел небольшой молочно-белый диск - не иначе как планета.

Томми испустил крик - только чтобы насладиться его тонким, нерезким ароматом. Затем стал наблюдать, как тонкая пелена частичек отлетает от его тела, слабо светящегося на фоне черноты двигателя. Затем съежился, максимально утолщая кожу. Томми понимал, что задерживаться здесь надолго ему нельзя - тепло он выпускал быстрее, чем успевал поглощать от солнца или корпуса корабля.

Но возвращаться назад не хотелось. И не только потому, что его ждало наказание. Томми не хотелось уходить от этого огромного и ослепительного небесного самоцвета. На мгновение Томми смутно представил себе будущее - когда он вырастет, станет хозяином собственного корабля и сможет смотреть на звезды сколько захочется. Впрочем, такая мечта была еще слишком далека от реальности. Великая Спора, ведь это случится не раньше, чем через двадцать тысяч лет!

Тут в пятидесяти ярдах от Томми на корпусе корабля вздулось и потемнело громадное пятно - одно из зрительных приспособлений. Юнга с интересом поднял взгляд на небо. Ничего в том направлении он различить не смог, но Капитан, видимо, что-то заметил. Томми смотрел и ждал, холодея с каждой секундой, и через некоторое время заметил появление еще одной световой точки. Она постоянно увеличивалась в размерах, стала с одного боку немного размытой, а затем превратилась в два сочлененных пятнышка - одно яркое и плотное, а другое побледнее.

Внезапно сообразив что к чему, Томми опустил взгляд и заметил, что еще один обширный участок корпуса корабля вздувается и выступает наружу. Здесь из-под зелени проступило светлое пятно, окруженное темным кольцом, - корабельный поляризатор. Видно, объект, который заметил Томми, содержал металл, - и Капитан решил пополнить запасы продовольствия. Томми мысленно пожелал, чтобы штуковина оказалась повесомее; сколько юнга себя помнил, металла им всегда не хватало.

Когда он снова посмотрел в небо, объект заметно увеличился. Теперь Томми разглядел, что яркая часть была твердой и гладкой, отражая свет близкого солнца. Размытая же часть представляла загадку. Она смахивала на голос кого-нибудь из команды, видимый на фоне панорамы космоса, или на ионный след движущегося корабля. Но разве металл бывает живой?

Лео Роджет глянул в сканер заднего вида и вытер капельки пота, выступившие на смуглых затылках. Разглядел он не слишком много -

пылающий газ из ракет омывал корпус. Но громадный темный овоид, к которому их несло, оставался на месте и увеличивался в размерах. Роджет бросил взгляд на приборную панель. Газ на максимуме. Меньше чем через две минуты произойдет столкновение - и, похоже, ничего тут не поделать.

Роджет повернул голову к Френсис Макменамин, пристегнутой к соседнему перегрузочному креслу. Та предложила:

- Попробуй сбросить газ, попытка не пытка. Невысокий крепыш

Роджет отвел пронзительные карие глаза в сторону и пригладил редющую черную шевелюру. Макменамин, стройная пепельная блондинка, ростом обошла своего спутника всего на полдюйма. Лицо ее, бледное, изящно очерченное, было из тех, что поровну поделены между потрясающими умницами и клиническими идиотками. За те три года, что они летали вместе, Роджет так и не сумел решить, к какому типу следует отнести Френсис. А в этот безумный рейс их толкнула вот такая причина: Роджет чувствовал себя с Френсис как-то неловко. То он хотел разойтись, а то как будто и не хотел. Вот он и поддержал ее идею отправиться к Марсу: "Полетели, а там будет видно". И пожалуйста, подумалось Роджету, лететь-то они летят, а видно не становится.

- Хочешь поскорее столкнуться? - спросил он.

- Почему обязательно столкнуться? - возразила Френсис. - Просто все остальное мы уже пробовали. А так хоть можно будет выяснить, куда мы направляемся. Надеяться на большее пока не приходится.

- Хорошо, - согласился Роджет. - Хо-ро-шо.

Эта женщина запросто могла приводить десятки убедительных доводов и в конце концов все равно настояла бы на своем. Роджет сбросил газ до нуля - и рев двигателей, дотоле слышимый и ощутимый, затих.

Корабль резко дернулся - так, что их прижало к ремням безопасности.

Роджет снова глянул на сканер. Они приближались к неизвестному массивному объекту теми же темпами, что и раньше. Пожалуй, даже немного медленнее, неохотно заключил он. Чертова баба! Как же она и тут умудрилась угадать?

- А кроме того, - рассудительно добавила Макменамин, - так мы сохраним горючее для взлета.

Роджет хмуро взглянул на свою спутницу.

- Если взлет состоится, - заметил он. - Ведь не смеха ради нас туда тянет. Что прикажешь делать - сказать, что мы в восторге от их фокуса, но нам пора?

- По крайней мере выясним, что нас туда тянет, - заявила Макменамин, - и остановимся, если сможем. А если не сможем, тогда горючее все равно ни к чему.

Такой приемчик из арсенала Френсис казался Роджету одним из самых издевательских. Эта женщина подсовывала тебе твой же собственный довод как нечто такое, чего ты по своей непроходимой тупости не заметил. Спорить с ней - что гоняться за призраком, который то и дело исчезает, а потом вдруг хлопает тебя сзади пыльным мешком.

Роджет начал уже пускать пар, но все же смолчал. Зеленоватая поверхность наплывала все медленнее, и теперь он ощущал легкое, но настойчивое давление ремней безопасности. Означало это не что иное, как торможение. Кто-то подводил их к посадке так умело и аккуратно, что им и самим не справиться удачнее.

Очень скоро в иллюминаторах забрезжил зеленоватый горизонт, и они сели.

Френсис сунула руку за пазуху и поправила складку, что образовалась меж вулканическим холмиком ее груди и прозрачной пластиной скафандра. Наблюдая за ней, Роджет вдруг ощутил безрассудный страстный порыв. Как обычно, тело тут же уведомило его о том, что расходится с мозгом во мнениях по поводу Френсис. Да, этот рейс, по их тактическому соглашению, должен был стать чем-то вроде последней проверки. В конце они либо разойдутся, либо свяжут себя узами более прочными. И до сих

пор Роджет склонился к тому, что разрыв неизбежен. А теперь он вдруг понял: если они доберутся до Марса и сумеют вернуться на Землю, он уже ни за что не отпустит Френсис.

Роджет взглянул в лицо своей спутнице. Френсис явно догадалась о том, какое направление приняли его мысли, - точно так же, как догадывалась и о других его чувствах. И вместо законной досады астронавт отчего-то ощутил странную радость и умиротворение. Он отстегнул ремни, закрепил на голове шлем и двинулся к переходному шлюзу.

Вскоре Роджет вышел на бледно-зеленую поверхность, отлого закруглявшуюся во всех направлениях. Он стоял под ослепительным светом солнца, отбрасывая рельефную тень - черную, как и весь космос. Примерно в двух третях расстояния до горизонта, если смотреть по короткой оси корабля, солнечный свет резко обрывался - и остальное виделось Роджету лишь в тусклом отражении звездного света.

Корабль лежал на боку, а остроконечный нос на несколько дюймов погрузился в зеленую оболочку чужого судна. Роджет осторожно шагнул туда - и едва успел ухватиться, чтобы не проплыть мимо. Магнитные подошвы ботинок цепляться не желали. Металл корпуса чужого корабля, если это вообще был металл, явно не содержал железа.

Из-под зеленой поверхности проступали и другие цвета - особенно в том месте, где забавно выпячивался почти прямоугольный выступ. В центре этого выступа, как раз под самым хвостом корабля землян, располагался более светлый участок; вокруг него, проходя под бортом земного судна, шло темное кольцо. Роджет включил нашлемный фонарик и нагнулся, чтобы получше все рассмотреть.

Пестрое зеленое вещество пропускало свет - и сквозь него Роджет увидел поверхность своего корабля. Выглядела она помятой и проржавевшей. Прямо у него на глазах на сияющем корпусе появилась еще одна точка ржавчины - и стала медленно разрастаться.

С невятным восклицанием Роджет выпрямился. Тут же в шлемофоне раздался голос Френсис:

- Что там, Лео?

Он ответил:

- Какая-то дрянь разъедает корпус. Погоди минутку. - Роджет снова стал разглядывать светлые и темные крапинки под зеленой поверхностью. В центральном участке металл выглядел нетронутым; там могла располагаться выходная часть приспособления, которое использовали, чтобы стащить их корабль с курса и удерживать здесь. А что, если теперь оно отключено... Роджету требовалось убрать корабль от темного кольца, разрушавшего металл. Иначе нельзя было включать ракеты, так как они наполовину погрузились в зеленое вещество - могли сгореть трубы.

- Ты пристегнута? - спросил Роджет у Френсис.

- Да.

- Тогда держись. - Он прошел обратно к центру маленького корабля, уперся рифлеными подошвами ботинок в твердую зеленую поверхность, а руками в металлический корпус - и толкнул.

Корабль тронулся с места. Но он лишь закрутился как волчок, описывая круг своим остроконечным носом. Темный участок внизу колыхался, будто студень. Ракеты так и остались в центре светлого участка, а темное кольцо по-прежнему соприкасалось с корпусом. Роджет стал толкать дальше, но с тем же результатом. Корабль легко двигался во всех направлениях, кроме нужного. Стало ясно, что сила, притянувшая корабль, по-прежнему действует.

Роджет удрученно выпрямился и огляделся. И вдруг обратил внимание на нечто, чему поначалу значения не придавал. В нескольких сотнях ярдах от него лежало шестифутовое яйцо из материала более светлого и прозрачного, нежели окружающая зеленая масса. Роджет прыгнул в ту сторону. Яйцо не особенно расторопно двинулось прочь, волоча за собой облачко светящегося газа. Считанные секунды спустя Роджет уже схватил

округлую массу. Яйцо колыхнулось, затем выпустило спереди тонкую струюку пара. Оно явно было живым.

В одном из иллюминаторов виднелся силуэт головы Макменамин.

Роджет спросил:

- Видишь?

- Да! Что это?

- Думаю, один из команды. Пожалуй, надо бы его прихватить.

Займись переходным шлюзом, вдвоем мы там не поместимся.

- Ладно.

Пристроить массивное яйцо в кабине оказалось делом не простым.

После того как Френсис наконец затащила его на корабль, яйцо откатилось к стенке. Двое людей стояли у панели управления и разглядывали гостя.

- Ничего индивидуального, - заметил Роджет, - если не считать пятен. Это существо не из Солнечной системы, Френсис, оно не принадлежит ни к одному из известных нам типов эволюции.

- Понятно, - рассеянно заметила Макменамин - Слушай, а как потвоему - нет на нем средства защиты?

- Нет, - уверенно ответил Роджет. - Это не скафандр. Смотри, оно просвечивает чуть ли не насквозь.

- Точно, - согласилась Френсис. - Значит, его естественная среда - космос!

Роджет задумчиво оглядел яйцо.

- Похоже, так, - сказал он - Во всяком случае для вакуума оно неплохо приспособлено. Яйцевидная форма дает более высокую величину отношения объема к поверхности. Жесткая оболочка. Двигается посредством реактивной тяги. Вообще-то верится с трудом. Но, с другой стороны, почему бы и нет. Есть же, в конце концов, организмы, растения, способные жить и размножаться в кипятке. Другие могут выдерживать температуры, близкие к абсолютному нулю.

- А ведь наш гость тоже растение, - вставила Френсис. Роджет повернулся к ней, затем снова окинул взглядом яйцо.

- Ты имеешь в виду цвет? Хлорофилл? Пожалуй.

- А как иначе он выжил бы в вакууме? - Френсис скривилась. - Ну и запах!

Они переглянулись. В исходивших от существа запахах было что-то странное. Проносились целые серии отдельных душков - удивительно резких и незнакомых.

Роджет закрыл шлем и сделал Макменамин знак последовать его примеру. Та нахмурилась и покачала головой. Роджет открыл шлем.

- Запах может быть ядовит.

- Не думаю, - возразила Макменамин. - У меня появилась одна мысль.

Френсис вышла и вскоре вернулась с целой охапкой пластиковых дезодорантов. Затем подошла к Роджету, опустилась на колени и стала выстраивать их на полу, направляя ниппелями к яйцу.

- Это еще зачем? - поинтересовался Роджет. - Слушай, не время шутить, надо придумать, как отсюда выбраться. Корабль уже разъездо до самых...

- Да погоди, - перебила Макменамин. Затем потянулась к бутылочкам и брызнула из трех подряд. Сначала тончайший спрей пудры для лица, потом одеколон, за которым последовала струя доброго виски.

Дальше Френсис стала ждать Роджет уже раскрыл было рот, чтобы заговорить, когда из яйца снова посыпались незнакомые запахи. На сей раз их оказалось всего три два приятных и один резкий.

- Пожалуй, я назову его Душком, - сказала Макменамин и снова нажала колпачки - уже в другом порядке. Виски, пудра, "Ночи Юпитера". Яйцо ответило: резкий, приятный, приятный.

Френсис предложила оставшуюся комбинацию, и яйцо отозвалось.

Затем женщина положила на пол регистрационную трубочку и пустила струю пудры. Потом добавила еще трубочку и пустила одеколон. Так она

продолжала, выпуская запах для каждой трубочки, пока их не оказалось десять. Яйцо всякий раз откликалось, в некоторых случаях знакомым запахом. Наконец Френсис убрала семь трубочек и выжидающе воззрилась на яйцо.

Зеленая масса испустила резкий запах.

- Рассказать кому, - благоговейным тоном произнес Роджет, - что наша Френсис научила шестифутовое пасхальное яйцо считать до десяти с помощью избирательного метеоризма...

- Тише, дурачок, - перебила Френсис. - Теперь сложный пример.

Она положила три трубочки, дождалась резкого запаха, затем добавила еще шесть, чтобы составить три ряда по три. Яйцо любезно откликнулось сильным запахом, смахивающим на хорошую имитацию лимонного экстракта, - девятого номера по счету Френсис. За ним опять последовала очередная стремительная и запутанная серия душков.

- Он понимает, - заключила Макменагин. - Надо думать, он только что сообщил нам, что трижды три - девять. - Она встала. - Выходи первым, Лео. Я пушу его следом, а потом пройду сама. Прежде чем мы его отпустим, надо ему еще кое-что показать.

Роджет последовал указаниям. Как только яйцо выбралось наружу и направились было восвояси, Роджет преградил ему путь и потянул обратно. Затем отошел в сторонку, рассчитывая, что существо поймет: они не пытаются его принуждать, но хотят, чтобы оно осталось. Несколько мгновений яйцо нерешительно покачалось, но все же осталось на месте. А тут появилась и Френсис, которая несла с собой дезодорант и карманный фонарик.

- Моя лучшая пудра, - сокрушенно произнесла она. Пластиковый флакон лопнул в пальцах Френсис, и всех троих окутал туман, слабо мерцавший в солнечном свете.

Яйцо по-прежнему ожидало. Похоже было, что оно внимательно наблюдает за людьми. Макменагин включила фонарик и направила на Роджета. Луч проделал узкую отчетливую тропку в тумане рассеянных частиц. Затем Френсис обратила фонарик на себя, на корабль и, наконец, направила луч вверх - в сторону небольшого голубого диска, которым была Земля. Все это она проделала еще дважды, а затем отступила к переходному шлюзу. Роджет направился следом.

Там они и стояли, наблюдая, как яйцо торопливо пробирается по корпусу, вталкивается в зеленую оболочку и исчезает.

- Впечатляюще, - заметил Роджет. - Интересно только, какой нам с этого толк.

- Теперь он знает, что мы живые, разумные, дружелюбные и что мы с Земли, - задумчиво проговорила Макменагин. - Теперь все зависит от него.

3

Легче свихнуться, чем достаточно полно описать человеку душевное состояние Томми, когда тот нырнул обратно в корабль и оказался в ближайшем радиальном коридоре. Собственно, наша аналогия по-прежнему неплохо работает. Томми и правда можно было уподобить мальчугану, а значит, понятна его тяга к разного рода авантюрам и приключениям. Но остается еще и многое другое. Юнга увидел живых и разумных существ незнакомой формы и строения, которые жили в металле и были как-то связаны с теми необъятными, загадочными кораблями, что называются планетами, к которым ни один из капитанов его расы не отваживался даже приблизиться.

И в то же время Томми был совершенно убежден, придавленный сводом знаний, что миллиарды лет накапливались, хранились и передавались из поколения в поколение, что во всей Вселенной не существовало другой разумной расы, кроме его собственной, что металл, хотя он и давал жизнь, сам живым быть не мог и ни одно живое существо, которому выпало

несчастье появиться на свет на борту планеты, не могло даже надеяться преодолеть такое страшное гравитационное поле.

Результатом всех терзаний Томми стало желание побыть в одиночестве и хорошенько подумать. Трудновыполнимое желание, если вспомнить, что Томми должен был двигаться по коридору, принаравливаясь к сканирующим волнам и направляя все свои мысли на то, как бы проскользнуть мимо поисковой партии.

Оставался еще вопрос, сколько времени Томми отсутствовал. Если преследователи добрались до корпуса, пока он торчал в той металлической штуковине, то они вполне могли решить, что юнге удалось проскользнуть обратно к центру корабля. Тогда они, естественно, держат путь назад, и ему остается лишь проследовать за ними до оси и спрятаться в зале, как только они оттуда выйдут. В противном случае надежды на спасение у Томми не оставалось.

Оставалась последняя возможность. Но о ней Томми не решался даже задуматься. А дело было вот в чем. Вдоль коридоров проходили топливные линии - трубы, по которым неслись ионные пары, питавшие корабль энергией. И рискни Томми влезть в одну из таких труб, он, без сомнения, оказался бы железно застрахован от поимки на все время пребывания в трубе. Но, во-первых, топливные линии расходились от оси корабля, и ни одна из них не привела бы Томми в нужное место. А во-вторых, не было на борту корабля места опаснее. Старшие члены команды иногда забирались туда для аварийного ремонта, но всякий раз старались выбраться как можно скорее. Томми понятия не имел, сколько сможет там продержаться.

В нескольких метрах дальше по коридору как раз находился задранный сфинктер, через который можно было попасть на топливную линию. Оказавшись рядом, Томми бросил туда неуверенный взгляд. Еще не успев решиться, юнга вдруг почувствовал, что из-за угла коридора кто-то приближается.

Томми плотнее прижался к стене и смотрел, как мучительно медленно приближается другой конец коридора. Только бы завернуть за угол, а уж там...

На стене снова мелькнул отблеск, а из-за поворота показался краешек зеленой массы. Рассуждать было некогда. Томми рванул во весь дух, прямо через следующую сканирующую волну - вперед, к поперечному коридору.

В тот же миг по стенам раскатился рев Капитана:

- Ага! Это он, подлый щенок! За ним, ребята!

Сворачивая в следующий коридор, Томми оглянулся, и сердце его упало. За ним гнался не юнга и даже не Матрос, а Третий Помощник - такой огромный, что загораживал собой чуть ли не полкоридора, и такой могучий, что удирать от него Томми было все равно что пацану на велосипеде от курьерского поезда.

Томми свернул за угол и в тот же миг понял, что его карта бита - очередной коридор оказался абсолютно прямым и тянулся добрую сотню футов. Только Томми туда рванулся, как из-за поворота уже выросла туша Третьего Помощника. Третий накатывался со страшной скоростью, и у Томми осталось время лишь на последний отчаянный бросок. Затем громадная туша тяжело навалилась на него, и юнга оказался пойман.

Не успели они, скользнув по полу, остановиться, как от стен зарокотал голос Капитана:

- То, что надо, сэр! Дайте-ка мне на него взглянуть!

Сканирующие волны теперь не двигались. Третий подтащил Томми к ближайшей темной полосе.

Юнга тщетно упирался.

- Вот он, шутничок наш! - взревел Капитан. - Несказанно рад снова видеть тебя, Томми! Что? Не слышу? Где же остроумные реплики? Где твой неотразимый юмор?

- Надеюсь, вы славно вздремнули. Капитан, - выдохнул Томми.

- Оч-чень славно, - с тяжелым сарказмом отозвался Капитан. - Ох,

как замечательно, Томми. Может, еще что-нибудь хочешь сказать, прежде чем я назначу тебе порку?

Томми безмолвствовал.

Тогда Капитан обратился к Третьему Помощнику:

- Отличная работа, сэр. Вы получите добавочный паек. Третий впервые заговорил, и Томми узнал его высокий жеманный голосок. Джордж Адкинс. Недавно засеянный, Адкинс был так горд частичкой новой жизни в своем теле, что жизни никому не давал.

- Большое спасибо, сэр. - Адкинс так и пыжился. - В моем положении, конечно же, не стоило так напрягаться.

- Зато получите вознаграждение, - раздраженно прогудел Капитан. - А теперь доставьте шутника в пятую палату. Там у нас состоится небольшая церемония.

- Есть, сэр, - сдержанно отозвался Третий. Затем двинулся, подталкивая Томми, и нырнул в первый же ведущий вниз поворот.

Вскоре они добрались до главной артерии, что вела прямоком к центру корабля. Сканирующие волны по-прежнему стояли на месте, а Томми с Третьим двигались так проворно, что опасность быть подслушанными исчезла. Тогда юнга вежливо осведомился.

- Простите, сэр, вы ведь не позволите обойтись со мной слишком жестоко, правда же, сэр?

Третий некоторое время не отвечал. Не раз он уже попадался на удочку притворной вежливости Томми и теперь был осторожен - разумеется, в меру своей тупости. Наконец он ответил:

- Вы получите только то, что причитается, юный Том.

- О да, сэр. Не сомневаюсь, сэр. Сожалею, что вынудил вас напрячься - учитывая ваше положение и все такое.

- Еще бы, - скупно отозвался Третий, но в голосе его все же прозвучало удовольствие. Не часто случалось, чтобы юнга выказывал подобающий интерес к предстоящему родительству Третьего. - А знаешь, они уже шевелятся, - доверительно шепнул Третий Помощник, слегка распрямляясь.

- В самом деле, сэр? О, вы должны всячески оберегать себя, сэр. А скажите, пожалуйста, сэр, - сколько их там?

- Двадцать восемь, - сообщил Третий. Последние две недели он объявлял эту новость при каждом удобном случае. - Крепенькие и здоровенькие - хвала Споры.

- Как это замечательно, сэр! - воскликнул Томми. - Двадцать восемь! Надо же! Но позвольте заметить, сэр, вы должны быть крайне разборчивы с пищей. Не собирается ли Капитан выделить вам добавочный паек из той массы, которую он недавно притащил на палубу?

- Не знаю, не знаю. Возможно.

- Вот те на! - воскликнул Томми. - Хотел бы я быть уверен, что...

Юнга намеренно оборвал фразу и замолчал.

- А что ты хочешь сказать? - брюзгливо поинтересовался Третий. - Что-нибудь не так с металлом?

- Наверняка я не знаю, сэр, но что-то он в этот раз не такой, как обычно. Такого у нас не было. По крайней мере, - добавил Томми, - с тех пор, как меня вывели, сэр.

- Ясное дело, - отозвался Третий. - Но уж я-то, знаешь ли, тертый калач и всякого перепробовал.

- О да, сэр. Но разве металл обычно не бывает такой темный, шероховатый? А, сэр?

- Именно такой и бывает. Всякий знает. Правильная форма только у живых существ, а металл неживой.

- Конечно, сэр. Только я побывал на палубе, сэр, когда пытался скрыться, и видел этот металл. Он совсем правильной формы, если не считать каких-то выступов на одном конце, такой же гладкий, как вы, сэр, и блестящий. Простите, сэр, но мне он аппетитным не показался.

- Чепуха, - неуверенно пропыхтел Третий. - Чепуха, - более

решительным тоном повторил он. - Ты наверняка ошибся. Металл не может быть живым.

- Я тоже так подумал, сэр, - возбужденно затараторил Томми. - Но в этом металле оказались живые существа, сэр. Я их видел. И металл вел себя очень необычно, сэр. Я это заметил, когда Капитан его тащил, и... только боюсь, вы не поверите мне, сэр, если я скажу, что делал этот металл.

- Ну, и что же он такого делал?

- Клянусь, я видел, сэр, - продолжил Томми. - Капитан вам подтвердит, сэр.

- Будь оно все стерилизовано; так что же делал этот металл?

Томми понизил голос:

- От него тянулся ионный след, сэр. Он пытался удрать!

Пока Третий пытался уяснить услышанное, они добрались до конца коридора и попали в просторное шарообразное пространство пятой палаты, где уже выстроились члены команды, готовясь стать свидетелями наказания Томми Лоя.

Шутки закончились, подумалось Томми. Впрочем, Третьему Помощнику он, по крайней мере, оплатил сторицей. Обещанный добавочный паек уже не доставлял ему особой радости.

По окончании экзекуции Томми съехался в углу кают-компания, куда его бросили, измученного и страдающего. Боль еще прокатывалась по телу неудержимыми, тяжелыми волнами, и он всякий раз невольно вздрагивал.

Загадка металлического корабля все еще призывала юнгу откуда-то с задворок сознания, но слишком уж свеж был другой опыт, слишком живы припоминаемые образы.

Капитан, как обычно, читал Символ Веры:

"В начале была Спора, и Спора была одна". (А команда: "Слава Спору!")

"Потом был свет, и свет был хорош. О да, хорош для Споры и Первенцев Споры".

("Слава им!")

"Но свет стал злым во дни Вторых Отпрысков Споры".

("Горе им!")

"Но свет отверг их. О да, изгнаны они были - изгнаны во тьму, в Великую Бездну".

("Помилуй изгнанников в Великой Бездне!")

Томми повторял вместе со всеми, лелея в то же время еретические мысли. Никакого зла в свете не было; они до сих пор жили, пользуясь им. А на самом деле скорее всего получалось так - и сам Капитан допускал такую мысль на своих уроках истории и естественных наук: далекие предки, возросшие в пылающем сердце Галактики, слишком уж усовершенствовались ради своего же блага.

Они все больше и больше приспособливались извлекать энергию из звездного света, из металлов и других элементов, попадавших в космосе; и в конце концов волей-неволей стали поглощать больше, чем могли усвоить. Поздние поколения постепенно и естественно переселились из района с интенсивным излучением в "Великую Бездну" - Вселенную разбросанных далеко друг от друга звезд. А совершенствование неизбежно продолжалось; в то время как уровень доступной энергии падал, средства ее поглощения становились все более эффективными.

Теперь они уже не могли не только вернуться на родину, но даже приближаться к попутным звездам на расстояние планетных орбит. А значит, планеты и сами звезды стали для них объектами благоговейного страха. Понятное дело. Но почему нужно снова и снова следовать глупому ритуалу со всякими там "изгнанниками" и "злом", придуманному каким-нибудь невежественным и суеверным предком?

Капитан заканчивал:

"Спаси нас от Смерти, что таится в Великой Бездне..."

("Медленной Смерти, что таится в Великой Бездне!")

"И храни души наши чистыми..."

("Чистыми, как свет во времена Споры, будь Она Благословенна!")

"И сделай прямыми пути наши..."

("Прямыми, как лучи света, братья!")

"Чтобы снова мы встретились с потерянными братьями в День Воссоединения".

("Приблизь тот День!")

Затем все умолкло - тишина нарастала, пока не сделалась подобна безмолвию космоса. Наконец Капитан заговорил вновь - прозвучали слова приговора и в заключение:

- Пусть его высекут!

Томми напрягся, лихорадочно утолщая кожу и сжимаясь до минимального объема. Потом два рослых и сильных Матроса схватили его и бросили третьему. Тот плотно прижался к стене, втягивая из нее энергию, пока не наполнился до краев. И когда Томми долетел до него, Матрос разрядил энергию изломанной дугой, что наполнила тело Томми подлинной квинтэссенцией боли, а потом толкнул юнга в другую сторону палаты для следующего удара... и следующего... и следующего.

Пока наконец Капитан не прогудел: "Достаточно!" - и тогда Томми вытащили из палаты, бросили в угол и оставили в покое.

Юнга слышал голоса членов команды, получавших свои пайки. Один проворчал что-то насчет вкуса, а другой - судя по голосу, благополучно раздувшийся - посоветовал ему заткнуться и есть, дескать, металл как металл.

Итак, корабль попал на камбуз.

Поистине страшная участь была уготована его экипажу.

Томми представил, что его выбросили дрейфовать в космосе в одиночку, обрекая его крошечное тело на медленное остывание, - и внутренне содрогнулся.

Затем он снова задумался над проблемой, преследовавшей его после встречи с пятиконечными существами. Жизнь разумного существа, безусловно, священна. Так говорилось и в Символе Веры - говорилось в той же слащаво-поэтической манере, что и все остальное. Ни один капитан, как и любой другой член команды, не имел права уничтожить ближнего ради своей выгоды, ибо всех связывала общая наследственность. Потенциально все они были одинаковы, ни один не оказывался лучше других.

И все употребляли в пищу металл, благо металл был неживым и, уж ясное дело, - неразумным. Но что, если эта истина несовершенна?..

И тут юнга вспомнил: в корабле чужаков, пытаясь объяснить с пятиконечными существами, он был напуган почти до потери запаха - но где-то глубоко внутри, под испугом и возбуждением, чувствовал себя превосходно. И внезапно его осенило: это похоже на мистическое завершение, которое, как подобает верить, наступает в День Воссоединения - в день, когда сходятся все прямые - когда все разбросанные по Вселенной корабли, разделенные миллиардами лет полета, слетаются наконец вместе. Вот что начинаешь чувствовать после общения с неведомым существом, наделенным разумом.

Томми захотелось еще раз поговорить с чужаками, научить их складывать нестройные звуки в слова, научиться у них... Ведь те двое были продуктами совершенно другой линии эволюции. Кто знает, чему они могли бы научить Томми?

Сомнения юнга понемногу прояснялись. Если корабль поглотит их металл, разумные существа погибнут; значит, Томми должен заставить Капитана отпустить корабль чужаков. Но тогда они улетят в бесконечные пространства Великой Бездны и Томми никогда уже не сможет...

Тут в каморку заглянул младший офицер:

- Давай-ка, Лой, выметайся. У тебя наряд на камбуз. Есть будешь после работы. Если пайка останется. Ну, живет!

Томми задумчиво двинулся в коридор, почти позабыв о боли. Связанные с кораблем чужаков мировые проблемы, не находя приемлемого решения, тоже удалялись из его сознания. Их место заняла новая идея, и Томми озарил несказанный восторг, доступный только настоящему шутнику-практику.

Причитавшаяся за это порка ничуть не омрачала его настроения.

4

Роджет снял шлем и устало опустил в кресло. На женщину он и не взглянул.

- Плохо дело? - осторожно спросила Макменамин.

- Хорошего мало. Наружная оболочка разъедена по всему кольцу. На очереди свинцовая прокладка. С трубами пока порядок, на ближайшую пару часов. А потом - конец.

- Эфир молчит, - дополнила Френсис печальную картину их положения.

Здесь, почти на полпути меж орбитами Земли и Марса, они оказались в безнадежном одиночестве. На их миниатюрном корабле отсутствовала толковая аппаратура для дальней связи.

Роджет встал, буркнул: "С Богом" - и, стиснув зубы, вышел из отсека. Макменамин слышала, как он проходит через спальню и гремит чем-то в багажном отделении.

Вскоре он вернулся со сварочной горелкой. Шлем на его голове с лязгом закрылся, и голос Роджета резко зазвенел в наушниках у Френсис:

- Скоро вернусь.

- Будь осторожен, - напомнила женщина.

Роджет задрал за собой шлюз и оглядел истерзанный корпус корабля. Отдаленно он напоминал грушу, к которой приложил свои зубы ребенок. Местами уже виднелись трубы ракетного двигателя. Роджета вновь охватила ярость, в глубине которой таился страх.

Он напомнил себе, что сотню лет назад космические бродяги попадали в такие же скверные ситуации, а то и похуже. Но Роджет все же был горожанином - человеком, привыкшим к городской среде. И теперь он вдруг понял, что толком не знает, как ему действовать. Интересно, что нужно делать, когда тебе вот-вот наступит крышка да еще в пятнадцати миллионах миль от дома? Попытаться успокоить Макменамин, которая и без того уже была подозрительно спокойна? Или продемонстрировать чувство собственного достоинства и выдать одну из тех предсмертных речей, что обычно приводятся в популярных биографиях? А как насчет того, чтобы обсудить небольшой договорчик о самоубийстве? Едва ли не все, что мог сделать в данном направлении Роджет - это заколоть Френсис отверткой, а самому повеситься.

В наушниках раздался ее голос:

- У тебя все в порядке?

- А как же, - отозвался он.

Роджет осторожно наклонился к зеленой поверхности, стараясь не касаться коленями темного коррозионного участка.

Работа с портативным сварочным аппаратом особых навыков не требовала. Пламя вырвалось из сопла и омыло темную поверхность. Роджет даже через скафандр почувствовал жар.

В темном материале образовалась глубокая обугленная впадина, и зеленая масса немного оттянулась от корпуса. Такого астронавт даже не ожидал. Приободрившись, он попробовал еще.

Поверхность под ним внезапно задрожала, и Роджет в панике вскочил - как раз вовремя, чтобы избежать накатившей снизу волны.

Но слишком поздно. Роджету показалось, будто его огрели могучим молотом.

В ушах страшно зазвенело, а перед глазами повисла пелена. Роджет заморгал, попытался поднять руку. Та, казалось, намертво пристала к

телу. До смерти напуганный, он попробовал подняться и не смог. Когда в глазах прояснилось, он понял, что распростерт лицом вниз на каком-то широком диске, всплывшем из зеленой массы. Все металлические части скафандра были накрепко прикованы к поверхности. Сварочный аппарат лежал в нескольких дюймах от правой руки.

Еще какое-то время, не желая поверить в случившееся, Роджет пытался шевелиться. Но вскоре прекратил и просто лежал в плену собственного скафандра, упираясь взглядом в мутную зеленоватую поверхность.

Внезапно послышался голос Френсис:

- Лео, что-нибудь случилось?

- Сел в лужу, как последний дурак, Френсис.

Роджет услышал, как она со стуком захлопнула шлем, и тревожно добавил:

- Только не приближайся к светлому участку, а то и тебя прихватит.

Прошло еще некоторое время, и Френсис вынесла заключение:

- Не знаю, что и делать, дорогой.

К Роджету уже вернулось спокойствие. Астронавт вспомнил, что кислорода в скафандре осталось максимум на час, так что дергаться не стоит.

Некоторое время спустя он позвал ее:

- Френсис?

- Что?

- Время от времени перекачивай корабль, ладно? А то доберется до проводки или еще куда-нибудь.

- Хорошо.

Потом они перестали разговаривать. Осталось так много недосказанного, но было слишком поздно.

5

Вместе с другими несчастными Томми тащил наряд по уборке помещений. Грязная, паскудная работа, годная разве что для юнги - выбирать отбросы из мусороприемников в коридорах и отсеках, упаковывать их в стандартные капсулы, а затем тащить к ближайшему поляризатору. Но под пристальным взглядом младшего дежурного офицера Томми вкалывал с предельным усердием, пока они не очистили шесть нижних уровней, неплохо продвинувшись и на седьмом.

Стратегически здесь было лучшее место для того, чтобы смыться и снять погоню с "хвоста".

Вскоре Томми заметил, что офицер исчез за поворотом коридора, и удвоил усердие. Он, можно сказать, с головой ушел в свою работу, когда тремя секундами позже из-за поворота снова возник офицер.

Надсмотрщик недоуменно воззрился на Томми и буркнул:

- Шевелись, Лой. Нечего бить баклуши.

- Слушаюсь, сэр, - отозвался Томми и засуетился еще энергичнее.

А в следующее мгновение из-за поворота высунулась впечатляющая туша Третьего Помощника Адкинса. Младший офицер повернулся и почтительно козырнул.

- Я смотрю, юный Том весь в работе, - заметил Третий.

- Так точно, сэр, - подтвердил офицер. - Теперь он, похоже, взялся за ум. Видно, урок пошел ему на пользу, сэр.

- Ха! - обрадованно рывкнул Третий. - Очень хорошо. А теперь вот что, Лой. Насчет нашего разговора. Так вот. Капитан лично заверил меня, что новый металл в полном порядке. И даже с повышенной питательной ценностью. Я уже принял первый паек - просто пальчики оближешь! - и через полчаса намерен принять добавочный. Вот так-то. Приятного аппетита. - И Третий величественно двинулся по коридору мимо младшего офицера, который буквально вжался в стену, чтобы дать дорогу

начальнику.

Томми продолжал усердно трудиться. Правда, он терял энергию, которая совсем не помешала бы ему позднее, но все это было необходимо, чтобы успокоить подозрения младшего офицера и тем самым обеспечить себе успешный старт, не говоря уже о том, что этого требовала его артистическая натура. Томми всегда стремился к совершенству.

Итак, Третий Помощник Адкинс намеревался получить свой добавочный паек примерно через полчаса. Значит, сам Капитан должен был примерно в это же время снять пробу из пополненного резервуара. Таков был крайний срок. За оставшиеся полчаса Томми требовалось отсечь приток нового металла, вызвав тем самым искреннюю скорбь всей команды вплоть до следующего подарка из Великой Бездны.

Третий Помощник, несмотря на всегдашнюю ипохондрию, был настоящим обжорой. Если повезет, можно по крайней мере на месяц отравить ему жизнь. Вряд ли стоит добавлять, что и Старику тоже.

Младший офицер еще минут десять нерешительно поболтался возле Томми, а потом устремился по коридору провести остальных уборщиков. Не теряя ни секунды, Томми бросил только что упакованную капсулу и пулей устремился в противоположном направлении.

Когда рассчитанное время истекло на три четверти, Томми замедлил ход и остановился. Внимательно осмотрев стену коридора, он обнаружил почти неразличимый след - место, где в прошлый раз остановилась ближайшая сканирующая волна. Затем юнга встал так, чтобы не попадать в ту полосу, и стал ждать. Конечно, прежде чем выложить свой козырь, было бы неплохо покрыть расстояние побольше, но двигаться теперь значило идти на лишний риск. Следовало дожждаться хода Капитана.

Долго ждать не пришлось - сканирующие волны яростно всколыхнулись.

- Томми! - ревели они. - Томми Лой! Ах ты, недостойный паразит! Вернись, или, клянусь Спорой, ты пожалеешь! Томми!

Перемещаясь вместе с волнами, Томми терпеливо выжидал, пока их движение не привело его в следующий коридор. Одурев от злобы, Капитан не вполне владел волнами; в одних коридорах они двигались на шаг вперед и на два назад, а в других - наоборот.

Вскоре Томми добрался до тринадцатого уровня.

Теперь наступало самое трудное. Томми предстояло выбраться на топливную линию, чтобы спастись и набраться нужной ему энергии. И тут, впервые в жизни, Томми заколебался.

Со смертью все члены расы Томми имели дело лишь раз в жизни, ибо умирали только капитаны, и при этом всегда в одиночку. Для младших членов команды страха смерти почти не существовало - их защищал корабль. Однако Томми догадывался о том, что такое смерть, и, когда перед ним оказался задраенный вход на топливную линию, юнга понял, что теперь встретился с нею лицом к лицу.

Томми изо всех сил съежился - как под плетью. Затем сломал пломбу. Быстро-быстро, пока его не накрыла очередная волна, он протолкнулся в сфинктер.

Ионный поток сжал его и швырнул вперед. Томми отчаянно съежился, уплотняя защитную оболочку под напором смертоносного потока энергии, - и все же тело его все впитывало и впитывало эту энергию, пока он с ужасом не почувствовал, что полон до краев.

Стенки трубы проносились мимо, едва различимые в стремительном потоке сияющего тумана. Томми с невероятным трудом сдерживал растущее давление, присматривая тем временем за выходом.

Вскоре впереди показалось неясное овальное пятно, юнга бросился туда, зацепился и протиснулся наружу.

Томми оказался в горизонтальном коридоре - под самой оболочкой. Некоторое время он наслаждался там благословенной прохладой, прежде чем двинуться к ближайшему сфинктеру. Затем юнга выбрался наружу - под бархатно-черное небо и сверкающее великолепие звезд.

Он огляделся. Боль уже утихала; чувствовалось только страшное давление, что растягивало кожу и затрудняло движения. Впереди маячил корабль чужаков, рядом с которым копошились два пятиконечных существа Аккуратно, сохраняя между собой и корпусом дистанцию в несколько футов, Томми направился к ним.

Одно из существ лежало на притянувшем их корабль поляризаторе. Другое, заметив Томми, повернулось к нему и принялось делать двумя из трех верхних концов какие-то безумные движения, от которых юнге стало не по себе. Он сразу же повернул, двинулся мимо них и оказался в нескольких дюймах от самого центра поляризатора.

Там, со всхлипом облегчения, Томми высвободил накопленную его телом энергию. Сплошным белым выплеском она метнулась вниз.

Одуревший и обессиленный, Томми всплыл повыше и стал внимательно наблюдать за плодами своей работы. Жерло поляризатора сокращалось, сморщиваясь в центре. Сужалось и темное коррозионное кольцо. Выплеск такой массы энергии сразу наверняка закоротил и парализовал всю систему аж до нервного центра корабля. Вот теперь, с усмешкой подумал Томми, Капитан попрыгает!

Но главное дело было впереди Томми бросил последний взгляд на чужаков и их корабль. Тот, что лежал плашмя, уже встал, и оба они как-то некрасиво склеились, обмотавшись своими верхними концами. Затем вдруг расцепились и, глядя на Томми, затрясли всеми свободными концами. Томми деловито направился от них дальше по корпусу корабля, держа путь к трем сверхмощным поляризаторам.

Ему снова предстояло пройти ад. Внутри у него все сжималось от одной мысли о такой перспективе, но другого пути не оставалось. Корабль не мог изменить своего курса иным путем, кроме как позволив притянуть себя солнцу или другому крупному небесному телу, что было недопустимо. Зато он мог вращаться по воле Капитана. Чужаки теперь освободились, но Капитану стоило только повернуть корабль, чтобы снова поймать их в ловушку.

Здесь Томми немного передохнул, затем, будто бросающийся в поток ныряльщик, втокнулся в топливную линию.

Через несколько минут, содрогаясь от боли, он протиснулся обратно через выходное отверстие Томми показалось, что наполнен он энергией не меньше, чем в первый раз. Заряд энергии был теперь поменьше, но юнга понимал, что слабеет. На сей раз, когда Томми разрядился над поляризатором и стал наблюдать, как тот превращается в сморщенный комочек, он понял, что не сможет третий раз подставить себя под удар в огненном тоннеле.

Звезды меж тем уже двигались у него над головой. Капитан вращал корабль. Томми обессиленно лег на корпус, вполглаза наблюдая за кораблем чужаков.

Вот он, поляризатор, - яркая точка, окруженная свечением. Точка неторопливо поворачивалась вместе со всем небесным сводом, понемногу уменьшаясь.

"Старик достанет их раньше, чем они успеют удрать", - подумал Томми и стал смотреть, как яркая точка карабкается вверх, а затем начинает падать на другую сторону.

У Капитана оставался еще один поляризатор - последний крючок, которым можно было уцепить ускользающую добычу. И его вполне хватало.

Томми с трудом поднялся и последовал за яркой звездочкой. Теперь юнге стало не до шуток. Он охотно вернулся бы внутрь - к светлым, теплым, родным коридорам, уведившим вниз - к безопасности и заслуженному наказанию. Но почему-то ему невыносима была одна мысль о том, что эти удивительные существа бесследно исчезнут в жирном капитанском брюхе.

Томми следовал за кораблем чужаков, пока впереди не показалось бледное свечение поляризатора. Тогда он в очередной раз пробрался внутрь корпуса и снова отыскал заплombированный вход в топливную трубу.

Юнга не дал себе задуматься. С затуманенным рассудком он бесшабашно протолкнулся в сфинктер.

На сей раз все оказалось куда хуже, чем раньше. Томми и представить себе не мог, что будет так плохо. Зрение почти отказало. Выход он чудом успел заметить и даже не понял, как выбрался наружу. Шатаясь как пьяный, он неосторожно влип в сканирующую волну - и тут же услышал яростные вопли Капитана.

Смутные черные пятна заслоняли ему звезды. Изнутри надрывно давила энергия. Когда Томми наконец добрался до напозавшего сверху светлого диска, он выпустил разряд и лишился чувств.

Понемногу прояснилось зрение, и вскоре юнга увидел, что корабль чужаков по-прежнему висит над ним - в опасной близости. "Видно, Капитан успел притянуть его почти до упора, пока не получил последний разряд", - подумал Томми.

Пылая, корабль удалялся в Великую Бездну, и Томми следил за ним, пока он не исчез.

Юнга чувствовал полное умиротворение и страшную слабость. Планета, небольшое голубое пятнышко, уже сместилась заметно ближе к звезде. Чужаки возвращались туда - к своему непостижимому дому. А корабль Томми пробивался вперед, в новые мрачные глубины - к краю Галактики, к величайшей Бездне.

Когда холод стал пощипывать его тело, Томми двинулся к ближайшему сфинктеру. Настроение юнга сразу поднялось, стоило ему подумать о трех энергетических разрядах, равно распределенных по всему двенадцатимильному периметру корабля. Томми радостно заключил, что Капитан должен теперь совсем ошалеть от злости - как пожилой солдафон, получивший по рукам от сопливого недомерка.

Ибо, как мы и предупреждали, Капитан этот был не вполне капитаном; а корабль - не вполне кораблем. Капитан и корабль составляли единое целое - пчелиный рой и матки, замок и лорд.

Так что, по сути дела, Томми облетел вокруг своего командира.

ДЭЙМОН НАЙТ БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ, ИЛИ ДВЕРЯМИ НЕ ХЛОПАТЬ

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

Через десять месяцев после того, как пролетел последний самолет, Рольф Смит уже несколько не сомневался, что кроме него на земле уцелело только одно человеческое существо. Существо звалось Луизой Оливер - оно сидело как раз напротив Смита в кафе при универмаге в Солт-Лейк-Сити. Они угощались консервированными венскими сосисками и пили кофе.

Сквозь разбитое окно, будто Божья кара, бил солнечный свет. Ни внутри, ни снаружи не раздавалось ни звука - разве что душные шорохи небытия. Ни грохота посуды на кухне, ни тяжелого громохання автомобилей на улице - ничего этого уже никогда не будет. Только солнечные лучи, только безмолвие - и водянистые, бессмысленные глаза Луизы Оливер.

Смит подался вперед, пытаясь хоть на миг уловить в этих рыбьих глазах каплю внимания.

- Дорогая, - начал он, - клянусь, я уважаю ваши взгляды на жизнь. Но просто обязан вам заметить, что в данном случае они совершенно непрактичны.

Луиза посмотрела на него с легким удивлением и снова отвернулась.

Затем едва заметно мотнула головой:

- Нет-нет, Рольф, я не стану жить с вами во грехе.

Смит с тоской думал о француженках, русских, мексиканках, таитянках. Три месяца он просидел в разрушенных студиях радиостанции в Рочестере, слушая радиоголоса, пока все они не умолкли. Большая колония была в Швеции - там оказались и члены английского кабинета министров. Оттуда сообщили, что Европе пришел конец. Конец - и точка. Не осталось там ни акра, который не вымела бы начисто радиоактивная пыль.

У них нашлись два самолета и достаточно топлива, чтобы добраться в любую точку континента, но сесть было негде. Чума сначала окружила троих из той колонии, затем еще одиннадцать, а затем и всех остальных.

Был еще пилот бомбардировщика, упавшего неподалеку от правительственной радиостанции в Палестине. Сломав при аварии несколько костей, он долго не протянул, но сообщил, что ему довелось увидеть лишь воду на том самом месте, где полагалось находиться острова Тихого океана. Именно летчик первым высказал идею, что ледяные поля Арктики подверглись бомбардировке.

Не приходило никаких вестей ни из Вашингтона, ни из Нью-Йорка, ни из Лондона, Парижа, Москвы, Чунцина, Сиднея. И попробуй теперь разберись, кого прикончила болезнь, кого - радиация, а кого - бомбы.

Сам Смит пристроился лаборантом в исследовательскую группу, которая пыталась создать лекарство от чумы. Его начальникам удалось изобрести одну штуковину, которая иногда помогала, - но было уже слишком поздно. Покидая лабораторию, Смит прихватил с собой все запасы лекарства - сорок ампул. Вполне достаточно, чтобы протянуть не один год.

До войны Луиза работала санитаркой в благотворительной больнице неподалеку от Денвера. По ее словам, когда она спешила на работу в утро первой атаки, в больнице произошло нечто странное. Рассказывала она совершенно спокойно, но глаза ее при этом становились полностью отсутствующими, а физиономия - совсем унылой. Смит положил за правило впредь на эту тему не заговаривать.

Луизе тоже удалось найти действующую радиостанцию, и, когда Смит выяснил, что чумы она не подхватила, он договорился о встрече. По всей видимости, Луиза обладала природным иммунитетом. Наверняка были и другие, подобные ей, но тех не пощадили бомбы и радиация.

Для Луизы самой большой нелепостью во всей этой истории оказалось то, что в живых не осталось ни одного протестантского священника.

Причем такое отношение к браку у Луизы было совершенно искренним. Смит далеко не сразу поверил, но все оказалось чистой правдой. Эта швабра не стала бы спать с ним не то что в одном номере, но даже в одной гостинице; она постоянно ждала от него только предельной вежливости и благопристойности. И Смит хорошенько усвоил урок. Ходил он исключительно по краю тротуара; открывал для нее двери - там, где они еще оставались; настойчиво предлагал стул; мучительно удерживался от проклятий. Короче, ухаживал за ней как мог.

Луизе было уже за сорок - по меньшей мере лет на пять больше, чем Смит. Временами ему становилось даже интересно, что же она сама думает о своем возрасте. Потрясение, которое Луиза испытала после всего, что произошло с больницей и с ее подопечными, стремительно отправило ее разум обратно в детство. Луиза молчаливо соглашалась, что все, кроме них двоих, погибли, но, похоже, считала неприличным об этом упоминать.

Сотни раз за последние три недели Смита охватывало почти неодолимое желание свернуть ее тощую шею и отправиться куда глаза глядят. Только что толку? Луиза оставалась последней женщиной в мире, и Смит отчаянно в ней нуждался. Вздумай она подохнуть или бросить его, Смит крышка. "Старая сука!" - мрачно подумал он и накрепко все силы, чтобы не выразить эту мысль на лице.

- Луиза, солнышко, - нежно обратился он к ней, - ведь я как могу стараюсь щадить ваши чувства. Вы же знаете.

- Да, Рольф, - подтвердила она, глядя на Смита с видом загипнотизированного цыпленка.

Волевым усилием Смит заставил себя продолжить:

- Нам придется считаться с фактами - какими бы неприятными они ни могли показаться. Голубушка, ведь мы тут единственные мужчина и женщина. Как Адам и Ева в Эдемском саду.

Луиза выразила на лице некоторое неудовольствие. Явно вспомнила о фиговых листьях.

- Подумайте о нерожденных поколениях, - с дрожью в голосе произнес Смит. "Подумай для начала обо мне, крыса. Тебя-то, может, и хватит еще лет на десяток. И то вряд ли". Затем он с ужасом вспомнил о проявлении второй стадии болезни - беспомощной оцепенелости, которая могла возникнуть совершенно внезапно и настичь его в любой момент. Один такой приступ у него уже случился, и тогда Луиза помогла ему выкарабкаться. Не будь ее, он так и остался бы стоять столбом, а спасительный шприц лежал бы в нескольких дюймах от недвижной правой руки Смита до самой его смерти. "Если повезет, - отчаянно подумал он, - то до того, как ты, сволочь, загнешься, у меня окажется пара ребятишек. Тогда все будет в порядке".

Он продолжил.

- Бог никоим образом не предназначал человеческому племени подобный конец. Он пощадил нас двоих ради. - Смит запнулся. Как бы выразиться, чтобы Луиза не оскорбилась? Слово "родители" тут не годились - слишком вызывающе - Чтобы мы несли факел жизни дальше, - закончил он. Ну вот. Достаточно ясно и обтекаемо.

Луиза рассеянно глазела куда-то поверх его головы. Глаза ее регулярно моргали, а рот, будто у кролика, в том же ритме изображал слабые жевательные движения.

Смит опустил взгляд на свое истощенное тело. "Нет сил, чтобы с ней справиться, - подумал он. - Черт побери, если бы у меня были силы!"

Он снова ощутил прилив бессильной злобы и снова его подавил. Надо держать себя в руках - этот шанс мог оказаться последним. Недавно Луиза упомянула - на языке намеков, которым она пользовалась все время, - что хорошо бы уйти куда-нибудь в горы и молиться о Божьем наставлении. Она не сказала "уйти одной", но такой вариант недвусмысленно вытекал из ее слов. Смиту пришлось спорить до посинения - а в результате ее намерение только окрепло. Теперь он лихорадочно сосредоточился и решил попытаться еще разок.

А до Луизы его словеса доходили будто отдаленный рокот. То тут, то там она выуживала отдельную фразу, каждая из таких фраз порождала цепочки мыслей, которые вплетались в ее мечту. "Наш долг перед человечеством..." - так частенько говаривала Мама в их старом доме на Уотерберри-стрит - до того, конечно, как к Маме пришла болезнь. Еще она тогда сказала: "Дитя мое, твой долг - быть чистой, благовоспитанной и богобоязненной. Хорошенькой быть вовсе не обязательно. Множество некрасивых женщин нашли себе добрых христианских супругов".

Супругов... Иметь и хранить... Флердоранж и подружки... Органная музыка... Будто в тумане, перед ней висела худая, волчья физиономия Рольфа. Конечно, только такой и мог стать ее суженым - это она хорошо знала. Боже милостивый, когда девушке минет двадцать пять, выбирать ей не приходится.

"Но порой все же берут сомнения, вправду ли он достойный мужчина", - подумала Луиза.

"...Пред очами Господа..." Ей пришли на память витражные окна старенькой Первой Епископальной церкви. Луиза всегда думала, что Бог смотрит на нее сверху вниз через эту сверкающую прозрачность. Как знать, может, Он и теперь смотрит на нее, хотя временами начинало казаться, что Он ее забыл. Конечно, обряд бракосочетания теперь должен быть совсем другим - если даже нельзя пригласить настоящего священника. Но если Луиза и в самом деле собирается выйти за этого мужчину, будет

просто позором, чуть ли не вызовом общественной морали, не насладиться всей прелестью. Нет-нет, речь не о свадебных подарках. Совсем не то. Но все же Рольф должен как-то устроить все необходимое. Луиза снова увидела его лицо, обратила внимание на узкие черные глазки, что сверлили ее со свирепым желанием, тонкогубый рот, который постоянно подергивался от нервного тика, мочки ушей под лохматыми прядями черных волос.

"Не следовало ему так отпускать волосы, - подумала она. - Совсем уж неприлично". Что ж, в ее силах все изменить. Если она выйдет за него замуж, то, вне всякого сомнения, вынудит его изменить свои привычки. Таков ее долг.

Смит говорил теперь о ферме, которую присмотрел за городом, - славный домик с амбаром. Никаких запасов, по его словам, там не было, но они могли бы раздобыть все необходимое. И выращивать всякую всячину, чтобы питаться дома, а не шляться по ресторанам.

Вдруг Луиза почувствовала, как он коснулся ее руки - ее вяло лежащей на столе бледной руки. Короткие смуглые пальцы Рольфа, покрытые густыми черными волосами, коснулись ее. Ненадолго Смит замолчал, но вот - заговорил снова, еще настойчивее. Луиза отдернула руку.

Он говорил:

- ...и у тебя будет самое лучшее свадебное платье в мире. И обязательно огромный букет. Все, что пожелаешь, Луиза, все-все...

Свадебное платье! И цветы - пусть даже никакого священника! Ну почему же, дурачок, ты не сказал всего этого раньше?

Рольф умолк на середине фразы, разобрав, как Луиза вполне отчетливо произнесла:

- Да, Рольф, я выйду за тебя, если пожелаешь.

Совершенно обалдевший, он захотел было услышать подтверждение, но не осмелился переспросить из боязни получить какой-нибудь дурацкий ответ - или вообще никакого. Тогда Смит перевел дыхание и спросил:

- Сегодня, Луиза?

Она ответила:

- Можно сегодня... Вообще-то я не знаю... Конечно, если ты считаешь, что успеешь все приготовить... хотя все это как-то...

Смита охватило торжество. Теперь инициатива принадлежала ему, а уж он-то ее не упустит.

- Скажи, что согласна, дорогая, - стал он убеждать Луизу. - Согласись и сделай меня счастливейшим из смертных...

Даже в такую минуту язык его отказался произнести остальную подобную чушь. Впрочем, это уже не имело значения. Луиза смиренно кивнула:

- Как тебе угодно, Рольф.

Смит вскочил из-за стола, и Луиза позволила ему поцеловать свою бледную дряблую щеку.

- Мы отправимся прямо сейчас, - воскликнул он. - Если только ты, дорогая, позволишь мне на минутку отлучиться.

Смит дождался ее утвердительного кивка, а затем вышел, оставив до самой двери следы на пушистом ковре пыли. Еще пару часов в том же духе - и она будет предана ему навеки. А потом он сможет делать с ней все, что заблагорассудится. Не так уж плохо остаться последним мужчиной на Земле - совсем неплохо. А если эта швабра родит ему дочь...

Смит отыскал дверь туалета и вошел. Сделал лишь шаг внутрь - и застыл, успев взмахнуть рукой и сохранить равновесие - остался стоять, но в полной беспомощности. Ужас застрял у него в глотке, когда он попытался повернуть голову - и не смог, попытался крикнуть - и не смог. А позади раздался едва слышный щелчок гидравлического стопора двери, что захлопнулась навсегда. Нет, она была не заперта - но с другой стороны грозным предупреждением горела большая буква "М".

ДЭЙМОН НАЙТ ТЯГА К НЕПОРОЧНОСТИ

Пер. с англ. М.К. Кондратьева

- Джефф, не надо, пожалуйста - мне больно.
  - Ох, фригидные дамочки, с вами одно расстройство!
- Голос Мардж изменился, и Джефф понял, что она плачет.
- Зачем же тогда женился?
  - Сам порой удивляюсь. Ну, давай, детка...

Когда он в понедельник утром появился на работе, там уже торчал антарееанин. Джефф остановился в дверях и уставился на такое чудо. Тварь была выше него ростом, стройная, вся золотистая и в перьях. С виду ее можно было перешибить одной хорошей соплей.

Директор позвал Джеффа. Вокруг со смущенным видом стояли еще пять-шесть ребят.

- Джефф, это мистер Неллит из Антарееанской комиссии по техническому обмену. Он намерен выяснить, что стряслось с нашим гиперрадио. Мистер Неллит, это Джефф Горман, наш специалист по связи.

- Очень приятно, - осторожно произнес Джефф и протянул было руку, но тут же отдернул ее.

Кто-то из ребят заржал. Интересно, черт побери, чем же это чудо могло позвать ему руку? Неллит щеголял хрупкими золотистыми крыльями, плотно прижатыми к телу - как у цыпленка. Голова его больше всего напоминала птичью: крупный череп, громадные сияющие глаза и хреновинка вроде клюва, только с мягкими губами. Все одеяние твари составляла какая-то тряпка наподобие жилета с кармашками, но, насколько Джефф понял, ничего мужского в этой птичке не было.

- Гад с фами пофнакомиффа, - прочирикал Неллит - Фы фпффыалифт по коммуникафюнным фифтемам? Тогда у наф много обфего.

"Будь я проклят, если ты прав", - подумал Джефф, напрягая бицепсы и выпячивая грудь. По сравнению с Неллитом все у него казалось коротким и плотным - шея, пальцы, ноги и туловище.

Директор торопливо проговорил.

- Итак, мистер Неллит, у нас тут возникло затруднение - Он указал на большой эмалированный шкаф у стены.

Антарееанское гиперрадио - одно из первых устройств, запрошенных правительством, когда была развернута программа технического обмена. Оно использовалось для отслеживания космических кораблей Соединенных Штатов повсюду, куда они только не отправлялись на новой антарееанской тяге. В течение первых двух лет гипер-радио работало превосходно, а потом стало барахлить.

Джефф имел ранг Т5 и неплохо изучил схематику. Он и сам мог бы прекрасно во всем разобраться, только вот не было никакого разумного способа проникнуть в проклятую штуковину. Шкаф состоял из горизонтальных секций с узенькими промежутками между ними. Посередине каждой секции имелось небольшое входное отверстие чуть меньше дюйма в диаметре и семь-восемь дюймов в глубину. Чтобы достать оттуда деталь, пришлось бы работать с какими-то составными приспособлениями и перископом. А что, если случайно уронишь туда инструмент?

Все последовали за антарееанином к шкафу, а мгновение спустя за всеми отправился и Джефф.

Крылья Неллита зашевелились; из кончика каждого крыла показалось что-то похожее на бугристое веревочное кольцо, затем кольцо развернулось и оказалось щупальцем длиной около семи дюймов, с пучком вялых волокон на конце. Пользуясь ими как пальцами, антареанин включил питание и немного повозился с усилением и настроечными шкалами. Затем он собрал волокна в пучок и сунул во входное отверстие. Щупальце стало втягиваться туда - все глубже и глубже. Оно подергивалось, как если бы пришелец что-то ощупывал внутри.

- Фы пегеггужали фыфтем, - продудел Неллит. Все дружно посмотрели на Джеффа. Специалист по связи густо покраснел.

- Ну, надо же было попытаться что-то сделать, ведь так? Какого черта! В эти проклятые штуковины даже не забраться!

Директор торопливо заметил

- Сейчас антареане разрабатывают другое оборудование, применимое к нашим условиям. А пока что у нас будет договор на обслуживание - если машина ломается, они присылают... гм... человека, чтобы ее наладить. - Он откашлялся. - Так что, вы говорите, мистер Неллит, можно здесь сделать?

Инопланетянин вытащил из шкафа детальку - миниатюрный антареанский гиперрезонатор, зажатый в усиках на конце щупальца.

- Это файмет некоего фгемя, - ответил он.

- Угадай, что Неллит отмочил сегодня? - кисло произнес Джефф. Он стянул галстук и рывком поднял воротник.

- Что же? - спросила Мардж, как всегда чистая и прелестная - светлые волосы приглажены, чуть-чуть косметики, но в голубых глазах заметно уныние. Стройная и хрупкая на вид, она была дюйма на два выше Джеффа. Возможно, они и не идеальная пара - в физическом плане или каком-то еще, но Джефф ею гордился. Мардж была из тех куколок, что заставляют других парней кусать локти, видя, как она идет с мужем под ручку. Джефф женился почти сразу после института; он стал ее первым мужчиной, чем также очень гордился.

- Один из ребят записал номера кое-каких деталей, - сказал он. -

А потом, как последний дурак, потерял бумажку. Неллит взял отрывной блокнот, прощупал следующий листок и прочел все номера. Тогда его попросили не глядя прочесть дату на монетке - он и это проделал. Потом Энди Волчак взял его с собой на ленч в "Серебряный гриль" и выиграл двадцать баксов, держа за него пари. Вся наша компания собиралась вернуться туда после работы и как следует погреть руки на этом деле, но Неллит отказался. Сказал: "Не фнал, фто это нефефтно". Можешь ты себе такое вообразить?

К началу второй недели работы антареанина департамент выделил ему комнату в одной из квартир как раз через двор от Джеффа. В тот же вечер они устроили в честь Неллита вечеринку, пригласив весь персонал Проекта.

Мардж почти целый вечер проговорила с Неллитом. - Джефф кидал на нее кислые взоры. Оживленные и заинтересованные, они склонялись друг к другу. Стоя бок о бок, они даже и выглядели немного похоже - оба высокие и хрупкие, а светлые волосы Мардж не так уж и отличались по цвету от перьев Неллита.

- О каком таком черте вы весь вечер болтали? - спросил Джефф, когда они вернулись домой.

- Знаешь, а он занятный, очень духовен, - ответила Мардж. - Он побывал всюду в Галактике, изучая религии. И говорит, что наша Веданта очень интересна.

- Ох ты, в Бога душу мать!..

Джефф стал звать антареанина Нелли - поначалу за глаза, чтобы повеселить ребят, а затем и в открытую. В конце концов он стал говорить "Эй, Нелли... ах, простите, я хотел сказать мистер Неллит". Однако

инопланетянин был неизменно вежлив, и Джефф не мог понять, раздражает птичку подобное обращение или нет.

Однажды, когда они остались в комнате наедине, Джефф подвалил поближе к Неллиту и отдал его хрупкую на вид ногу, но тут очень не вовремя вошел директор, и Джеффу пришлось сказать, что произошла досадная случайность и что больше ничего подобного не повторится.

На другой день Джефф стал подмазываться к Неллиту - вознося до небес его стройное тело, его походку, похлопывая его по пушистой макушке. Раз он даже обнял Неллита за талию, показывая, насколько она узка. Кое-кто из ребят заржал.

И от вечера к вечеру, когда Джефф возвращался домой после покера или игры в кегли с друзьями, повторялась одна и та же картина. Мардж сидела в садике на крыше под холодным чернильным небом бок о бок с Неллитом.

- Да о чем вы, черт побери, болтаете без конца?!

- Я же тебе говорила - о религии, о мистицизме, о разных других духовных вопросах.

- А-а, ч-черт!

Потом он кое-что выяснил: когда Неллит работал со схемами, глубоко погружая щупальце во внутренности шкафа, то становился похож на рассеянного профессора - с ним можно было делать все, что угодно, и он ничего не замечал.

Как-то в обеденный перерыв Джефф отправился в торговую зону и выбрал там запахивающуюся пляжную юбку из белого хлопка с крупными желтыми и голубыми цветочками. Он подыскал ее в отделе детской одежды.

Затем он пронес ее под курткой на работу и припрятал. Примерно через час, когда все были заняты своими делами, а Неллит с головой погрузился во внутренности машины, Джефф на цыпочках подошел к нему. Обернув юбку вокруг тощих бедер Неллита, он застегнул ее. Неллит ровным счетом ничего не заметил.

Джефф вернулся к своему столу, и когда одному из ребят случилось поднять взгляд и увидеть Неллита в юбке, раздался взрыв хохота.

Директор метал икру; он знал, что это дело рук Джеффа, но доказательства отсутствовали.

- Это нифего, - чирикнул Неллит, глядя на Джеффа.

Все это произошло в начале последней недели работы Неллита - в понедельник. А во вторник, вернувшись домой, Джефф обнаружил, что Мардж ушла - просто ушла, без всякой записки, все ее вещи исчезли, а квартира была тщательно убрана.

В среду он получил письмо от юриста. Мардж просила о разводе.

В пятницу после обеда один из ребят сообщил новость, в которую Джефф никак не мог поверить. После работы он подкараулил того парня на автостоянке и от души его отоварил, но все равно не смог выбросить сплетню из головы. В тот же день вечером Неллит давал отвальную. Джефф не пошел, остался сидеть дома, накачиваясь пивом и предаваясь печальным размышлениям.

Когда подошло восемь часов, он надел чистую рубашку, поймал такси и отправился в космопорт.

Он обнаружил их в зале ожидания - Неллита, выглядевшего как обычно, золотистого и в перьях, - и Мардж, юную и прелестную в новом голубом наряде, с орхидеей на отвороте жакета.

Двое полицейских космопорта загородили Джеффу дорогу, когда он попытался приблизиться, а еще один парень в штатском быстро подошел и предъявил удостоверение в кожаных корочках.

- Давайте не будем затевать скандал, мистер Горман.

- Черт побери, но это моя жена!

Парень в штатском выглядел несколько смущенным, но полным решимости.

- Насколько мне известно, она собирается выйти замуж за мистера Неллита, как только оформит с вами развод.

- О чем ты толкуешь - выйти замуж? Как она может выйти замуж за эту птичку?

Вокруг них толпились репортеры, полицейские и несколько ребят в штатском. Один из них заметил:

- Согласно договору, у Неллита есть все соответствующие гражданские права. Антареанские законы разрешают межрасовые браки. Собственно говоря, это не такая уж редкость.

Джефф разжал кулаки и сказал:

- Дайте мне только поговорить с ней. Ладно? Всего две минуты.

Стражам порядка это не особенно понравилось, но все же они подпустили Джеффа поближе, плотнее сомкнувшись вокруг. Он проигнорировал инопланетянина и посмотрел на Мардж. Она в ответ взглянула на него так, будто видела своего мужа впервые в жизни.

- Скажи, почему? - проговорил сквозь зубы Джефф - Если бы кто-то из ребят, я бы еще мог понять. Но как тебе пришло в голову сбежать с этой проклятой птичкой?

Тут снаружи с воем ракет опустился антареанский посыльный корабль, и носильщики начали подбирать багаж Мардж. Она окинула снисходительным взглядом низкий лоб Джеффа, его плотный волосатый торс, узловатые руки и пальцы.

- Тебе не понять, - сказала Мардж. Затем они ушли, а Джефф так и остался стоять с разинутым ртом.

ДЭЙМОН НАЙТ ПАЛКА ДЛЯ ИДИОТА

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

Корабль выплыл из голубого неба и приземлился на лугу в Нью-Джерси. Затем мягко осел в грунт. Примерно в милю длиной, с синезеленым отливом, он напоминал панцирь жука.

Дверца открылась, и появился тощий человечек с сухим, как палка, телом. Первым делом человечек принялся к прохладному воздуху. В небе у него над головой толпились пушистые кучевые облака и скрещивались инверсионные следы. Утреннее солнышко живописно золотило громады Большого Нью-Йорка за рекой.

Затем в небе появился серовато-коричневый армейский вертолет и завис над кораблем на безопасном расстоянии. Тощий заметил его, без особого интереса осмотрел и отвернулся.

Омытая солнечным светом река казалась гладкой и серебристой. Прошло довольно много времени, прежде чем где-то вдали, за болотами, раздался трубный глас мегафонов. Затем послышался лязг, рев - и на горизонте показались два армейских танка; вслед за ними катила еще парочка. Танки развернули строй и, грозно поворачивая девятистомиллиметровыми орудиями, навели их на корабль.

Пришелец невозмутимо наблюдал. Вскоре появились новые вертолеты - покружили и зависли в небе. Вверху по течению реки запыхтел серый эсминец.

Подкатали новые танки. Теперь они полностью замкнули кольцо вокруг корабля, оглушительно грохоча и источая запах дизельного топлива. Наконец прибыл штабной автомобиль, из которого, кряхтя, выбрались три потных генерала.

Пришелец неспешно оглядел их со своей невысокой платформочки.

Затем отчетливо зазвучал его голос

- Доброе утро, - поздоровался он. - Этот корабль принадлежит Галактической федерации. Мы пришли с миром. Пожалуйста, уберите ваши орудия - они все равно не выстрелят. А теперь слушайте Федерация желает учредить на вашем континенте культурно-образовательную организацию; мы щедро заплатим вам за землю и содействие. Вот, держите. - Пришелец взмахнул рукой, и целая россыпь каких-то блестящих шутоквин полетела в сторону высоких военных чинов.

Один из генералов побелел и лихорадочно схватился за пистолет, но шутоквины, не причинив высокопоставленным чинам никакого вреда, упали в машину и рассыпались вокруг нее. Главный генерал подобрал хрупкую на вид и сильно смахивающую на мыльный пузырь фитюльку. Внезапно она затрепетала в ладони генерала. С остекленевшим взглядом тот сел.

Двое других принялись трясти его:

- Фрэнк! Фрэнк!

Взгляд генерала медленно прояснился; он посмотрел на одного своего подчиненного, затем на другого.

- Вы еще здесь? - слабым голосом произнес он, а затем выдохнул. - Боже мой!

- Что это было, Фрэнк? Оно тебя одурманило?

Главный генерал опустил взгляд на сверкающую шутоквину у себя в ладони. Никаких особых ощущений - обычный пузырь из пластика. И никакой вибрации. Фитюлька лишилась энергии.

- Там было... счастье, - пролепетал генерал.

В буйной траве вокруг автомобиля сверкали и переливались другие, шутоквины.

- Берите, - ободряюще крикнул пришелец, - берите сколько хотите. Скажите вашим начальникам, скажите друзьям. Приходите вместе и порознь! Мы приносим счастье!

За полдня новость разнеслась повсюду. Работа в нью-йоркских конторах остановилась; сплошной людской поток паромом и туннелем переправлялся через реку. Из Трентона прилетел губернатор и провел с пришельцами получасовые переговоры, после чего вылез из звездолета с ошалелыми глазами и заплечной сумкой, полной блестящих капсул.

Народ, по колено в грязи, топтался и ползал вокруг корабля. Каждый час показывался тощий пришелец и швырял очередную пригоршню капсул. Тут же раздавались дикие вопли и визг; толпа ненадолго сгущалась в месте падения капсул - будто металлические опилки, притянутые магнитом, - и снова понемногу растекалась.

Тысячи блеклых использованных капсул валялись в траве. Повсюду мелькали обалделые, восторженные физиономии тех, кто уже попробовал капсулу.

Часть капсул разнесли по домам - детям и женам. Весть продолжала распространяться. Действие инопланетных фитюлек толком описать не мог никто. Все длилось несколько секунд, которые казались бесконечностью. После капсулы человек чувствовал пресыщение и приятную одурь. Трудно было определить это необыкновенное ощущение, однако все сошлось на том, что в нем - само счастье, и всем хотелось испытать его еще и еще.

Акты об экспроприации земель с невероятной скоростью прошли через законодательные органы штата и государства. Повсюду затевались ожесточенные дебаты, но ни один из тех, кто уже вкусил от капсул, нисколько не сомневался, что заключает безумно выгодную сделку. Оправдания при этом строились по форме "что же нам еще остается?".

Как выяснилось, пришельцам требовалось пятьсот акров ровной земли для возведения разных зданий и прочих структур. Пояснения, которые они изредка давали прессе и общественности, казались туманными и довольно-таки бесцеремонными. На вопрос, почему пришельцы выбрали место, так близко расположенное к густонаселенным центрам, а не какую-нибудь пустошь, каких повсюду навалом, их представитель (тот самый тощий как

палка человек, первым появившийся из корабля, - или его брат-близнец) ответил:

- А кто бы тогда стал строить нам здания?

Да, похоже, Нью-Йорк для пришельцев был источником рабочей силы.

Зарплату пообещали царскую, три капсулы в день на человека.

Едва пришельцы объявили, что начинают прием на работу, как половина населения Большого Нью-Йорка в спешном порядке стала перебираться на равнины Нью-Джерси. А три четверти жителей Хобокена, Джерси-Сити, Хакенсака и Патерсона уже находились там.

В постепенно сформировавшихся из общей сутолоки очередях мэр Нью-Йорка стоял бок о бок с почтенным сенатором и парочкой заезжих кинозвезд.

Каждому дождавшемуся своей очереди вручался легкий - металлический или пластиковый - стержень в 60 дюймов длиной, с изогнутой рукояткой на одном конце и плоским расширением на другом. Счастливых обладателей ценного приспособления собрали затем на размеченной площадке. Местность представляла собой болото с примыкавшим к нему небольшим участком парковой системы Нью-Джерси, а также мелиорированные земли. Все оказавшиеся на площадке строения - несколько домов, фабрики и склады - были пришельцами эвакуированы. Снабженных стержнями рабочих выстроили в шеренгу на одной из сторон площадки.

- По команде "начали", - раздался отчетливый голос пришельца, - все начинают двигаться в темпе медленной ходьбы, вода вверенными вам палками из стороны в сторону.

Голос умолк. Похоже, других указаний пока не ожидалось.

Где-то в середине шеренги молодой парень по имени Тед Кули переглянулся со своим соседом Эли Бейкером. Они работали на одном фармацевтическом предприятии и вместе решили попытать счастья. Атлетичному блондину Кули исполнилось двадцать пять; Бейкер, хрупкий брюнет, был его ровесником. Взгляды их встретились, и Бейкер пожал плечами, словно, говоря: "Сам пока не понимаю".

День был прохладный и ясный. Мужчины и женщины выстроились длинной шеренгой и ждали, шурясь от яркого солнца.

- Начали! - раздалась команда.

Люди двинулись. Кули шагнул вперед и нерешительно помахал палкой. В самой палке никакого движения не чувствовалось, но на земле он заметил расширяющуюся темную полосу. Кули замешкался, решив, что палка, должно быть, разбрызгивала масло или еще какую-то жидкость.

По всей длине шеренги люди тоже останавливались. Кули пригляделся повнимательнее и заметил, что дело тут не в масле или воде. Просто земля идеально разгладилась - освободилась сразу и от грязи, и от сорняков, и от камней, превратившись в гладкую темную поверхность.

- Идем дальше, - послышался голос пришельца.

Несколько человек бросили палки и направились прочь. Другие опасливо двинулись вперед. Когда они ступили на темную полосу, Кули увидел, что ничего особенного не стряслось, и тоже двинулся дальше. Темная земля оказалась твердой и устойчивой. Когда Кули, помахивая палкой из стороны в сторону, стал продвигаться, темная полоса расширилась; тогда он присмотрелся повнимательнее и сумел разглядеть, как темнеет и оседает неровная земля, когда над ней проходит палка.

- Работаем согласованно, - донесся голос пришельца. - За собой ничего не оставляем.

Шеренга двигалась вперед, поначалу несколько неровно, затем все быстрее и дружнее, когда народ наконец сообразил что к чему. По мере продвижения палконосцев твердая темная полоса, простиравшаяся на всю длину площадки, расширялась. Казалось, под рабочим концом палки решительно все вдруг сжималось и разглаживалось. Если приглядеться, можно было различить следы прежней земли - как узор на линолеуме: камни, палки, траву и сорняки.

- Как же она, черт возьми, действует?! - с благоговейным страхом

воскликнул Бейкер.

- Почему я знаю! - отозвался Кули. Трубка в его руках казалась легкой и пустой, напоминала алюминиевый стержень пылесоса. Кули и представить себе не мог, что внутри у нее есть какой-то механизм. Никаких ручек управления; он ничего не включал, чтобы привести ее в действие.

В нескольких футах перед ним показалась заросшая сорняком каменная стена.

- Интересно, что будет, когда мы до нее доберемся? - указывая на стену, поинтересовался Бейкер.

- Почему я знаю! - Кули уже ничего не понимал и механически шел вперед, помахивая палкой.

Стена все приближалась. Когда они оказались от нее в нескольких шагах, откуда-то из-под каменной кладки вдруг выскочил кролик. Он лихорадочно заметался, затем, перепуганный надвигающейся шеренгой, бросился в промежуток между Бейкером и Кули.

- Осторожно! - невольно вырвалось у Кули. Но палка Бейкера уже качнулась над кроликом.

Ничего не произошло. Кролик побежал дальше. Кули и еще несколько рабочих обернулись, чтобы проследить за ним: кролик вприпрыжку одолел ровную полосу и исчез в высокой траве за площадкой.

Бейкер и Кули переглянулись.

- Она селективна, - пересохшими губами вымолвил Кули. - Слушай, а что, если... - Он взял палку за середину и стал подводить к себе расширенный конец.

- Лучше не надо, - встревожился Бейкер.

- Посмотрим... - Кули медленно поднес палку поближе и так же медленно сунул под нее носок ботинка.

Опять ничего. Он придвинул палку еще ближе. Затем, осмелев, провел палкой по голени. Затем по другой ноге. Ничего.

- Селективна, - повторил он. - Но как?..

Сорняки представляли собой сухую растительную ткань. Палка без колебаний спрессовала их, разровняла вместе со всем остальным. Брюки тоже были сухой растительной тканью - хлопком, по крайней мере, частично. А носки? Шнурики? Как же палка все это различала?

Они двинулись дальше. Когда подошли к каменной стене, Кули махнул на нее палкой. Кусок стены рухнул, будто его откусил какой-то великан. Кули махнул еще. Обрушилась и оставшаяся часть стены.

Кто-то истерически захохотал. Шеренга наступала. Теперь от стены осталась лишь светлая полоска на темном гладком полу, по которому они продвигались.

Солнце все поднималось. Позади шеренги мужчин и женщин простиралась ровная блестящая поверхность.

- Слушай, - озабоченно спросил Кули у Бейкера, - а тебе и правда так хочется тех шуток со счастьем? Бейкер посмотрел на него с любопытством:

- Не знаю... А что?

Кули провел языком по пересохшим губам.

- Я вот что думаю. Ну, получим мы эти пузырьки - и тут же их употребим...

- Или загоним по хорошей цене, - вставил Бейкер.

- Или загоним. Один черт - их больше не будет. А что, если нам смотреть вот с этим? - Он потряс палкой. - Если удастся выяснить, как она работает...

- Ты серьезно? - перебил Бейкер. Смуглое лицо его покраснело, на лбу выступили капельки пота. Он махнул палкой. - Знаешь, что это такое? Лопата. Палка с идиотом.

- Что-что? - переспросил Кули.

- Лопата, - терпеливо объяснил Бейкер, - это палка с дерьмом на одном конце и с идиотом на другом. Старая шутка. Ты что, никогда не

занимался ручным трудом?

- Нет, - покачал головой Кули.

- Ну вот, теперь займешься. Послушай, эта штуковина, которая нам кажется волшебной палочкой, для них всего лишь лопата. Идиотская палка. А мы для них - идиоты.

- Мне это не нравится, - заявил Кули.

- А кому такое может понравиться? - отозвался Бейкер. - Ничего не поделаешь. Работай, получай зарплату - и баста. И не тешь себя надеждой, что когда-нибудь удастся их обскакать. Нам это не дано.

Кули хорошенько поразмыслил и в итоге оказался в числе пятидесяти с лишним человек, прихвативших в тот день инструменты галактиков. Инопланетяне сожаления не проявили. Когда солнце зашло, они отозвали первую команду и послали другую работать под плавающими в воздухе огнями. Работа кипела круглые сутки. Инструменты постоянно расхищались; галактики невозмутимо выдавали новые.

Площадка стала ровной и гладкой, твердой как стекло - такой скользкой, что на ней с трудом можно было удержаться на ногах. Вскоре пришельцы установили в центре площадки высокий шест на треноге. Часть плавающих огней погасла. В сумерках на остекленевшей поверхности проявилась сеть светящихся линий. Очертаниями она напоминала фундамент огромного здания. Из-за мелких неровностей бледные линии местами шли криво, что галактиков, похоже, ничуть не беспокоило. Собрав часть рабочих, они прикрепили им на концы палок какие-то приспособления.

Снаряженную таким образом команду отправили на строительную площадку и распределили - по одному рабочему на каждые двести ярдов. Поступили указания пятиться по светящимся линиям, волоча палки за собой.

Поначалу возникла неразбериха. Инструменты работали теперь только при контакте и, вместо того чтобы выравнивать поверхность, заставляли ее подниматься, точно тесто на дрожжах. В результате получался гребень в фут вышиной, серый, пористый и твердый на ощупь, вроде пенобетона.

Затем пришельцы сколотили еще одну команду, вооружив ее новыми приспособлениями. Если кто-то спотыкался или оступался, поднимая стеклянную поверхность земли не там, где нужно, рабочие из этой группы стирали лишний выступ, как стирают влажной губкой мел с классной доски, - вздувшийся материал снова сжимался и сливался с темной поверхностью.

Тем временем оставшаяся часть команды, закончив первый ряд выступов, снова проходила поверху, расширяя и наращивая намеченный фундамент.

Здание росло как на дрожжах. Оно было неправильной формы, отдаленно напоминая наконечник стрелы; внешняя оболочка состояла из множества небольших ячеек. Изнутри здание имело почти милю в поперечнике.

Когда стены поднялись на десять футов, пришельцы соединили все ячейки проходами. Затем в каждую камеру бросили по палке, по виду ничем не отличавшейся от остальных. Там, где упали палки, немедленно начала изливаться светлая жидкость. Жидкость эта полностью покрыла палки и продолжала подниматься, пока не достигла верхушек стен, а затем остановилась. Несколько минут спустя она остыла, а через полчаса и вовсе замерзла и затвердела.

Управляющие контакты снова заменили, и команда принялась ходить по замерзшей поверхности, образуя еще один слой темного стекловидного вещества. Затем во внешней оболочке прорезали дверные проемы, и жидкость вытекла оттуда в сторону реки. Палки, брошенные в камеры, были извлечены. От каждой на полу осталась небольшая неровность, которую затем разгладили.

Точно так же был возведен второй этаж. Пятясь по высоким стенам, многие рабочие падали. Другие увольнялись. Пришельцы набрали еще людей, и строительство продолжалось.

Вряд ли кто-то, кроме нескольких высоких правительственных чинов, удостоился чести ознакомиться с внутренностями корабля пришельцев; сами же галактики сделались привычными фигурами в городах и поселках Восточного побережья. Они расхаживали по улицам парочками, то и дело останавливаясь, чтобы нацелить куда-нибудь махонькие приборчики, которые вполне могли оказаться фотоаппаратами.

Некоторые из залетных запросто общались с населением, задавали множество серьезных вопросов о местных законах и обычаях. Другие крупными партиями закупали картофель, игральные карты, кадиллаки, бижутерию, ковры, конфетти, нейлоновые колготки и прочие интересные товары, расплачиваясь, как правило, капсулами счастья. Они с любопытством пробовали местные кушанья и отважно выпивали, совершенно не пьянея. В продаже начали появляться обтягивающие одеяния, скроенные на манер бутылочно-зеленой униформы галактиков. Появились игрушки галактические куклы и галактические звездолеты.

Власти повсюду пребывали в благодушной прострации. Какие бы проблемы у пришельцев ни возникали - или даже только еще намечались, - галактики легко расчищали себе дорогу очередной порцией капсул счастья. Цены теперь измеряли не только в долларах и центах, но и в капсулах счастья - "кс". Бизнес процветал.

А в лабораториях Бюро стандартов в Вашингтоне тем временем разрабатывалась программа по рассекречиванию универсального инструмента галактиков. Образцы инструмента измеряли, облучали, резали. Неизвестный материал был, судя по всему, изготовлен из цельного однородного вещества. Он оказался легким, химически инертным и невероятно прочным. Полые внутренности имели неправильную форму, которая никакому очевидному принципу не соответствовала.

Составных частей обнаружили всего две - собственно инструмент и управляющий контакт, который вставлялся в прорезь в рукоятке. Со вставленным контактом инструмент действовал - работал вопреки тому, что все контрольные приборы невозмутимо свидетельствовали о полном отсутствии энергии в полостях палки. Когда контакт вынимали, не происходило вообще ничего.

Контакты для различных операций различались только цветом; во всем же остальном - и по форме и по размеру - они казались идентичными.

Первый - и последний - прорыв был достигнут, когда контакты подвергли рентгеноструктурному анализу. Обнаружилось, что вещество контактов имеет кристаллическую структуру, выражавшуюся в характерных стрессовых рисунках. При этом каждый из контактов проявлял себя на испытательном стенде особо.

Однако с помощью определенной последовательности пробных нагреваний, сжатий и деформаций доктору Кроуфорду Риду удалось-таки перевести стрессовую структуру, соответствовавшую контакту типа "А", в форму, примерно соответствующую контакту типа "С".

Когда контакт вставили в инструмент, лаборатория мигом взлетела на воздух. Взрыв разметал вдобавок все здания в радиусе трех городских кварталов.

Взрыв этот был зарегистрирован и приборами гигантского звездолета. Взглянув на их показания, заскучавший было вахтенный офицер снисходительно улыбнулся.

Один из пришельцев, назвавшийся Пендратом го-Пендратом, частенько показывался на людях в прелестном городишке Ривердейле, штат Нью-Джерси. Он совал нос всюду: и на церковные благотворительные базары, и на бейсбольные матчи Малой лиги, и к минеральным источникам, и в летние лагеря, и в залы торговых собраний. Поначалу его появление собирало толпы, а затем местные жители и даже туристы к нему привыкли.

Спустя трое суток после постройки общей оболочки здания Эл Дженкинс, молодой репортер "Стар-Леджер", обнаружил пришельца в

укромном уголке бара в сентиментально-пьяном состоянии над бокалом коктейля.

Когда Дженкинс прошмыгнул в его кабинку, Пендрат поднял на репортера грустный взгляд.

- Ах, мой друг, - заплетающимся языком выговорил пришелец, - как мне жаль вашу бедную планетку!

- Вам что, не нравится наша Земля? - поинтересовался Дженкинс.

- Нет-нет, планетка прелестная. Невероятно живописная. Простите.

- Пендрат хлебнул из бокала. Затем быстро-быстро поморгал и слегка распрямился. - Но вы должны понять - это ради галактического прогресса, - сказал он. - Ничего не попишешь. Все мы когда-нибудь сгинем.

Дженкинс окинул пришельца критическим взглядом.

- Вы ведь совсем немного выпили, не так ли? - поинтересовался репортер. - И мне казалось, на вас, галактиков, алкоголь не действует.

- Нет, это все апс... асс... аспирин, - пояснил пришелец. Он достал из кармана пузырек и торжественно вытряхнул себе на ладонь таблетку. - От вашего алкоголя у меня страшно разболелась голова, и тогда я принял апс... аспирин... Этот ваш аспирин просто чудо! - Тут у него опять сделался похоронный вид. - Подумать только, р-раз - и никакого больше аспирина. Никаких церковных благотворительных базаров. И никакого бейсбола...

- Интересно, а что с нами такое случится?

Пендрат развел руками и издал выразительный шипящий звук

- Трах-тарах, - пояснил он.

- Вы думаете взорвать планету? - недоверчиво спросил Дженкинс.

Пришелец грустно кивнул.

- Скоро наше здание будет закончено. Тогда мы установим большие машины и - шурр, бурр... - Пендрат поворачивал левой рукой вниз. - Мы пробурируем шахту до самого ядра планеты. Потом опустим туда преобразователь и закроем ствол. Потом отлетим подальше. А потом ваша бедная планетка ка-ак... - он снова изобразил "пшик", - рванет!

Дженкинс сжал кулаки.

- Но зачем? Зачем вам это понадобилось?!

- Для пыли, - объяснил Пендрат. - Вся ваша планетка превратится в пыль. Больших кусков совсем не останется. Останутся только вот такие ма-асенькие. - Пришелец сощурился и показал двумя пальцами, какие крошечные останутся кусочки. - Мы формируем линию обороны Галактики. Этот сектор слишком открыт. Мы тут сделаем небольшой экранчик из пыли. Когда пыль, корабль быстро не полетит. Пыль его оч-чень замедляет. Кое-где уже есть пыль. И мы сделаем еще. Только так мы можем защититься от вторжения.

- От чьего вторжения?

Пендрат пожал плечами:

- А кто его знает. Надо смотреть в будущее.

У Дженкинса затряслись руки. Он вынул из кармана потрепанный блокнот, машинально раскрыл, заглянул туда и положил обратно. Руки его теперь то и дело сжимались в кулаки. Репортер хрипло процедил:

- Ах ты паршивый... - и размахнулся, чтобы от всей души заехать Пендрату по носатой физиономии.

Плюха так и не состоялась. Кулак Дженкинса вдруг наткнулся на невидимое препятствие и повис в воздухе; как репортер ни старался, он не мог протолкнуть его дальше.

- Нет-нет. - Грустно улыбаясь, Пендрат покачал головой. - Бесполезно. Очень, очень сожалею.

Сердце Дженкинса глухо колотилось.

- Почему именно мы?! - гневно воскликнул он. - Если вам так уж необходима пыль, почему не выбрать какую-нибудь другую планету? Юпитер, Венера - да какую угодно! Почему надо было выбрать ту, на которой живем мы?

Пендрат заморгал.

- Но на других ваших планетах совсем нет жизни, - возразил он. - А кто тогда сделал бы для нас всю работу? - Он кинул в рот еще таблетку. - А кроме того, - продолжил он, - имейте в виду, что пыль окутает ваше Солнце. Планеты станут совсем холодными. Понимаете, все уже обдумано. Далее, предположим, мы отправились бы к какому-нибудь другому солнцу и вообще здесь не появились. Тогда вы сами построили бы большие корабли - и нам все равно пришлось бы сюда лететь, чтобы разбираться с вами. А так все будет очень быстро - р-раз, и вы даже ничего не почувствуете.

С Дженкинса слетела шляпа. Он нагнулся и стал шарить под столом, разыскивая ее.

- Мы вас остановим, - бормотал он, появляясь из-под стола с багровой физиономией. - А вы, мистер, пожалеете, что вообще про это заикнулись. О ваших грязных замыслах узнают все до самого Белфаста.

- Вы собираетесь обо всем рассказать? - в тупом недоумении спросил пришелец.

- Непременно, будьте уверены!

Пендрат с глупым видом кивнул.

- Это уже не важно. Дело почти сделано. Мой бедный друг, вы не сможете нас остановить.

История получила огласку на следующий же день, как раз когда было закончено монтирование сложной системы балок и стоек во внутренней части здания. На борту корабля открыли люк, и под мудрым руководством пришельцев бригады тащили оттуда детали механизма, который предстояло разместить в здании.

Там оказалась тысяча и одна деталь всевозможных форм и размеров: гигантские тороидные секции, трубки, цилиндры, шары, изогнутые трубы и прочая утварь. Сделано все это было не из металла, а из того же легкого вещества, что и инструменты.

Некоторые инструменты служили теперь ухватами: подобно магнитам, они прилипали к деталям механизма - и больше ни к чему. Другие, приложенные к массивным частям оборудования, делали их необычайно скользкими и таким образом облегчали их перекатывание по площадке к зданию. Остальные палки использовались при сборке: достаточно было провести наконечником по стыку двух деталей, и те намертво сливались друг с другом.

Недавняя история с репортером никак не затронула дневную смену. Вторая и третья несколько подсократились из-за скандала; пришельцы тут же набрали недостающее число работников из толпы зевак.

На очередной пресс-конференции представитель пришельцев мистер Реваш го-Рен заявил:

- Рассказ мистера Дженкинса является злонамеренной выдумкой. Механизмы, о которых идет речь, должны обеспечить комфортабельное отопление, кондиционирование воздуха, стандартную галактическую гравитацию и другие удобства, необходимые сотрудникам в наших офисах. Мы привыкли располагать множеством подобных удобств. Именно поэтому мы не можем жить и работать в зданиях, подходящих для землян.

Херш из "Тайме" задал вопрос:

- А почему для вашего механизма понадобилась площадка в полмили, в то время как конторские помещения занимают лишь узкое кольцо во внешней части здания?

Реваш улыбнулся.

- А почему вам требуется целый подвал, чтобы обогревать здание? - в свою очередь спросил он. - Ваш первобытный предок сказал бы, что для этого достаточно костра и дырки в потолке.

Достойного ответа Херш найти не сумел. И все же вера в рассказ Дженкинса необратимо распространялась. К концу недели уже с десятков газет били в набат, призывая к крестовому походу. В конгрессе была образована комиссия по расследованию обстоятельств. Множество работников уволилось. Когда трудовые ресурсы заметно поубавились,

пришельцы удвоили плату. Желающих снова оказалось куда больше, чем рабочих мест. На джерсийской стороне туннелей шли митинги протеста. Там стояли пикеты, ораторы метали громы и молнии с трибун, призывали к саботажу. А работа все равно продолжалась.

- Тут все дело в психологии, - уверял Бейкер. - Ясно, они же декаденты, цивилизация в стадии упадка. Тут их слабое место, именно сюда мы и должны бить. Потрясающие машины - да, но они не знают, как ими пользоваться. Больше того, не хотят. Боятся испачкать свои белоснежные ручки. Тогда они являются сюда и вынуждают нас делать всю грязную работу, хотя это и означает добавочный риск.

- Не вижу тут никакого упадничества, - резонно возразил Кули. Уже перевалило за полночь, а они все сидели над ящиком пива в гостинной у Бейкера, без конца мусоля одно и то же. Кули уже раскраснелся и говорил на повышенных тонах.

- Возьми, к примеру, археологическую экспедицию. Ну, скажем, в какую-нибудь Месопотамию. Разве они тащат с собой кучу оглоедов с кирками и лопатами? Нич-чего подобного. Лопаты они, может, и берут, но на работу нанимают исключительно местных жителей. И нет тут никакого упадничества - просто здравый смысл.

- Прекрасно. Однако мы, если припрет, можем взять в руки лопаты и пойти работать. А они не могут. Им и в голову бы не пришло. Галактики слишком изнежены, Тед. Если их машины не будут работать безотказно, им просто не выжить.

- У меня другое мнение. Войны выигрывают с помощью оружия.

- Ну и что тогда? Забрасывать их атомными бомбами, которые не взрываются? При такой их защите любое наше оружие бессильно - это все равно что стрелять из топора.

Кули поставил кружку и не глядя потянулся за лежавшим на полу инструментом. Того на месте не оказалось - наверное, откатился. Кули выругался, потянулся дальше и наконец нащупал инструмент - ту самую "палку для идиота", которую он в первый же день стащил с галактической площадки.

- Клянусь вот на этой штуковине, - сказал он. - Мы оба знаем, что люди по всей планете сейчас денно и нощно пытаются разгрызть этот орешек. Могу поклясться, что в конце концов они его разгрызут. Эта палка и есть оружие, приятель, оружие галактиков. Если нам только удастся...

- Ну что ж, надейся на палку, - с горечью перебил его Бейкер. - Нет, тут дело гиблое. Да, мы можем менять стрессовые структуры управляющих контактов. Можем даже наштамповать нужное количество контактов с одинаковой структурой. Но ведь все приходится делать наудачу, Тед, просто методом тыка. Нам неизвестно, почему определенная структура заставляет инструмент производить определенное действие. А пока мы этого не узнаем, нам только и остается, что менять эту структуру как попало.

- И что же?

- А то, что существуют миллионы ложных структур на одну верную. Есть структуры, вызывающие взрывы, как было в Вашингтоне; есть такие, что сварят экспериментатора живьем, сделают из него сосульку или кусок свинца. Есть радиоактивные, есть химически агрессивные - и с каждым неверным шагом мы теряем как минимум одного человека.

- А как насчет дистанционного управления? - предложил Кули.

- Сначала придется выяснить, почему инструменты действуют, когда их кто-нибудь держит, и перестают действовать, стоит только выпустить их из рук.

Кули нахмурился и хлебнул пива.

- Так что учти, - заключил Бейкер, - у нас есть только один шанс одолеть галактиков. Одна структура - одна из миллиона. Нет, не технология поможет нам победить, а только сила духа!

Он оказался прав - и в то же время ошибался.

Эл Дженкинс сидел в отделе городских новостей "Стар-Леджер" и хмуро просматривал переданный по телеграфу материал с обвинениями в адрес пришельцев, подписанный губернаторами восьми штатов.

- Ну и что толку? - буркнул он и бросил материал обратно на стол редактору. - Вон, смотри.

В окне была видна сиявшая в отдалении верхушка здания пришельцев. По куполу крыши двигались крошечные фигурки. Галактики надули над зданием мембрану, и теперь рабочие ползали там с инструментами, наращивая твердый слой.

Купол был почти готов. А работы во внутренней части здания закончились двумя днями раньше.

- Пендрат знал, что говорил, - пробормотал Дженкинс. - Мы не смогли их остановить. За три недели просто невозможно объединить усилия.

Пепел сигареты упал ему на рубашку. Дженкинс рассеянно отряхнулся и вышел из комнаты. Редактор молча смотрел ему вслед.

Ранним июльским утром, через два месяца после приземления пришельцев, оборванная толпа с галактическими инструментами в руках появилась у звездолета. Такие толпы за последние несколько суток собирались уже не раз. Впав в отчаяние, местные жители утратили последние остатки былой цивилизованности.

Стоявший у открытого люка дежурный офицер презрительно наблюдал за их приближением. Никаких оборонительных мер не требовалось. Наверняка они снова попытаются отдубасить его инструментами, потерпят неудачу и отправятся восвояси.

Передний из наступающих, здоровенный мужик, грозно занес свой инструмент, будто вилы. Галактик наблюдал за ним, явно забавляясь. А мгновение спустя пришелец стал трупом - превратился в грязную кровавую кашу на полу переходного шлюза.

Толпа хлынула на корабль. Залитые зеленоватым светом коридоры были сумрачны и просторны, как в кафедральном соборе. Повсюду из дверей выглядывали скучающие физиономии галактиков. Насмешливые выражения на лицах быстро сменялись гримасами ужаса. Некоторые убегали. Другие прятались. Инструменты косили всех.

По длинным коридорам рассыпался гулкий топот бегущей толпы, звенели возгласы торжества и восторга, вопли ужаса. Через пятнадцать минут все было кончено.

Потные и запыхавшиеся, победители остановились и стали оглядываться по сторонам с нарастающим изумлением. Стены залов с высокими потолками покрывали переливающиеся золотисто-зеленые гобелены; столы были вырезаны из хрусталя. Откуда-то доносилась негромкая музыка - спокойная, умиротворяющая.

На столе дымился поднос с едой. Со стены была сдернута прозрачная карта. Под ней лохматилось мягкое красное вещество - прокладка из аморфной ткани.

Бейкер и Кули одновременно подняли глаза - и узнали друг друга.

- Сила духа, - с кривой ухмылкой заметил Бейкер.

- Технология, - возразил Кули. - Они недооценили нас, как и ты. -

Он поднял инструмент, стараясь не касаться торца. - Десять тысяч попыток, кажется, - и десять тысяч трупов. Ладно, будь по-твоему. Назовем это силой духа. - Он поднял голову и уставился куда-то вдаль, сияясь представить себе затаившиеся в отдаленных районах сотни исследовательских станций с их каждодневными жуткими человеческими жертвоприношениями. - Десять тысяч, - повторил он.

Бейкера еще пробирала дрожь.

- Повезло, мог быть и миллион... - Парень попытался рассмеяться.

- Теперь придется подыскать этой штуковине другое название. "Палка для

идиота" уже не подходит.

Кули опустил глаза.

- Все зависит от того, - угрюмо пробормотал он, - с какого конца идиот.

Idiot Stick, опубликован в журнале "Star Science Fiction", 1958

ДЭЙМОН НАЙТ ХУДОЖЕСТВО

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

Около часа дня в Южной Калифорнии произошел временной сдвиг. Однако мистер Гордон Фиш принял его за землетрясение. Недовольный и растерянный, он пробудился от своей дневной дремы, ожесточенно моргая и морща физиономию, розовую, будто отшлепанная задница младенца, со всклоченной песочной бородой и песочными же бровями. Затем он поднялся с дивана и прислушался. Не услышав ни воплей, ни грохота рушащихся зданий, Фиш облегченно вздохнул.

И тут он услышал стук.

Встревоженно озираясь, Фиш приблизился к двери. Очки он оставил на столе, возвращаться и искать их времени не было, - а вдруг это клиент или, упаси Боже, следователь из города? А в таком случае... Он открыл дверь.

За дверью стоял худощавый мужчина в фиолетовом. Невысокий - вряд ли хоть дюймом выше Гордона Фиша. Мужчина осведомился:

- Платт-Террас, триста двадцать два дробь два? - В глазах Фиша лицо его расплывалось мутным пятном овальной формы; похоже, мужчина носил мундир посыльного - но почему фиолетовый?

- Совершенно верно, триста двадцать два дробь два, именно так, - подтвердил Фиш, вглядываясь в розовую физиономию. За спиной посыльного маячили еще несколько типов странной наружности и груда ящиков. - А что вам, собственно...

- Порядок, чуки, заносите, - бросил мужчина через плечо. - Пришлось поискать вас, банг, - сказал он Фишу и быстро проскользнул в гостиную. За ним последовали и остальные мужчины в фиолетовых трико, пошатываясь под тяжестью ящиков: вначале они внесли большой, затем два поменьше, затем действительно здоровенный, а затем целую груду небольших ящичков.

- Эй-эй, подождите, тут какая-то ошибка, - пританцовывая и стараясь не попасться под ноги грузчикам, начал Фиш. - Я ничего не заказывал...

Первый мужчина в фиолетовом взглянул на бумажку у себя в руках.

- Платт-Террас, триста двадцать два [с половиной]! - спросил он. Голос его звучал невнятно и раздраженно, будто мужчина был слегка пьян или, подобно самому Фишу, только что проснулся.

Фиш не на шутку рассердился:

- Говорю вам: я ничего не заказывал! Какое мне дело... Что это вы тут? Вламываетесь к человеку в дом... Давайте-ка выметайтесь отсюда! - Разъяренный, он бросился к двум типам, пристраивавшим один из меньших ящичков на диване.

- Адрес ваш, - скучающим тоном заметил первый мужчина и сунул Фишу какие-то бумаги. - Если не нужно, отошлете обратно. Мы только доставляем. - Люди в фиолетовом направились к двери.

Последним вышел говоривший.

- Банг, да вы просто двин! - сказал он напоследок и закрыл дверь.

Вне себя от ярости, Фиш принялся шарить в поисках очков. Да, вот тут они и должны лежать, но проклятые грузчики все перевернули вверх дном. Тогда он, подергиваясь от гнева, направился к двери. Проклятье, ему бы только найти очки, а уж тогда он хорошенько запомнит эти рожи... Фиш открыл дверь. Кучка мужчин в фиолетовой униформе стояла во дворе; похоже, они были чем-то озадачены. Один из них обратил розовое пятнышко лица к Фишу.

- Эй, а где здесь... - Последнее слово Фиш не разобрал. Что-то вроде "долболоба".

Затем последовал еще один толчок - и Фиш прислонился к дверному косяку. Похоже было на сильное подземное колебание, но когда он поднял взгляд, пальмы на улице нисколько-раскачивались, а здания стояли твердо и непоколебимо. Странные типы в фиолетовом исчезли.

Изрыгая проклятия, Фиш вернулся в гостиную, громко захлопнув за собой дверь. Под ноги ему попался самый большой ящик Фиш пнул его, и от ящика отлетела рейка. Он пнул еще раз, злобно крикнув. Целая стенка с треском отошла - и обнажилась черная эмалированная панель. Фиш пнул и панель, но только ушиб пальцы.

- Гм, - произнес Фиш, разглядывая гладкую черную отделку неизвестного аппарата. - Однако...

Судя по всему, штукавина стоила немалых денег. Присматриваясь повнимательнее, он провел пальцем по металлу. Гладкий и прохладный. На вид - все, что угодно. Например, промышленное оборудование, стоившее для заинтересованной стороны не одну тысячу долларов. С растущим волнением Фиш подбежал к столу, обнаружил очки под россыпью журналов и припустил обратно, на ходу нацепляя очки на свои подлые маленькие глазки.

Он оторвал еще несколько реек. Ящик развалился - и перед Фишем оказался металлический аппарат странных очертаний с кнопками, переключателями и циферблатами на крышке. На белой табличке была выгравирована надпись TECKNING MASKIN, а за ней несколько цифр. Все смотрелось многозначительно и даже несколько зловеще. С бьющимся сердцем Фиш провел кончиками пальцев по выпуклым кнопкам и блестящим ручкам переключателей. Раздался негромкий щелчок. Он заметил, что случайно перевел один из переключателей из положения "Av" в положение "Pa". Циферблаты засветились, а на пустую гладкую площадку в середине стал выползать белый набор длинных и крючковатых, похожих на клешни, манипуляторов.

Фиш поспешно перевел переключатель обратно на "Av". Циферблаты погасли, манипуляторы, вдруг показавшись Фишу как бы разочарованными, поползли обратно в свои гнезда.

Да, это устройство работало, что было довольно странно, так как Фиш никуда его не включал. Коротышка с тревогой разглядывал машину, потирая пухлые ручки. Батарейки? В такой большой машине? А странные циферблаты, а необычное впечатление, которое вся машина в целом производила, и "Teckning Maskin" - даже не по-английски. Вот она лежит, все восемь или девять частей заполняют гостиную. Один ящик, отметил Фиш с недовольством, даже заслоняет ему телевизор. А что, если все это чья-нибудь [шутка]?

Не успел он об этом подумать, как тут же мгновенно оценил ситуацию. Ящики уже здесь, а через несколько дней непременно придет счет. - пожалуй, эти штукавины не уберут, пока он не оплатит перевозку. И все это время шутник будет смеяться до упаду. Негодяй, приказавший доставить машины на имя Фиша, будет смеяться, - какой-то давнишний враг. А может статься, тот, кого Фиш всегда считал другом.

Со слезами ярости на глазах он снова бросился к двери, распахнул ее настежь и стал, тяжело дыша, оглядывать дворик. Никого. Фиш захлопнул дверь и опять остановился, беспомощно взирая на ящики. Какая

гнуемая игра! Интересно, как он теперь будет смотреть "Облаву" и где, черт побери, ему теперь беседовать с клиентами - [на кухне]?

Фиш плюнул и изо всей силы пнул еще один ящик. Рейки отлетели, и оттуда что-то выпало - небольшой желтый буклетик. Внутри Фиш опять увидел черную эмалированную аппаратуру. В ярости он нагнулся, чтобы подобрать буклет, и попытался порвать его, но только порезал палец. Тогда Фиш швырнул буклет и завопил: "Ну погодите!" - приплясывая от одного ящика к другому, яростно пиная их. Рейки устилали пол. Из куч хлама вставали сверкающие машины - некоторые с циферблатами, а некоторые без. Запыхавшись, Фиш остановился и уставился на аппараты в каком-то новом недоумении.

Розыгрыш? Вряд ли. Такие большие промышленные машины - это не заказ из универмага. Но тогда что? Ошибка? Фиш присел на подлокотник кресла и нахмурился, ероша бороду. И так, во-первых, он ничего не подписывал. Даже если бы грузчики завтра вернулись, а он куда-нибудь дел, скажем, одну часть, он всегда мог бы заявить, что ящиков было всего [восемь], а не [девять]. Или если Фиш избавится вообще от всего - по частям, разумеется, то, когда грузчики вернутся, он просто сможет все отрицать. Не слышал он никогда ни о какой аппаратуре. У Фиша начали сдавать нервы. Он вскочил, огляделся и снова сел. Спешка, спешка - вот в чем вся беда. Надо покончить со спешкой. Но что же это в самом деле за оборудование?

Фиш нахмурился, поерзал, встал и сел. Наконец подошел к телефону, нашел нужный номер и позвонил. Приложив руку к груди, он звучно прочистил горло.

- Бен? Это Гордон Фиш, Бен... Спасибо, отлично. Вот что, Бен... - Он доверительно понизил голос - Мне тут подвернулся клиент, который хочет сбыть кое-какую продукцию "Текнинг Маскин" Восемь.. Что? "Текнинг Маскин". Какая-то аппаратура, Бен. Т-Е-К-Н-И-Н-Г... Нет? Ну, мне так передали. У меня так записано. Значит, ты никогда. М-да, странно... Видно, какая-то ошибка. Ладно, Бен, я еще раз проверю, а там посмотрим. Да, большое спасибо. Спасибо, Бен, будь здоров.

Фиш повесил трубку и досадливо закусил кончики бакенбардов. Если уж Бен Абраме никогда не слышал о такой фирме, значит, никакого спроса на ее продукцию нет, по крайней мере в окрестных штатах. Странно. Теперь штукавина уже начала вызывать у него серьезные подозрения. Странно... Фиш облазил все машины, так и сяк их разглядывая. Ему попала еще одна белая табличка с выгравированной надписью; там также значилось "Teckning Maskin", ниже стояло: "Bank 1", а затем две колонки цифр и слов: "3 Folk, 4 Djur, 5 Byggnader" и так далее в таком роде. Бредовые слова, даже не напоминают ни один знакомый язык! И еще эти придурки в фиолетовой униформе... Минутку, минутку! Фиш щелкнул пальцами, остановился и замер в позе мыслителя. Что сказал тот парень, когда уходил? Фиш вспомнил, что слова привели его в бешенство - что-то вроде "босс, да вы просто псих". Да, он тогда чуть не лопнул от злости, очень похоже на оскорбление, но что это значило на самом деле?

А еще землетрясение, что случилось как раз перед их приходом, пробудившее Фиша от крепкого сна и оставившее весьма странное чувство. А затем еще одно, после их ухода, - но только это не было землетрясение, ведь он отчетливо помнил, что пальмы даже не вздрогнули.

Фиш осторожно провел пальцами по сияющему закругленному краю ближайшей машины. Сердце глухо колотилось; он облизал запекшиеся губы. У Фиша появилось чувство - нет-нет, он действительно знал: за машинами никто не вернется.

Они принадлежали ему. Да, и где-то там в них таились деньги - он чуял запах. Но как их извлечь? Что могли делать эти машины?

Фиш аккуратно вскрыл все ящики. В одном вместо машины оказалась металлическая коробка, полная листов плотной бумаги. Прямоугольные листы - по размеру они, похоже, подходили к гладкой центральной площадке самой большой машины. Фиш примерил туда один лист, и тот точно

подошел.

Ну а почему бы и нет? Фиш нервно потер руки, а затем повернул переключатель. Циферблаты засветились, а крючковатые манипуляторы опять вылезли наружу, но больше ничего не произошло. Фиш снова наклонился поближе и осмотрел другие ручки управления. Там была стрелка и ряд пометок: "Av", "Bank 1", "Bank 2" - и так далее до "Bank 9". Он осторожно перевел стрелку на "Bank 1". Манипуляторы неторопливо двинулись и тут же остановились.

Что еще? На трех красных кнопках значилось: "Utplana", "Torka" и "Avsla". Он нажал одну из них, но ничего не произошло. Был еще ряд белых, как в арифмометре - все пронумерованные. Фиш наудачу нажал одну, затем другую и собирался было нажать третью, как вдруг в смнении отпрянул. Крючковатые манипуляторы двигались - стремительно и целенаправленно. И там, где они проходили, на бумаге появлялись тонкие темно-серые линии.

Разинув рот и выпучив глаза, Фиш снова наклонился поближе. Маленькие перышки на концах манипуляторов плавно ездили по бумаге, оставляя за собой стройные линии. Манипуляторы двигались, сжимались на своих цапфочках и пружинках, носились туда-сюда, слегка приподнимались, снова опускались и двигались дальше. Черт возьми, машина рисовала - прямо на глазах у Фиша рисовала картинку! Справа сверху под манипулятором вырисовывалось лицо, затем шея и плечи - сильный молодой мужчина, наподобие греческой статуи. А в то же время слева сверху другой манипулятор рисовал бычью голову с цветами между рогов. Вот появился торс мужчины, на нем была греческая тога, или как там это называлось, а в самом верху выгнулась бычья спина. Теперь рука мужчины и хвост быка, а теперь другая рука и задние ноги быка.

Вот и все. Рисунок изображал мужчину, швыряющего цветы в быка, который как бы подпрыгивал и оглядывался через плечо на мужчину. Манипуляторы остановились, а затем стали втягиваться и совсем исчезли. Циферблаты погасли, а переключатель сам вернулся обратно на "Pa".

Фиш взял листок и рассмотрел его, возбужденный, но и слегка разочарованный. В [искусстве] он, конечно, ничего не смыслил, но был уверен, что ничего толкового в рисунке нет - все одного цвета и примитивно, вроде как у детей. А бык - где это видано, чтоб бык так танцевал? И еще с цветами между рогов? Но все же если машина нарисовала - хоть такое, она, возможно, нарисует и что-нибудь получше; только вот Фиш пока не вполне понимал, что ему от этого [обломится]. Где можно продать рисунки - даже хорошие? Но ведь где-то можно? А может, продемонстрировать саму машину на какой-нибудь научно-технической выставке? Нет, Фиш торопливо отбросил эту мысль - слишком большая огласка, слишком много вопросов. Боже милостивый, а если Вера обнаружит, что он все еще жив, или вдруг скрэнтонская полиция:

Рисунки. Машина, которая производит рисунки. Фиш взглянул на все восемь грузных и внушительных ее частей, покрытых черной эмалью, разбросанных по гостиной. Все это порядком напоминало аппаратуру именно для производства рисунков. На этом Фиш и остановился - и был разочарован. Он ожидал, скажем, штамповку по металлу или что-нибудь в таком роде, что-то более реальное. Трах-бах - металлическая пасть опускается, трень-брень - блестящий кусок нужной формы падает в корзину. Вот такая аппаратура ему бы подошла; а это:

Фиш присел и задумался, неодобрительно комкая в руках лист бумаги. Всегда такие разочарования. В самом деле, его самым успешным бизнесом была женитьба. Фиш женился пять раз и всегда извлекал некоторую прибыль. Он огладил рубашку на жирном пузе. А в промежутках Фиш брался за все, что попадалось под руку: несколько лет занимался брачным консультированием, а также, если удавалось набрать достаточно клиентов, проводил душевспасительные беседы или практиковал натуропатию. Все зависело от обстоятельств. Но почему-то всякий раз получалось так, будто вот у него в руках настоящая золотая жила, а потом она ускользает

прямо из-под носа. Фиш даже побагровел от досады, вспомнив ту зиму, когда пришлось пойти работать в какой-то жалкий обувной магазин... Приобретение дома также несколько расхолодило Фиша, он становился ленив - проводил душеспасительные беседы лишь с одним-двумя клиентами в неделю. Надо бы заняться делом, найти новые контакты, пока не вышли все деньги.

Как всегда, мысли о бедности пробудили у Фиша волчий аппетит. Он помял жирное пузо. Время ленча Фиш торопливо надел куртку и, будто в последний момент сообразив, скатал рисунок и сунул его под мышку.

Фиш держал путь в шашлычную в трех кварталах от дома, где он за последнее время не раз подкреплялся, стараясь экономить средства. На раздаче стоял молодой парень, по имени Дэйв, тощий и бледный, с темным чубом, падавшим ему на лоб. Фиш как-то уже имел с ним дружескую беседу и знал, что парень посещает вечернюю художественную школу в Пасадене. Фиш попытался было заполучить его для душеспасительных бесед, но юнец откровенно признался, что "в это не верит", - признался так искренне и дружелюбно, что Фиш даже не затаил зла.

- Порцию мяса по-мексикански, Дэйв, - приветливо сказал Фиш, усевшись на высокий табурет и аккуратно разместив скатанный рисунок на коленях. Ноги его до пола не доставали, бумага оказалась надежно зажата между пузом и стойкой.

- Добрый день, док. С прибытием.

Расстегнув воротничок, Фиш склонился над миской. Тем временем другой посетитель расплатился и ушел.

- Послушай, Дэйв, - чавкая, невнятно пробурчал Фиш, - хочу узнать твоё мнение по поводу одной вещицы. Уфф. - Изловчившись, он раскатал лист на стойке. - Как думаешь, есть тут толк?

- Скажите, док, - спросил Дэйв, подходя поближе, - а где вы [такое] достали?

- Гм... А-а, это мой племянник, - с готовностью ответил Фиш. - Од, понимаешь ли, хочет, чтобы я посоветовал, стоит ли ему продолжать, потому что...

- Стоит ли продолжать? Ну и ну! А где он учился?

- А-а, сам, понимаешь ли, сам научился - там, дома. - Фиш в очередной раз набил рот. - Очень, знаешь ли, способный мальчик, но...

- Ну если он сам научился так рисовать, то он, должно быть, настоящий гений.

Фиш даже жевать перестал.

- Ты серьезно?

- Нулевое дело. Послушайте, док, а вы уверены, что он сам это нарисовал?

- Конечно, конечно. - Фиш отмел обвинение в непорядочности. - Абсолютно честный мальчик, уж я-то его знаю. Нет, раз он говорит, что сам нарисовал, значит, - он глотнул, - сам и нарисовал. Но теперь скажи честно: ты в самом деле считаешь, что это так здорово?..

- Что вы, я правду говорю. С первого взгляда мне вообще показалось, что это Пикассо. Классического периода. Теперь я, конечно, вижу - тут другое. Но черт меня побери, это здорово. Я хочу сказать, если вы хотите знать мое мнение, то...

Фиш усердно кивал, всем своим видом подчеркивая, что слова Дэйва лишь подтверждают его собственные выводы:

- Угу, угу. Что ж, я рад, сынок, что ты так считаешь. Понимаешь ли, раз уж я родственник этому мальчику, я подумал... Конечно, на меня это произвело впечатление. Сильное впечатление. Так же, как и ты, я подумал о Пикассо. Но вот что касается денежной стороны... - он скорбно покачал головой, - то для нас обоих не секрет...

Дэйв почесал в затылке.

- Ну, тут все в порядке. Он наверняка смог бы получить заказы. Я хочу сказать, если бы у меня получались такие линии... - Он провел в воздухе контур поднятой руки мужчины.

- Да, так что там насчет заказов? - возбужденно ерзая, спросил Фиш.

- А, ну, знаете ли, на портреты, или на промышленный дизайн, или что он там себе выберет. - Дэйв покачал головой от восхищения, не сводя глаз с рисунка. - Если бы еще и в цвете...

- А что, Дэйв?

- Видите ли, я тут подумал... В Сан-Габриэле как раз объявлен конкурс на стенную роспись для городского центра. Приз - десять тысяч долларов. Вообще-то я не знаю, может и не получится, но почему бы вам не предложить ему сделать все в цвете и не послать туда?

- В цвете, - без энтузиазма повторил Фиш. Он не сомневался, что машина ничего не станет раскрашивать. Можно, конечно, раздобыть коробку акварелельных красок, но... - Понимаешь, Дэйв, тут вот какое дело, - начал он, поспешно соображая, - мальчик-то, видишь ли, заболел. Повредил руку... Ну, не так уж серьезно, - добавил он в утешение, поскольку рот Дэйва сочувственно округлился, - но еще какое-то время он ничего не сможет рисовать. Жаль, а ведь он мог бы, понимаешь, использовать эти деньги, чтобы расплатиться с докторами. - Фиш пожевал и глотнул. - Я тебе вот что скажу, хотя, конечно, идея-то бредовая: а почему бы тебе, Дэйв, не раскрасить этот рисунок да и не послать на конкурс? Понятно, если он не выиграет, я тебе заплатить не смогу, но...

- Да, черт возьми, док, но я не знаю, как это понравится вашему племяннику. Может, он задумал что-то другое - скажем, совсем другую цветовую гамму. Понимаете, мне бы не хотелось...

- Всю ответственность я беру на себя, - уверенно заявил Фиш. - Об этом не беспокойся. А если мы выиграем - что ж, я позабочусь, чтобы твоя работа была щедро оплачена, Дэйв. Ну так как?

- Тогда конечно, док. Я готов, ясное дело, - кивая головой и краснея, согласился Дэйв. - В ближайшие два дня я все сделаю, а затем отправлю по почте. Ладно? Тогда... Ах да, вот еще что - как зовут вашего племянника?

- Джордж Уилмингтон, - назвал Фиш первое попавшееся имя и оттолкнул в сторону пустую миску. - Уф, Дэйв, пожалуй, я закажу еще и ребрышки с картофельной стружкой.

Фиш отправился домой с резко возросшим уважением к машине. Он был уверен, что победа на конкурсе городского центра уже у него в кармане. Десять тысяч долларов! За один рисунок! Ну и ну, да в этой машине таились миллионы! Он аккуратно запер за собой входную дверь и опустил жалюзи, чтобы совсем затемнить хмурую маленькую гостиную. Затем включил свет. Вот она, машина, - все восемь сверкающих ее частей, расставленные на полу, мебели - повсюду. Он возбужденно переходил от одной части к другой, оглаживая ровные черные поверхности. Вся эта дорогушая аппаратура целиком принадлежала ему!

Пожалуй, можно испытать ее еще разок - просто ради интереса. Фиш взял из стопки еще один лист плотной бумаги, положил его в углубление и перевел переключатель на "Ра". С удовольствием он наблюдал, как циферблаты засветились, а крючковатые манипуляторы выползли наружу и задвигались. На бумаге появлялось все больше линий: сначала какие-то волнистые сверху - пока непонятно что. А немного ниже - две длинные, загнутые вверх линии, что-то вроде подкрученных кверху усов. Фиш будто решал головоломку, пытаясь угадать, чем все это окажется.

Под волнистыми линиями, которые Фиш теперь определил как волосы, стрелка нарисовала глаза и нос. Другая тем временем скользила по наброску того, что, как очень скоро выяснилось, было головой быка. Вот остальная часть лица девушки, рука и нога - недурны, но как-то уж слишком мускулисты. Вот расставленные ноги быка, а затем - вот те на! - никакой это не бык, между ног у него болтается пухлая дуля с торчащими сосками. Это же корова! Значит, девушка едет верхом на корове, у которой, как и раньше, меж рогов лежат цветы.

Фиш разочарованно разглядывал рисунок. Люди и коровы - неужели

машина больше ни на что не способна?

Он с досадой потеребил бороду. Черт возьми, разве нельзя ожидать, что кому-то понадобится рисунок, который изображал бы что-нибудь помимо быков и людей? Просто нелепость какая-то - восемь больших аппаратов, и...

Минутку, минутку.

- Не сдавайся на полпути. Гордон, - вслух сказал себе Фиш. Именно так обычно говорила Флоренс, вторая его жена - хотя, правду сказать, она всегда звала его "Фишкой". От неприятного воспоминания Фиш сморщился. Что ж, теперь он, по крайней мере, заметил, что все кнопки, которые он нажал раньше, все еще утоплены. Значит, надо сделать что-то еще. Вдохновленный очередной идеей, Фиш поспешил к машине, помеченной как "Bank 1", и стал ее изучать. Вот он, этот список, где под номером 3 - "Folk", а под номером 4 - "Djur". Именно эти номера Фиш нажал на большой машине, а значит... "Folk" могло означать "люди", а "Djur" - ну, это, наверное, какое-нибудь бредовое слово для "быков". Следовательно, если он нажмет другой набор кнопок, тогда машина нарисует что-то еще.

Пятнадцать минут спустя Фиш убедился, что именно так и обстоит дело. Нажатие первых двух кнопок, "Land" и "Planta", дало рисунки, изображавшие сцены на открытом воздухе - просто холмы и деревья. "Folk" означало "люди", а "Djur", судя по всему, "животные"; теперь он вместо быков получал собак и коз. "Byggnader" означало "здания". Затем все несколько усложнялось.

Кнопка, обозначенная как "Arbete", дала рисунки людей за работой; другая, помеченная как "Karlek", изобразила сцены с целующимися парочками - все в каких-то греческих одеяниях, а пейзажи и здания как бы смутные и призрачные. Затем шел целый ряд кнопок под общим названием "Plast" и другой, обозначенный как "Tid", которые, судя по всему, определяли время и место рисунков. В частности, когда Фиш нажал: "Egyptisk" и "Gammal" вместе с "Folk", "Byggnader" и, чисто по наитию, со словом, которое, по его догадке, означало "религию", он получил рисунок, изображавший жрецов в египетских головных уборах, что склонялись перед огромной статуей Гора. Это было уже что-то!

На следующий день Фиш снова сбил ящики, оставив неприколоченными только крышки, чтобы их легко можно было снять для работы с машинами. По ходу дела он наткнулся на брошенный им на пол желтый буклетик. Там содержались инструкции; в каких-то проглядывал смысл, в каких-то нет, но весь текст был все на том же незнакомом языке. Фиш убрал буклет в выдвижной ящик шкафа под грудой грязного белья и выбросил его из головы. Кряхтя и обливаясь потом, он все же сумел растолкать меньшие ящики по углам и переставить мебель так, чтобы для самого большого ящика нашлось свободное место у стены. Обстановка все равно выглядела ужасно, но теперь Фиш по крайней мере мог легко двигаться по комнате, принимать клиентов, мог снова смотреть телевизор.

Каждый день он отправлялся в шашлычную на ленч или заходил туда просто так - и всякий раз, увидев его, Дэйв отрицательно мотал головой. Затем всю вторую половину дня Фиш просиживал с кружкой пива, с тарелкой орехов или конфеток и наблюдал, как машина рисует. Используя всю бумагу из пачки, он стал класть ее другой стороной.

Но как же извлечь из рисунков деньги? После некоторых раздумий Фиш соорудил простенькую коробку с волшебными письменами и использовал ее вместе с египетскими рисунками (их уже накопилась дюжина, все с разными богами, но после первого раза машина уже не рисовала никаких жрецов) - использовал, чтобы демонстрировать клиентам, что происходило с ними в предыдущих перерождениях. Работы немного прибавилось, и несколько раз чутье подсказало ему, что за счет рисунков можно повысить гонорар. Но и это были лишь карманные деньги Фиш знал, что в машине таятся миллионы, он почти чуял их запах - но как их извлечь?

Однажды ему пришло в голову, что можно попытаться получить патент на машину, а потом продать его. Сложность состояла в том, что Фиш не имел ни малейшего представления, как работает проклятая штуковина. Вроде бы меньшие машины содержали в себе рисунки - или фрагменты рисунков, а большая машина складывала их воедино - но как? Пылая нетерпением, Фиш снова разобрал большой ящик, отодвинул мебель и стал обшаривать гладкую черную стенку машины, чтобы посмотреть, нельзя ли ее как-нибудь открыть.

Вскоре он наткнулся на две неглубокие впадины в металле, для пробы надавил, затем потянул вверх - и вся боковая стенка машины отвалилась.

Она почти ничего не весила. Фиш отложил ее в сторону, нерешительно разглядывая внутренности машины. Там царил мрак - не было видно ничего, кроме нескольких крошечных световых пятнышек, подобных неподвижно висящим пылинкам слюды. Никаких проводов - вообще ничего. Фиш взял лист бумаги и положил его в углубление, потом запустил машину. Затем присел на корточки. Крошечные световые пятнышки перемещались, медленно кружась друг вокруг друга в такт с движениями рисующих манипуляторов. В глубине было еще темнее, а расстояние странным образом казалось больше, чем можно было ожидать, судя по размерам конструкции.

Держась за переднюю часть машины, Фиш коснулся другой неглубокой впадинки и, сам того не желая, потянул вверх. Целая передняя стенка машины отпала, а с ней и вторая боковая.

Фиш отчаянно отпрянул, чтобы убрать голову, но верхняя часть машины не упала. Она осталась на месте, хотя ее уже не держало ничего, кроме задней стенки.

А под ней - ничего. Никакого содержимого, лишь густая тьма и маленькие звездочки, медленно перемещавшиеся по мере того, как машина рисовала,

Фиш торопливо поставил все стенки на место. Они легко легли туда и прижались друг к другу так плотно, что он не мог разглядеть между ними никакой щели.

Потом Фиш снова сколотил ящик и больше никогда не отваживался заглянуть во внутренности машины.

Дэйв спешил к нему с другого конца стойки.

- Док! Где же вы пропадали? - Парень вытирал руки о передник и нервно хихикал, как-то по-особому шуруя. Посетитель на другом конце стойки поднял удивленный взгляд, а потом продолжил жевать с открытым ртом.

- Ну, у меня была куча дел: - машинально принялся объяснять Фиш - Постой! Не хочешь ли ты сказать...

Дэйв выудил из заднего кармана длинный белый конверт.

- Вот, смотрите! Вчера получил! - Конверт хрустел в его нервных пальцах. Наконец парень вытащил оттуда сложенное письмо, и Фиш жадно выхватил листок. Тяжело дыша, Дэйв заглядывал ему через плечо, пока Фиш читал:

["Дорогой мистер Уилмингтон!

С превеликим удовольствием сообщаем вам, что ваш дизайн удостоился первой премии в конкурсе на лучшую стенную роспись городского центра Сан-Габриэля. По мнению жюри, классическая простота вашей работы вкупе с техническим совершенством сделала очевидным ее превосходство над остальными представленными работами.

К сему прилагается чек на три тысячи долларов (\$ 3000):"]

- Где? - завопил Фиш, отрывая взгляд от письма.

- Вот, - с несколько натянутой улыбкой сказал Дэйв и вынул из конверта розовый клочок бумаги. Отпечатанная красным надпись гласила "РОВНО 3000 ДОЛЛАРОВ".

Фиш сжал в объятиях Дэйва, который тоже похлопал его по спине, а затем снова взглянул на письмо.

["...Каковой будет оплачен, как только дизайн будет выполнен и представлен на одобрение комиссии..."]

- Выполнен? - растерянно переспросил Фиш. - Что это значит? Дэйв, что тут имеется в виду?..

- Когда он выполнит роспись на стене. Черт возьми, док, сказать не могу...

- Кто "он"?

- Ваш племянник, Джордж Уиямингтон. Понимаете - когда он сделает роспись...

Фиш охнул:

- Ч-черт. Видишь ли, Дэйв, дело-то вот в чем...

Длинное лицо Дэйва еще сильнее вытянулось от уныния.

- Ах да. Боже мой, я даже не подумал. Вы имеете в виду, что Джордж еще не настолько оправился, чтобы рисовать?

Фиш скорбно покачал головой:

- Нет, мой мальчик. Ужасно жаль, Дэйв, но... - Он рассеянно сложил чек и сунул его в карман.

- Я думал... вы говорили... в том смысле, что это не очень серьезно...

Фиш продолжал качать головой:

- Выяснилось, что все идет куда хуже, чем ожидалось. Теперь даже нельзя сказать, сможет ли он вообще когда-нибудь рисовать.

- О Боже, док! - пораженно отозвался Дэйв.

- Да, такие дела. Такие случаи... доктора знают о них куда меньше, чем хотят тебе показать, Дэйв.

Тем временем Фиш продолжал сверлить глазами письмо, едва прислушиваясь к собственному голосу. "Будет оплачен, как только дизайн будет выполнен...".

- Послушай, - сказал он, прерывая сочувственное бормотание Дэйва.

- Здесь ведь не говорится, [кто] должен его выполнить, так? Видишь вот здесь? Сказано: "как только дизайн будет выполнен".

- Стаканчик воды, пожалуйста, - позвал другой посетитель.

- Сию секунду, сэр. Знаете, док, по-моему, это идея. - Он боком отходил вдоль стойки, продолжая говорить: - Видите ли, расчертить по масштабу и сделать настоящую роспись смог бы любой - в смысле, любой толковый художник. Черт возьми, думаю, я могу и сам это сделать - если только Джордж не против. И если все уладить с комиссией... Что ж, для меня это совсем неплохая перспектива. - Он поставил перед посетителем стакан, не глядя вытер стойку и вернулся.

Фиш согнулся над стойкой, вороша бороду и хмурясь. "Уилмингтон" - всего лишь фамилия. Дэйв может взять на себя эту роль, может не взять, и, с одной стороны, это даже хорошо, потому что тогда сам Фиш останется за кадром. Но, черт побери, если все сойдет, тогда Дэйв действительно станет Уилмингтоном, и вполне возможно, что он захочет распоряжаться по своему собственному...

- Послушай, Дэйв, - спросил он, - а ты и вправду хороший художник?

- Право, док, вы ставите меня в неудобное положение... Но ведь им все-таки понравилось, как я представил дизайн, разве не так? Знаете, я там использовал цветовую гамму из густо-лазурного и светло-желтого с примесью розового, чтобы сделать рисунок... радостным, что ли. И ей-богу, если у меня получилось на бумаге, я вполне мог бы сделать это и на стене.

- Идет! - с жаром согласился Фиш и похлопал Дэйва по плечу. - Джордж еще ничего не знает, но уверен - он уже нашел себе славного помощника!

Стройная девичья фигура внезапно выросла перед Фишем из-за кадки с пальмой.

- Мистер Уилмингтон? Не могли бы вы уделить мне немного времени?..

Фиш замешкался и потянулся привычным жестом к подбородку, хотя бороду он сбрил уже больше года назад. Без бороды он чувствовал себя несколько незащищенным, и лицо начинало дергаться, когда Фиша, как сейчас, заставляли врасплох.

- Уфф, ну да, мисс...

- Норма Джонсон. Мы не знакомы, но у меня тут несколько рисунков...

С собой у Нормы была большая черная папка на ленточках. Фиш сел рядом с девушкой и стал разглядывать рисунки. Вроде бы ничего, но какие-то скуповатые - вроде тех, что с помощью машины производил он сам. На самом деле Фишу нравились рисунки с какой-нибудь изюминкой, как у Нормана Рокуэлла, но, когда он однажды настроил машину на что-то подобное, агент - самый первый, тот гнусный проходимец Кониолли - заверил его, что на "жанровую продукцию" нет спроса.

Пальцы девушки подрагивали. Очень стройная и бледная брюнетка с большими выразительными глазами. Наконец Норма перевернула последний рисунок.

- Годаются ли они хоть на что-то? - спросила она.

- Ну что ж, здесь чувствуется сильное воодушевление, - не моргнув глазом заявил Фиш. - И очень тонкое владение материалом.

- Я могу рассчитывать на успех?

- Ну-у...

- Видите ли, дело вот в чем, - быстро сказала девушка, - тетя Мэри хочет, чтобы я осталась в Санта-Монике и выехала только на следующий год. Но я не хочу. Тогда она согласилась послать меня учиться за границу, если вы сочтете, что у меня настоящий талант. Но если у вас другое мнение, то я сдаюсь.

Фиш внимательно оглядел девушку. Ногти коротко подстрижены, но в то же время выглядят ухоженными. Незатейливая белая блузка, синий жакетик и юбка; веяло от Нормы лесными духами. Фиш почувал деньги.

- Ну что ж, милочка, - начал он, - вот что я вам скажу. Вы, конечно, можете отправиться в Европу и потратить кучу денег - десять, двадцать тысяч долларов. - Девушка даже не моргнула. - Пятьдесят тысяч, - учтиво поправился Фиш. - Но что толку? Тамошние коллеги знают куда меньше, чем хотят вам показать.

Ощупью она стала пыталась найти перчатки и сумочку.

- Понимаю. - Норма стала было подниматься. Фиш положил ей на плечико пухлую ладонь.

- А вот что я бы вам предложил, - сказал он, - почему бы вам вместо этого годик не походить сюда и не позаниматься со мной?

Бледное лицо девушки вытянулось от удивления.

- Ах, мистер Уилмингтон, в самом деле?

- Ну, любой, у кого есть талант, какой виден в этих рисунках... -

Фиш похлопал по папке, лежавшей у Нормы на коленях. - Так что просто необходимо что-то предпринять, иначе...

Девушка взволнованно встала.

- А вы не могли бы сказать это тете Мэри? Фиш огладил перед своей розовой рубашки.

- А как же, с радостью, милочка, с радостью.

- Она как раз ждет в вестибюле.

Фиш последовал за Нормой и познакомился с тетей Мэри, которая оказалась прелестной женщиной лет пятидесяти - немного пухленькой, но все равно очаровательной в своем коричневом льняном платье. Они договорились, что Норма снимет студию неподалеку от дома мистера Уилмингтона в Санта-Монике и что мистер Уилмингтон несколько раз в

неделю будет заглядывать туда и щедро делиться с девушкой своим богатым опытом, получая десять тысяч долларов ежегодно. Это составляло, как заметил им Фиш, менее половины от той суммы, которую он обычно получал за крупные заказы; но ничего-ничего - всякая малость тоже на пользу. Стенные росписи, реклама учреждений, текстильные дизайны, частные заказы коллекционеров - черт возьми, всего навалом!

По правде, Фиша серьезно беспокоило только одно - сама машина. Теперь он держал ее под замком во внутренней комнате снятого им дома - двадцать комнат, впечатляющий вид на Тихий океан, множество помещений для вечеринок; и до сих пор Фиш обращался со сложнейшим аппаратом примерно как с детским pedalным автомобилем. Со временем он распознал и записал значение каждой из десятков маркированных кнопок на машинках, помеченных как "Bank", и теперь при помощи обычной комбинации кнопок мог получить любой нужный рисунок. Вот, в частности, заказ на витражи для церкви: "Религия", "Люди", "Палестина", "Древность" - и пожалуйста, все готово.

Беда заключалась в том, что машина никогда не рисовала дважды подряд одно и то же. Выполняя тот заказ с витражами, Фиш получил один рисунок с изображением Христа, а затем, как ни старался, не смог получить еще один - так что пришлось заполнить пробел святыми и мучениками. Церковь, конечно, выразила недовольство. А иногда по вечерам ради собственного удовольствия он повадился испытывать возможности машины - например, ставил ее на "Исторические лица" и "Romantisk", что, похоже, было машинным названием текущей эпохи, а затем нажимал кнопку "Overdriva" - и наблюдал, как разные знаменитости появляются на бумаге с огромными карикатурными носами и зубами, будто частокол.

Или ставил ее на "Любовь", а затем на различные времена и места - "Древний Рим" давал весьма пикантные рисунки, а "Самоа" - еще покруче.

Но всякий раз машина выдавала все более скудные рисунки; в конце концов она вообще перестала производить что-то подобное.

Может, в хитрую штукловину было встроено что-то вроде цензора? Может, машина [осуждала] Фиша?

Он продолжал размышлять о тех странностях, которые сопровождали доставку машины. Адрес у грузчиков был правильный, а что же было ошибочным... время? Во всяком случае, ясно, что машина предназначалась не ему. Но кому? Что еще за "двин"?

Частей было восемь - шесть блоков, основная машина и еще один аппарат, который, как выяснил Фиш, мог увеличивать любую деталь рисунка почти до натурального размера. Со всем этим он управлялся. Управлялся с регуляторами, что придавали рисунку сложность или простоту, большую или меньшую глубину, меняли стиль и настроение. Единственными кнопками, в назначении которых Фиш не разобрался, оставались три красные, помеченные как "Utplana", "Torka" и "Avsla". Ни одна из них вроде бы ни на что не влияла, Фиш и так и сяк пробовал нажимать все три, но никакой разницы не наблюдалось. В конце концов он оставил их в том положении, в каком они были с самого начала: "Torka" нажата, две остальные отпущены; ничего лучшего он придумать не сумел. Хотя, такие большие и красные, они наверняка имели важное значение.

Фиш также нашел о них упоминание в буклете: "Utplana en teckning, press Knappen "Utplana". Avlagsna ett monster fran en bank efter anvandning, press knappen "Torka". Avsla en teckning innan slutsatsen, press knappen "Avsla".

"Press knappen, press knappen" - это, должно быть, значит "нажмите кнопку". Но когда? И еще этот "monster" - тут Фиш немного забеспокоился. Пока что он был вполне удачлив, выясняя, как управляться с машиной безо всяких аварий. Но что, если его по-прежнему ожидал подвох - что, если буклет был [предупреждением]?

Фиш беспрестанно шнырял по пустому дому - пустому и неухоженному, поскольку он не рискнул нанимать слуг. Никогда нельзя знать заранее,

кто вознамерится за тобой шпионить. Дважды в неделю приходила уборщица и все здесь немного прибирала - все, кроме запертой комнаты, ну, и время от времени. Фиш приводил сюда пару девушек - поразвлечься. Но на следующее утро неизменно их выставлял. Разумеется, раньше он был знаком с множеством людей, много путешествовал... Но когда Фиш решил стать Уилмингтоном, ему пришлось порвать со всеми старыми друзьями, а новых он не заводил из боязни выдать себя. А кроме того, все вечно что-то вынюхивали. В результате, будь оно все проклято, он не был счастлив. А что, черт побери, толку во всех деньгах и во всем купленном на них барахле, если они не делают его счастливым? Впрочем, очень скоро пакет акций той нефтяной компании начнет давать прибыль - агент заверил Фиша, что бурильщики уже в нескольких сотнях футов от нефти... Тогда он станет миллионером, сможет удалиться от дел - уехать куда-нибудь во Флориду.

Фиш остановился у стола в библиотеке. Раскрытый буклет по-прежнему лежал там. Вот ведь в чем загвоздка: даже если это какой-то известный язык, то кому можно показать буклет? Кому можно довериться?

Тут Фишу пришла в голову одна идея, и он склонился над столом, разглядывая желтые страницы с невразумительным текстом. В конце концов, некоторые слова можно разобрать, - а значит, не требуется показывать кому-либо ни всю брошюрку целиком, ни даже целое предложение... А где, кстати говоря, эти конверты для заказа информации, что пришли вместе с роскошным комплектом Британской энциклопедии? Должны быть где-то здесь. Фиш перерыл все ящики стола и наконец выудил оттуда папку и блок проклеенных желтых марок.

Кряхтя, Фиш уселся за стол и после длительного пережевывания сигары, черновых набросков и вычеркивания напечатал следующий текст:

["Уважаемые господа!

Прошу вас проинформировать меня, к какому языку принадлежат прилагаемые слова, а также каковы их значения. Будьте также любезны отнестись к данному делу со всем вниманием, поскольку оно не терпит ни малейших отлагательств".]

На отдельный листок Фиш выписал все сомнительные слова из параграфа о красных кнопках, хитроумно перемешал их так, чтобы никто не смог догадаться, в каком порядке они располагались. С каким-то дурацким ощущением он аккуратно дорисовал все кружочки и точки. Затем написал на конверте обратный адрес, приклеил одну из желтых марок и постарался отправить письмо прежде, чем успел об этом пожалеть.

- Мой риторический вопрос, - хитроумно обратился Фиш к молодому физику, стараясь перекрыть общий гам на приеме с коктейлями, - имеет чисто научную подоплеку. Скажите, могли бы вы сделать машину, умеющую рисовать? - С лучезарной улыбкой он смотрел на маячившее перед ним пятно в роговых очках - физиономию молодого человека. Фиш принял на грудь уже три "Мартини" и - вот так так! - порядком поплыл. Но в то же время, ясное дело, полностью себя контролировал.

- Гм, а что рисовать? Если вы имеете в виду карты и графики, то конечно, или что-нибудь вроде пантографа, чтобы увеличивать...

- Нет-нет. Рисовать пркрсные кртины. - Последние два слова несколько смазались. Фиш качнулся взад-вперед. - Чисто риторический вопрос. - Прицелившись, он успешно опустил бокал на проносившийся мимо поднос и взял оттуда другой.

- А-а... Ну, тогда нет. Да, определенно нет. Насколько я понимаю, имеется в виду, что такое устройство создавало бы оригинальный рисунок, а не просто выдавало то, что в нем запрограммировано. Тогда в первую очередь понадобится невообразимо громадный банк памяти. Скажем, если потребуется, чтобы машина нарисовала лошадь, ей надо будет знать, как выглядит лошадь отовсюду и во всех положениях. Затем ей придется

выбрать из, скажем, десяти - двадцати миллиардов подходящий вариант, а затем нарисовать эту лошадь в нужной пропорции со всеми остальными деталями рисунка и так далее. Но если вам. Боже сохрани, нужна еще и [художественность], тогда, полагаю, придется рассматривать отношение каждой детали ко всем остальным в соответствии с неким эстетическим принципом. Лично я даже не знаю, как тут подступиться.

Фиш потянулся пухлыми пальчиками за маслиной.

- Значит, говорите, невозможно? - спросил он.

- Ну, во всяком случае, при теперешнем техническом уровне.

Полагаю, мы не особенно продвинемся в делах искусства еще лет сто или двести. - Пятно улыбнулось и подняло бокал с коктейлем.

- Понятно, - произнес Фиш, беря молодого человека за отворот пиджака - отчасти чтобы не дать ему уйти из поля зрения, а отчасти себе для поддержки. - А теперь предположите, что у вас есть такая машина. И что машина эта все время что-то забывает. Какая тут может быть причина?

- Что-то забывает?

- Именно так. - С катастрофическим ощущением, что он выбалтывает лишнее, Фиш собрался было продолжить, но тут его остановила внезапно опустившаяся ему на плечо рука. Принадлежала рука одному из представителей золотой молодежи - великолепный костюм, великолепные зубы, великолепный платок в великолепном кармане.

- Мистер Уилмингтон, я лишь хотел заметить, каким шедевром представляются мне ваши новые стенные росписи. Одна исполинская нога. Не знаю, что бы это значило, но мастерство просто потрясает. Мы непременно должны встретиться как-нибудь вечером в передаче "Восемь на семь", чтобы вы нам все объяснили.

- Никогда не снимаюсь для телевидения, - ответил Фиш, хмурясь. От подобных приглашений он отбивался уже год.

- Ах-ах, как жаль. Рад был с вами повидаться. Да, кстати, меня просили передать, что вас к телефону - вон там. - Золотой юноша указал и отплыл в сторону.

Фиш извинился перед собеседником и взял рискованный курс через комнату. Телефон стоял на одном из боковых столиков, черный и унылый. Фиш небрежно взял трубку.

- Алло-о?

- Доктор Фиш?

Сердце Фиша заколотилось. Он опустил бокал "Мартини" на стол.

- Кто это? - решительно спросил он.

- Док, это Дэйв Кинни.

Фиш ощутил прилив облегчения.

- А-а, Дэйв. Я думал, ты в Бостоне. Вернее, думал, ты и сейчас там, но связь...

- Я здесь, в Санта-Монике. Слушайте, док, тут кое-что случилось...

- Что? Что ты здесь делаешь? Я все-таки надеюсь, ты не прогуливаешь школу, иначе...

- У меня летние каникулы, док. Послушайте, тут вот какое дело. Я в студии Нормы Джонсон.

Фиш застыл с черной трубкой в потной руке и не мог ничего сказать. Безмолвие так и гудело в проводах.

- Док? Миссис Прентис тоже здесь. Мы тут вроде как беседовали и считаем, что вам следует приехать и кое-что объяснить.

Фиш с трудом сглотнул.

- Док, вы меня слышите? Думаю, вам следует приехать. Тут уже зашла речь о полиции, но я предложил сначала дать вам шанс, так что...

- Я сейчас буду, - хрипло перебил Фиш. Затем повесил трубку и застыл, огорошенный, приложив обе руки к пылающему лбу. О Боже, три, нет, четыре бокала "Мартини" - и надо же такому случиться! У него кружилась голова. Казалось, все присутствующие стоят на зеленом ковре с небольшим наклоном - вся эта золотая молодежь в лоснящихся летних

куртках и пастельных тонов женщины с белозубыми улыбками на лживых физиономиях. Разве есть им дело до того, что теперь Фиш может извлекать из машины только части тел? Последним оказался большой мозолистый кулак, а теперь эта нога... И комиссия, само собой, не преминула пожаловаться. Предъявили массу претензий, но в итоге ногу пришлось взять, так как заказ был уже анонсирован. А сегодня утром позвонили его агенту. Какой-то церковной общине в Индиане понадобились пробные скетчи. И так все шло прахом прямо на глазах, а теперь еще и [это]. Дэйв, будь он неладен - тут думаешь, что хоть он-то будет сидеть как гвоздь в Бостоне... И как его, черта, угораздило налететь на Норму?

Один из газетчиков бросил дармовую закуску и устремился по следу Фиша, когда тот нетвердой походкой направился к двери.

- Пойдите, мистер Уилмингтон... Как насчет истинного смысла той ноги?

- Прочь с дороги, - оборвав его, рявкнул Фиш. Он добрался на такси до дома, велел водителю подождать, быстренько заскочил под душ, выпил чашку черного кофе и вышел обратно - трясущийся, но уже заметно трезвее. Будь прокляты эти коктейли... Он никогда так не набирался, если пил одно пиво. Вообще, там, на Платт-Террас, все было куда лучше; какого черта его угораздило влезть в эти безумные игры с искусством?

В желудке у Фиша звенела пустота. Он припомнил, что даже не обедал. Но теперь уже поздно. Фиш взял себя в руки и позвонил в дверь.

Открыл ему Дэйв. Фиш приветствовал парня радостными возгласами, тряся его вялую руку:

- Дэйв, мой мальчик! Рад тебя видеть! Давненько, давненько! - Не дожидаясь ответа, он прошествовал в комнату - серое, лишенное окон помещение, всегда действовавшее ему на нервы; потолок был полностью застеклен и лежал наклонно высоко над головой; сквозь полупрозрачные стекла просачивался холодный и тусклый свет. В одном углу стоял мольберт, а на голых стенах было приколото несколько рисунков. В дальнем конце комнаты на пухлой красной скамеечке сидели Норма и ее тетушка.

- Норма, как ты, детка? И миссис Прентис здесь - вот уж истинное наслаждение!

Впрочем, Фиш не слишком кривил душой - тетушка Нормы действительно выглядела превосходно в новеньком темно-синем костюме. Фиш имел основания полагать, что излучает былое обаяние, и ему показалось, что глаза женщины заблестели от удовольствия. Но лишь на какой-то миг, а затем ее лицо посуровело.

- Что я тут слышу? Почему вы даже не приходите навестить Норму? - потребовала она ответа.

Фиш продемонстрировал глубокое изумление:

- Ну... как же так, Норма, разве ты ничего не объяснила своей тетушке? Прошу прощения, минутку. - Он устремился к рисункам на стене.

- Ну вот, хорошо. Вот эти, Норма, просто превосходны; видны значительные улучшения. Симметрия, знаешь ли, и эта динамичная плавность...

- Им уже три месяца, - буркнула Норма. На девушке была мужская рубашка и хлопчатобумажные брюки; она, похоже, недавно плакала, но лицо успела аккуратно подкрасить.

- Знаешь, детка, я хотел вернуться - даже после всего, что ты мне наговорила. Знаешь, я ведь приходил сюда раза два, но ты не откликалась на звонок.

- Неправда.

- Ну, значит, тебя просто не было дома, - охотно исправился Фиш и повернулся к миссис Прентис: - Норма, знаете, была не в духе. - Он понизил голос. - Примерно через месяц после начала занятий она велела мне убираться и больше не приходить.

Дэйв неторопливо пересек комнату и молча сел рядом с Нормой.

- Подумать только, брать деньги с бедного ребенка ни за что!-

страстно возмущилась миссис Прентис. - Почему же вы их не вернули?

Фиш подтащил складной стул и сел к ней поближе.

- Миссис Прентис, - тихонько проговорил он, - я хотел уберечь Норму от ошибки. Вот что я ей сказал давай ты все же выполнишь наше соглашение и годик со мной позанимаешься, сказал я. А если и тогда будешь недовольна - что ж, я с радостью верну все до последнего цента.

- От вас не было никакого толку, - с истерическими нотками в голосе произнесла Норма.

Фиш одарил ее взглядом, полным скорбного терпения.

- Да он просто войдет, посмотрит, как я работаю, и скажет что-нибудь вроде: "Здесь чувствуется большое настроение", или "Симметрия хороша", или еще что-нибудь такое же [бессмысленное]. Я так издергалась, что даже [не могла рисовать]. Тогда, тетя Мэри, я вам и написала, но вы были в Европе. Черт возьми, я должна была что-то сделать, разве нет? - Девушка так крепко стиснула пальцы в кулак, что они побелели.

- Ну-ну, милая, - прошелестела миссис Прентис и положила руку племяннице на плечо.

- Я посещала дневные занятия в Культурном центре, - проговорила Норма сквозь зубы. - Ничего другого я себе просто [не могла позволить].

Глаза миссис Прентис засверкали от негодования.

- Не думаю, мистер Уилмингтон, что нам следует и дальше это обсуждать. Я требую, чтобы вы вернули все деньги, которые я вам заплатила. Мне кажется, это просто непорядочно - такой известный художник - и [унизился] до...

- Миссис Прентис, - сказал Фиш, снова понизив голос, - если бы не моя вера в блестящее будущее Нормы как художницы, что ж, я теперь же вручил бы вам все до по-след-не-го цента Но в данном случае она совершает большую ошибку, так что я снова предлагаю...

- Док, - грубо перебил его Дэйв, - черт возьми, вы как можно скорее вернете ей деньги. - Он подался вперед, обращаясь к старшей из женщин: - Если хотите знать, как его настоящее имя, то перед вами Гордон Фиш. Так он, во всяком случае, назвался, когда мы с ним познакомились. Все это обычное мошенничество. Вовсе он никакой не художник. Настоящий Джордж Уилмингтон - его племянник; это инвалид, проживающий в Висконсине. Док просто представился его именем, так как юноша слишком болен, чтобы появляться на публике, и все такое. Пожалуйста, вот правда. Или, по крайней мере, та ее часть, что известна лично мне.

- Такова, стало быть, твоя благодарность, Дэйв, за то, что я устроил тебя в художественную школу? - грустно спросил Фиш.

- Вы пробili мне стипендию, но вам это ничего не стоило. Я выяснил у директора. Наверное, вы просто хотели убрать меня с дороги, чтобы я не болтал лишнего. Ладно, док, тут все в порядке. Но когда я встретил Норму - вчера у дверей вашего дома...

- Что? Когда?

- Около десяти.

Фиш поморщился; он тогда лежал в постели с больной головой и не откликнулся на звонок. Если бы он только знал!

- Вас не было дома, ну, мы разговорились, и... Знаете, одно дело прикидываться собственным племянником, а совсем другое - обещать кого-нибудь обучить, когда вы сами не способны толком линию провести!

Фиш поднял руку.

- Послушай, Дэйв, есть кое-что, о чем ты и понятия не имеешь. Ты уверен, что меня зовут Гордон Фиш? А ты когда-нибудь видел мое свидетельство о рождении? Может, ты знаешь кого-то, кто помнит меня ребенком? С чего ты взял, что меня зовут Гордон Фиш?

- Да вы же мне сами сказали.

- Верно, Дэйв, сказал. И еще ты говоришь, что настоящий Джордж Уилмингтонг - инвалид, живущий в Висконсине. А ты его когда-нибудь

видел, Дэйв? Может, ты бывал в Висконсине?

- Нет, не бывал, но...

- И я не бывал. Нет, Дэйв, - Фиш важно понизил голос, - все, что я о себе рассказывал, - всего-навсего ложь. И я это признаю. - Теперь самое время пустить слезу Фиш обратил свои мысли к кредиторам, к проблемам с машиной, к продавцу акций нефтяной компании, что сбежал на юг с деньгами, к адвокатам, которые обобрали Фиша до нитки, пытаюсь эти деньги вернуть, - и вообще ко всеобщей неблагодарности. Теплая капелька сбежала по щеке, и, наклонив голову, Фиш смахнул кулаком соленую влагу.

- Как же так? - пробормотал сбитый с толку Дэйв.

- У меня были свои причины, - через силу ответил Фиш. - Вполне определенные причины. Но знаете, мне мне тяжело об этом говорить. Оростите, миссис Прентис, могу я ненадолго остаться с вами наедине?

Она немного подалась вперед, сочувственно глядя на Фиша. Должно сработать - такая женщина не может выдержать вид плачущего мужчины.

- Я, конечно, не возражаю, - вставая, сказала Норма. Девушка направилась к двери, и Дэйв последовал за ней. Вскоре дверь за ними закрылась.

Фиш высморкался, небрежно вытер глаза, браво распрямился и убрал носовой платок.

- Полагаю, миссис Прентис, вы не знаете, что я вдовец. (Глаза ее широко раскрылись.) Да, это правда, я потерял мою дорогую жену. Обычно я, правду сказать, об этом не рассказываю, но теперь почему-то... Не знаю, доводилось ли вам, миссис Прентис, терять близкого человека.

- Разве Норма вам не сказала? - взволнованно ответила она - Я вдова, мистер Уилмингтон.

- О, я не знал! - заявил Фиш. - Но как странно! Я что-то такое почувствовал... какую-то [вибрацию]. Простите, миссис Прентис... можно мне звать вас Мэри? Знаете, после моей утраты... - Надо бы пустить еще слезу; стоит только начать, дальше они уже текут сами. - Я стал сам не свой. Представьте, даже не хотел жить. Целый год не мог дотронуться до карандаша. И даже сегодня не могу провести хотя бы линию, если кто-то за мной наблюдает. Вот, стало быть, и причина всей неразберихи. Эта история с моим племянником и прочее - я просто все выдумал, считал, так будет легче. Знаете, я бываю так неловок, когда речь идет о такте. Словно слон в посудной лавке. Вот и вся история, Мэри. - Фиш откинулся на спинку стула и еще разок энергично высморкался.

Глаза миссис Прентис увлажнились, но ее прелестное личико выражало настороженность.

- Честно говоря, просто не знаю, что и думать, мистер Уилмингтон. Вы говорите, что не можете рисовать на людях...

- Пожалуйста, зовите меня Джордж. Видите ли, это называется психологической травмой.

- Ну а как вам такое предложение? Я на несколько минут вас покину, а вы что-нибудь нарисуете. Думаю, тогда...

Фиш грустно покачал головой:

- Все гораздо сложнее. Я не могу рисовать [нигде] - только в одной из комнат моего дома. Это связано с портретом жены и некоторыми сувенирами. - Он с трудом сглотнул, но в третий раз слезу пустить не решился. - Мне очень жаль, я нарисовал бы для вас все, что угодно, если б мог, но...

Мэри некоторое время молча сидела, размышляя.

- Тогда, скажем, вот как. Вы, мистер Уилмингтон, отправляетесь домой и что-нибудь рисуете - к примеру, набросок моего лица, по памяти. Полагаю, любой квалифицированный художник может это проделать?

Фиш заколебался, не рискуя возражать.

- Ну вот, видите, и все будет улажено. Ведь вы не можете раздобыть мою фотографию и отослать ее в Висконсин - просто не хватит времени. Я дам вам... ну, скажем, полчаса.

- Пол...

- Вполне достаточно, разве не так? И значит, когда через полчаса я приду за вами, если у вас будет нужный набросок - что ж, тогда станет ясно, что вы говорите правду. Если же нет...

Прижатый к стене, Фиш не пал духом. Он встал с доверительной улыбкой.

- Пожалуй, это будет по-честному. Только знайте - [вашего] лица мне никогда не забыть. И еще хочу вам сказать, насколько мне легче теперь, после нашей случайной беседы, и... что ж, лучше я пойду и приступлю к рисунку. Жду вас через полчаса, Мэри! - Он помедлил у двери.

- Я приду... Джордж, - сказала она.

Кряхтя и спотыкаясь, Фиш прорвался через весь дом, громко хлопая за собой дверями. Повсюду жуткий бардак - на полу в гостиной разбросаны диванные подушки и газеты; но ничего-ничего, вот выйдет она за него замуж, будет кому убраться в доме. Теперь надо - Фиш открыл заветную комнату, лихорадочно сорвал крышку с большой машины и принялся нажимать кнопки на одном из блоков, - теперь надо только сделать проклятый набросок. Один шанс из сотни. Но все же лучше, чем ничего. Фиш включил машину, в беспомощном нетерпении наблюдая, как манипуляторы высунулись наружу и повисли без движения.

Лицо - и схожесть! Единственная надежда - сложить его из отдельных фрагментов. В машине уже не действовало ничего, кроме некоторых почти бесполезных элементов, которые выдавали технические рисунки, архитектуру, а также анатомические фрагменты. Только бы хватило еще на одно лицо! И чтобы оно было хоть чуть-чуть похоже на лицо Мэри!

Машина вдруг шелкнула и повела линию. Фиш замер, с отчаянной тревогой наблюдая за тем, как связанное движение двух вращающихся осей переводит прямой толчок манипулятора в стройную линию. Одно удовольствие смотреть - даже если в результате ничего и не выйдет. Вот линия стала закругляться; теперь манипулятор поднимался, возвращаясь обратно Нос! Машина рисовала нос!

На вид нос напоминал греческий - правильной формы, но великоват и не слишком похож на аккуратный точеный носик Мэри. Но ничего-ничего, он-то сумеет ее уговорить - Фишу бы только товар, а уж он-то его продаст. Пусть хоть [какое-нибудь] женское лицо - только не очень уродливое. Ну, вперед - теперь глаза!

Но манипуляторы остановились и снова повисли в неподвижности. Машина тихо гудела; циферблаты светились; ничего не происходило.

Снедаемый нетерпением, Фиш взглянул на часы, хлопнул по ним ладонью, снова внимательно в них всмотрелся, изрыгнул проклятия и быстро зашагал прочь из комнаты. В последнее время машина иногда вот так замирала, будто все пыталась и пыталась заработать, но почему-то не могла, а затем - шелк! - снова включалась. Фиш поспешил обратно, заглянул в комнату - пока ничего, опять ушел и стал расхаживать взад-вперед по пустому дому, выискивая, чем бы заняться.

Тут он впервые заметил, что в корзинке под щелью для писем лежит какая-то корреспонденция. Большей частью счета. Их он сразу швырнул под диван в гостиной, но среди макулатуры оказался и пухлый коричневый конверт со штемпелем "Информационной службы Британской библиотеки" в углу.

Так давно это было, что Фиш не сразу и сообразил. Через пару недель после того, как он отослал то письмо, пришла открытка с учтивым текстом, подтверждающим получение заказа, а затем несколько месяцев ни звука. Со временем Фиш решил, что ответа он уже не получит. Такого языка просто нет... Что ж, посмотрим. Он надорвал краешек конверта.

Тут его беспокойный взгляд отвлекся на стенные часы в столовой. Не забывать о времени! Рассеянно сжав в руке конверт, Фиш снова ринулся в заветную комнату. Машина по-прежнему не двигалась, гудя и светясь. На

бумаге - ничего, кроме благородного носа.

Фиш забарабанил по боковой стенке большой машины, но в результате лишь отбил себе кулаки. Затем треснул по работавшему блоку. Ничего. Тогда он отвернулся, заметил, что все еще сжимает конверт, и раздраженно сунул туда руку.

Внутри лежала скрепленная сверху скобкой жесткая оранжевая папка. Когда Фиш поднял обложку, в папке оказался единственный лист бумаги. Вверху был проставлен вензель Британской энциклопедии, а также: "В.А. Штернбак, директор". Ниже, в середине, стояло: "ШВЕДСКИЕ СЛОВА"

Ошеломленный, Фиш быстро пробежал глазами весь список. Там оказались все слова, которые он списал с брошюры, и напротив каждого стоял английский эквивалент. "Teckning" - рисунок. "Monster" - образец. "Utplana" - стереть. "Anvandning" - применение, использование.

Фиш поднял взгляд. Так вот, значит, почему ничего не происходило, когда он нажимал кнопку "Utplana": он всегда пытался пользоваться ею до завершения рисунка, но ни разу, когда тот готовый лежал на доске. Почему же он об этом не подумал? Да, а вот "Avsla" - удалить. И "Slutsatsen" - завершение. "Чтобы удалить рисунок до завершения, нажмите кнопку..." А он и этого никогда не делал.

А что значит средняя кнопка? "Torka" - сбрасывать. Сбрасывать? Так, посмотрим, там было еще "Avlagsna". Порой, когда Фиш лежал спросток, фраза "Avlagsna ett monster" шуршала у него в голове подобно какому-то грозному предупреждению... Вот оно. "Avlagsna" - устранять.

Руки его тряслись. "Чтобы устранить образец из блока после использования, нажмите кнопку "Сброс". Фиш выронил папку. Значит, все это время, сам того не ведая, он постоянно растрачивал драгоценные образцы, выбрасывая их один за другим, пока от машины ничего не осталось - только восемь гробов бесполезной аппаратуры, сделанной для какого-то шведа...

Машина негромко щелкнула, и другой манипулятор тронулся с места. Он провел изящную вертикальную линию неподалеку от передней части носа. Наверху линия закруглилась и снова пошла вниз, затем вверх...

Где-то далеко раздался настойчивый звонок в дверь.

Фиш, как загипнотизированный, уставился на бумагу. Движущееся перо описало еще одну изящную незамкнутую петлю, затем еще одну - будто приплюснутые друг к другу "американские горы". Затем еще одну, двигаясь неумолимо и неторопливо, - теперь петель стало четыре. Не останавливаясь, машина продлила последнюю линию вниз, а затем повела ее поперек. Линия коснулась кончика носа и, закруглившись, вернулась обратно.

Четыре незамкнутые петли оказались согнутыми пальцами. А пятая - большим пальцем, торчавшим наружу. Фиш тупо уставился на могучий кукиш.

Машина, негромко гудя, втянула манипуляторы обратно в гнезда. Вскоре лампочки погасли и гудение прекратилось. Снаружи снова раздался звонок - и продолжал трезвонить.

"Thing of Beauty", опубликован в журнале "Galaxy Magazine", 1958

ДЭЙМОН НАЙТ
КРАСОТКА НА ЗАКАЗ

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

Просачивавшийся сквозь жалюзи солнечный свет Лазурного Берега рождал в комнате золотистую дымку. На зеленом парчовом шезлонге лежала стройная блондинка в теннисном костюмчике, покачивая зажатой в руке ракеткой. Каждый взмах сопровождался глухим ударом по полу.

- Прекратила бы ты, - раздраженно заметил бородатый молодой человек. - Я уже второй раз порчу эту проклятую открытку. - Он швырнул в мусорную корзину кусочек цветного картона и положил перед собой на письменном столе другой.

- А ты прекратил бы пялиться в барах на стареющих брюнеточек, - отозвалась девушка. Во взгляде ее больших голубых глаз пылала злость.

- Стареющих! - машинально повторил молодой человек, отрываясь от своего занятия.

- Да ей наверняка все тридцать, если не больше, - заявила девушка. [Бум] - подтвердила теннисная ракетка.

- Ммм... - глядя на нее, промычал молодой человек.

- [Ммм], ч-черт! - передразнила девушка. Выражение лица ее сделалось определенно отталкивающим. - Вот возьму, да и...

- Что? - опасливо спросил молодой человек.

- А ничего. - Через некоторое время она сказала: - Вот мать знала бы, что с тобой делать. Она была ведьмой.

Не поднимая взгляда, молодой человек неодобрительно цокнул языком.

- Тебе не стоит так говорить о своей старой матушке, - заметил он.

- Она была [ведьмой], - упрямо повторила девушка. - Она могла превратиться в волка, в тигра - в кого ей хотелось.

- Разумеется, могла, - согласился молодой человек, подписывая открытку. - Ну вот - то, что нужно. - Он отложил открытку, закурил сигарету и несколько озабоченно взглянул на часы. - Все, Яна, шутики в сторону... Мы превосходно провели время...

- Но все подходит к концу? - угрожающим тоном спросила девушка. - Мы оба взрослые люди? Нам следует быть реалистами? Так, что ли? - Она встала и подошла к стенному шкафу.

- Ну, знаешь... - сконфуженно произнес молодой человек. Затем лицо его прояснилось. - Что ты делаешь?

Девушка достала чемодан из свиной кожи и открыла его с излишней поспешностью. Порывшись в одном из отделений, она вытащила замшевую сумочку.

- Кое-что ишу, - ответила она через плечо.

- А-а, - разочарованно отозвался молодой человек. Он смотрел, как девушка расстегивает ремешки и достает из сумочки небольшой предмет, завернутый в грязную красную тряпку и перевязанный бечевкой. Затем он снова посмотрел на часы, когда он поднял взгляд, в руках у девушки была бутылочка необычной формы.

- Что это?

- Матушкино наследство, - ответила девушка. Ногти ее неприятно царапали по стеклу, когда она соскребала воск и вынимала пробку. Красотка одарила молодого человека быстрым взглядом. - Так ты по-прежнему настаиваешь на своем?

- Послушай, Яна...

- Тогда за удачу. - Она поднесла к губам бутылочку и, запрокинув голову, сделала глоток. - Ну что ж, - сказала она, опуская пустую бутылочку, - посмотрим... - Затем согнула руку, разглядывая длинные ногти.

Молодой человек опять изучал свои часы.

- Уже без малого три, - пробормотал он. - Слушай, Яна, разве ты не говорила, что собираешься после обеда к парикмахеру?

- Я передумала. - Она внимательно посмотрела на него. - А

что... ты кого-то ждешь?

- О нет, - поспешно ответил молодой человек и энергично встал. - Яна, хочу у тебя спросить - ты не обиделась? Давай пойдем искупаемся.

- Понятно, - отозвалась девушка. - Скажи, как насчет сегодняшнего вечера - никаких планов? Никто к нам не собирался?

- Нет, никто.

- Значит, мы будем наедине - только вдвоем. - Она улыбнулась, показывая острые зубки. - Стало быть, у меня будет достаточно времени, чтобы решить. Решить, кем я буду, дорогой: твоей большой полосатой кошечкой, или твоей верной голодной собачкой?

Молодой человек, стаскивающий через голову футболку, не расслышал. Голос его был не совсем отчетлив:

- Слушай, если мы собираемся купаться, то надо поторапливаться.

- Ладно, - отозвалась девушка. - Подожди минутку, я переоденусь в бикини.

Появляясь наконец из футболки, молодой человек сказал:

- Рад, что ты все же решила не... - Он огляделся, но девушки в комнате не было. Он прошел по комнате, заглянул в спальню, затем в ванную. Пусто.

Когда молодой человек повернулся, от застекленной двери донесся легкий стук. Дверь открылась, и прелестная молодая брюнетка просунула голову в комнату:

- Роберт? Я не помешаю?

- Гизель! - радостно улыбаясь, воскликнул молодой человек. - Нет-нет, входи - ты как раз вовремя. Я только что собирался пойти искупаться.

С чарующей улыбкой молодая женщина вошла; фигура ее в коротком голубом платье также была прелестна.

- Ах, ничего не выйдет, - сказала она, - у меня нет купального костюма.

- Вот он! - бодро воскликнул молодой человек, схватив с шезлонга два кусочка полосатой материи. - Примерь.

- Но ведь это бикини твоей... твоей подружки. Она не станет возражать?

- Нет-нет - о ней и не думай.

Когда они выходили из комнаты, молодой человек со странным выражением на лице взглянул на полосатое бикини, соблазнительно обтягивавшее фигурку брюнетки.

- В чем дело, что-нибудь не так?

- Просто я подумал о том, что сказала Яна перед уходом... Нет, не может быть. Ну, пойдем же!

Смеясь и держа за руки, они вышли на солнце.

ДЭЙМОН НАЙТ
РИПМАВ

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

На планете Веегль в системе Фомальгаута мы обнаружили любопытную расу целлюлозных вампиров. Вееглиане, как и все высшие формы жизни на их планете, являются растениями, при этом следует заметить, что

вееглианские вампиры сосут из них сок.

Одна из аборигенок - секретарша нашей торговой миссии, девушка по имени Ксиксль - жаловалась на утомляемость и имела нездоровый розовый цвет в течение нескольких недель. Корневая система девушки заподозрила вампиризм, мы были настроены весьма скептически, хотя пришлось признать, что два зеленых по краям прокола у основания ее главного стебля указывают на что-то неладное.

В связи с этим мы следили за ее спальней коробкой три ночи подряд. (Вееглиане спят в коробках с почвой, сделанных из твердомякотного дерева, или вуугля, - по виду эти коробки весьма напоминают гробы.) И в самом деле - на третью ночь переводчик по имени Ффенгль, здоровенный, голубоволосый парень, прокрался в комнату Ксиксль и склонился над спальней коробкой.

Мы бросились, чтобы схватить негодяя, но он с невероятным проворством вывернулся и буквально взлетел по беломякотной лестнице. (Мясо единственной на Веегле животной формы жизни, "мякотных деревьев", или вууглей, быстро застывает на воздухе и широко используется в строительстве.) Мы обнаружили беглеца в совершенно неожиданном месте - у самой вершины старого здания, где он пытался спрятаться под покрывалами на какой-то древней кровати. Дело было жуткое. Мы прошили его вспышками из протонных ружей, и все же в самом конце, с какой-то совершенно невееглианской живучестью, он отчаянно пытался дотянуться до нас своими усиками.

Позднее он казался мертвее мертвого, но местные знатоки посоветовали нам соблюсти определенные предосторожности.

И тогда мы похоронили его с куском вуугля в сердцевине.

ДЭЙМОН НАЙТ СТРАНА МИЛОСТИВЫХ

Пер. с англ. М.К. Кондратьева

Когда я подкатил, смотритель на автостоянке дремал - толстый, вялый тип в черно-белом атласном трико. Сам я был в алом - как раз под настроение. Выйдя из машины, я подошел к нему вплотную.

- Стоянка или хранение? - автоматически спросил он, оглядываясь по сторонам. И тут он понял, кто я такой, и моментально спрятал глаза.

- Ни то, ни другое, - ответил я.

Как раз за его спиной маячил открытый проем ремонтного гаража. Я прихватил с полки паяльную лампу и вернулся к машине. Затем раскочегарил горелку и поставил ее как раз напротив колеса. Резина завоняла и зашипела, стекая на мостовую. Смотритель безмолвствовал.

Там я его и оставил, насладившись напоследок зрелищем черной воючей лужи на вылизанном до блеска бетоне.

Машина тоже была ничего себе, впрочем, я в любое время мог раздобыть себе другую. И захотелось мне прогуляться. И пошел я по извилистой дороге, заснувшей под предзакатным солнцем, по роскошной дороге, изрезанной теньями и овечьей благоухающей прохладой, под сенью листвы. А вокруг - никого. И жилья - никакого. Все укрыто дерном и кустарником. Это мне и нужно было. Я явился сюда вовсе не для того, чтобы полюбоваться жизнью и бытом местных кретинов.

Я наугад свернул и пересек холмистую лужайку, миновал вторую живую изгородь - боярышник в цвету - и вышел к большому теннисному

корту.

Разделенные натянутой сеткой, там играли две пары - в охотку, не особенно потея, - все четверо молодые, примерно вдвое моложе меня. Среди них - одна девушка, блондинка. Славно играли они, весело убивая время.

Я понаблюдал с минутку. Но вскорости ближайшая парочка почуяла, что я рядом. Я выступил на корт, как раз когда блондинка собралась подавать. Застыв на цыпочках по ту сторону сетки, она бросила на меня ледяной взгляд. Остальные тоже замерли.

- Все, - сказал я. - Собираем пешки.

Потом я смотрел им вслед, особенное внимание уделяя блондинке. Двигалась она не спеша, зажав ракетку под мышкой, - несколько вперевалку, но достаточно грациозно. Затем легкое оцепенение прошло, блондинка прибавила шагу и поспешила с корта вслед за тремя остальными.

Я шел сзади, выслеживая их по голосам, доносившимся из-за поворота тропы, что исчезала в сиреневых кустах, - я шел, вдыхая сладкий аромат, пока не дошел до того, что резало мне глаза далеким солнечным зайчиком. Площадка с солнечными часами и купальня для птиц, а вокруг на траве разостланы полотенца. Первую пару - тех, что с волосами потемнее, - я по-прежнему различал впереди на тропинке. Вторая пара исчезла.

Рычаг в траве я отыскал без труда. Механизм сработал, и продолговатый кусок дерна поднялся. Там оказалась лесенка, а не эскалатор, но мне было без разницы. Я сбежал вниз по ступенькам, зашел в первую попавшуюся дверь и оказался в овальной комнате отдыха на верхнем этаже. Мебель шикарная, самая что ни на есть буржуйская - расползшаяся, безобразная, на полу ворсистый ковер, а в воздухе аромат свежих цветов.

Блондинка сидела в ближнем углу комнаты спиной ко мне, рассматривая клавиатуру повара-автомата. Она уже почти избавилась от своего теннисного костюма. Стянув все остальное, она выступила из упавшей одежды, а затем обернулась и увидела меня.

Она снова удивилась - видно, у нее и в мыслях не было, что я смогу ее выследить.

Прежде чем ей пришлось в голову двинуться с места, я уже подобрался ближе; а потом было слишком поздно: блондинка поняла, что ей от меня никуда не деться; закрыв глаза, она прижалась к стене, слегка побледнев. Губы ее напряглись, а золотые брови нахмурились.

Я оглядел ее с головы до ног и отпустил пару-другую сомнительных комплиментов. Она задрожала, но не ответила. Поддавшись порыву, я наклонился и набрал на клавиатуре автоповара "горячий сырный соус". Я отключил предохранительное устройство и повернул указатель количества на максимум. Заодно я набрал "миску" и "чашу для пунша".

Дымящийся паром соус начал булькать в миске примерно через минуту. Я принял у автоповара две штуки и окатил стену слева и справа от блондинки. Затем прибыли чаши для пунша, и работа пошла быстрее. Я заляпал этим воючим соусом весь ковер; я пустил ручьи по всем стенам, загадил всю мебель, - в общем, натараканил везде, куда только смог дотянуться. Когда соус остынет, он станет твердым и липким - черта с два его потом отдерешь.

Очень хотелось размазать горячее варево по ее телу, но ей будет больно, а этого нам нельзя. Чаши для пунша с горячим соусом все еще выскакивали из автоповара, скапливаясь на конвейере. Я грохнул кулаком по кнопке "отмена", а потом заказал "сотерн" (сладкий, калифорнийский).

Он вышел хорошо охлажденный, в откупоренных бутылках. Я взял первую и уже занес было руку, чтобы плеснуть ей в грудь хорошую струю напитка, когда раздался голос за спиной:

- Осторожно, вино холодное.

Рука у меня дернулась, и жалкая струйка вина плеснула блондинке на бедра. Она уже успела открыть глаза и теперь только подпрыгнула.

Обезумев от ярости, я резко развернулся. Мужчина стоял совсем

рядом. Загорелый, широкоплечий, с тонкими чертами лица и живыми голубыми глазами. Если бы не он, моя уловка наверняка бы сработала - блондинка вполне могла принять холодный "сотерн" за обжигающий соус.

Представляю себе этот вопль. О, как мне хотелось услышать его!

Я направился к парню, но поскользнулся на залитом соусом ковре и подвернул ногу. Встав, я почувствовал, что меня уже ничто не сдержит.

- Ах ты, гнида! - Повернувшись, я схватил одну из чаш с горячим соусом и занес ее над головой, ошпарив руки... И тут мой недуг вновь овладел мной - это проклятое жужжание в голове, все громче и громче, так, что ничего уже не слышно и не видно.

Когда я очнулся, их уже не было. Еле-еле, словно реанимированная крыса, дополз до ближайшего кресла. Весь измазанный остывающим соусом, точно блевотиной. Мне хотелось умереть. Хотелось провалиться навсегда в ту темную пушистую дыру, что вечно разверзалась передо мной и никогда меня не принимала; но в конце концов я заставил себя выбраться из кресла.

Спускаясь в лифте, я снова чуть не потерял сознание. Ни блондинки, ни парня не оказалось ни в одной из спален второго этажа. Убедившись в этом, я опустошил все платяные шкафы и комоды, запихнул все их барахло в ванну и включил воду.

Я пытался искать на третьем этаже - в комнатах технического обслуживания и кладовках. Там было пусто. Я врубил котел отопления и установил термостат на максимальную температуру. Затем отключил все системы безопасности и аварийную сигнализацию. Не забыл я и про холодильники, оставил их открытыми, чтобы как следует разморозились и потекли. Затем я пинком распахнул дверь на лестничную клетку и отправился на второй этаж.

Здесь я немного задержался, полюбовавшись, как вода ручьями разливается по полу, а затем напоследок обыскал верхний этаж. Я открыл катушки с микрофильмами и разбросал их по комнате; я бы еще что-нибудь отколотил, но сил уже не оставалось. Наконец, поднявшись по лестнице, я рухнул на газон возле солнечных часов - и темная пушистая дыра поглотила меня с головой.

А вода тем временем прибывала.

Размороженные продукты вместе с прочей грязью уже выносило в верхний коридор, к лестничному колодцу. Скоро их подземная халупа окончательно раскиснет от воды и разлетится вдребезги. Конец идиллии.

Так им и надо.

Правда, эти кретины могут построить еще один дом - строят они почище бобров. У них все еще наладится. Но не у меня.

Самое раннее мое воспоминание - какая-то женщина, вероятно моя доп-мать, смотрит на меня с выражением ужаса и отчаяния. И все. Я пытался вспомнить, что происходило до или после, но не смог. Только черная яма беспамятства, глубокая, уходящая вниз до самого момента появления на свет. А дальше - море покоя.

Все, что я могу вспомнить от пяти до пятнадцати лет, - это безмятежное плавание в мутном море беспамятства. Я был вял и мягок - я только плыл по течению. Пробуждение перетекало в сон.

Когда мне исполнилось пятнадцать, в игры моих ровесников вмешалась любовь. Появилась такая мода, разделяться на пары на несколько месяцев или дольше. "Верность" - так мы это называли. Родителям такие игры не нравились, но мы сами считали себя вполне взрослыми людьми, отвечающими за свои поступки.

Все - кроме меня.

Мою первую девушку звали Элен. У нее были светлые волосы - длинные-предлинные. И еще у нее были темные ресницы и прозрачные зеленые глаза. Поразительные глаза - они на тебя будто и не смотрели. Как у слепой.

Несколько раз она бросала на меня странные изумленные взгляды, выразившие нечто среднее между испугом и гневом. Один раз - из-за того,

что я слишком крепко обнял ее, в других случаях - вообще непонятно из-за чего.

В нашей группе пара, распадавшаяся раньше, чем через четыре недели, вызывала некоторое подозрение.

И вот ровно через четыре недели и один день после того, как мы с Элен составили пару, она заявляет, что порывает со мной.

Раньше я думал, что окажусь к этому готов. Но сразу после ее слов я почувствовал, как комната поворачивается на полоборота, пока стена не наткнулась на мою ладонь и не замерла.

Это была комната досуга. Здесь находились мои коллекции. Помню, под рукой как раз оказался набор ножей из сверхпрочного пластика. Я машинально взял один из них, скорее всего для того, чтобы напугать ее.

И когда я направился к Элен, меня встретил взгляд, полный изумления и ненависти. Но вот что было странно: она смотрела не на нож. Она смотрела прямо мне в лицо.

Потом меня, всего залитого кровью, нашли взрослые и заперли в какой-то комнате. И когда я впервые в жизни осознал, на что способно человеческое существо, настала моя очередь испугаться. И страх настиг меня.

Ведь то, что я сделал с Элен, думал я, смогут сделать и со мной.

Но они не смогли. Они отпустили меня.

И именно тогда я понял, что я властитель этого мира...

Тем временем небо уже налилось фиолетовым светом, а от изгородей протянулись тени. Я стал спускаться с холма и заметил призрачно-голубое сияние фотонных трубок неподалеку от опустевшего рынка. Я по привычке направился на свет.

Там выстраивалась длинная очередь, и все показывали на входе свои документки. Я протолкнулся сквозь эту организованную толпу - ошеломленные лица замаячили по сторонам, человеческая плоть тревожно вздрагивала и отшатывалась от меня - и в конце концов попал в раздевалку.

Ремешки, акваланги, маски и ласты - бери что хочешь. Я разделся, бросая одежду где попало, и облачился в экипировку для подводного плавания. Я прошагал в сторону бассейна, чудовищный, похожий на существо из другого мира. У бортика я приладил акваланг, натянул ласты и рухнул в воду.

Внизу все светилось кристально-голубым, а фигуры пловцов скользили в этой голубизне, будто бледные бесплотные ангелы. Стайки мелких рыбешек разлетались на моем пути. Сердце мое колотилось мучительно и радостно.

Внизу, глубоко внизу я заметил девушку, неторопливо изгибавшуюся в затейливом подводном танце вокруг бугристой колонны имитированного коралла. В руках у нее была охотничья острога, но девушка не охотилась - она просто танцевала у самого дна бассейна.

Я подплыл ближе. Она была молода и изящна. Как только девушка заметила мои неуклюжие попытки подражать ее танцу, глаза ее под маской засияли от удовольствия. Она отвесила мне шуточный поклон и медленно заскользила дальше, делая простые, подчеркнуто простые движения - как в детском балете.

Я подхватил. Я описывал пируэты вокруг девушки - вначале нескладно, но мало-помалу все-таки освоил ее замысловатый танец.

Я заметил, как глаза ее широко раскрылись от удивления. Затем она подстроила свой ритм к моему, и, то сплетаясь, то разъединяясь, мы совместными усилиями творили венок нашего танца. Наконец, утомленные, мы прижались друг к другу, укрытые от посторонних взоров, на самом дне, под мостом из искусственного коралла. Ее прохладное тело покоилось в моих объятиях; глаза ее за двухслойными стеклами - далекие, как другой мир! - были дружелюбны и ласковы.

Затем настал момент, когда мы - незнакомые друг с другом и все же составлявшие теперь как бы одну плоть - ощутили, как наши души

разговаривают одна с другой сквозь эту бездну материи. Наше объятие оставалось несовершенным, ущербным - мы не могли целоваться, не могли разговаривать, но руки ее доверчиво лежали у меня на плечах, и взгляд мой тонул в ее глазах, полных неги и покоя.

Сердце мое трепетало от одной мысли, что это должно когда-то кончиться. Она указала рукой вверх и выскользнула из моих объятий. Я последовал за ней. После недавнего приступа моего недуга я чувствовал приятную усталость и едва ли не удовлетворение. Я думал... Трудно сказать, что я тогда думал.

Мы вскарабкались на бортик бассейна. Она повернулась ко мне, снимая маску - и улыбка замерла, а затем растаяла у нее на лице. Сморщив нос, она уставилась на меня с ужасом и отвращением.

- Пий! - воскликнула она и отшатнулась.

Не в силах отвести от нее глаз, я увидел, как она упала в объятия светловолосого мужчины, и услышал ее срывающийся, истерический голос.

- Ты что, забыла? - пробурчал мужчина. Он обернулся. - Хел, есть там в клубе копия?

В ответ послышалось бормотание, а несколько мгновений спустя показался молодой человек с тонкой брошюровкой коричневого цвета в руках.

Я знал, что это за книжка. Я даже мог бы сказать, какую страницу открыл светловолосый; какие фразы читала девушка, пока я наблюдал за ними.

Я ждал. Сам не знаю почему.

Я услышал, как она взвизгнула:

- Подумать только, что я позволила ему коснуться меня!

Светловолосый стал утешать ее, говорил он тихим, вкрадчивым баритоном, так что я не слышал ни слова. Я видел, как девушка гордо выпрямилась и бросила на меня косой взгляд... Всего несколько метров благоухающего, залитого голубым светом воздуха - и целый мир между нами... А затем смяла брошюру в комок, отшвырнула и резко повернулась ко мне спиной.

Брошюра приземлилась почти у моих ног. Я расправил ее и прочел на той самой странице, о которой думал:

["...седация до пятнадцати лет, когда по соображениям пола это перестало быть целесообразным. Пока консультанты и медицинский персонал колебались, он в приступе бешенства убил девушку из своей группы".]

И ниже:

"Окончательное решение включало в себя три пункта:

1. Мера наказания. Представляет собой санкцию, единственно возможную в нашем гуманном, терпимом обществе. Изоляция: не разговаривать с ним, не прикасаться к нему добровольно, а также не признавать его существования.

2. Меры предосторожности. Благодаря некоторой предрасположенности к эпилепсии, был применен один из вариантов так называемой аналоговой техники Куско для предотвращения любого возможного акта насилия с помощью эпилептического припадка.

3. Предупреждение. Тщательное изменение химического состава его тела повлекло за собой то, что выдыхаемый им воздух и выделяемые им отходы испускают чрезвычайно едкий и неприятный запах. Из соображений милосердия сам он был изменен так, что запах этот почувствовать не способен.

К счастью, комбинация генетических факторов и влияния окружающей среды, приведшая к образованию данного атавизма, полностью исследована и объяснена, так что в дальнейшем подобное..."]

Дальше слова перестали что-либо значить, как всегда случалось в этом месте. Дальше я ничего не хотел читать - все равно чепуха. Я был властителем мира.

Я встал и пошел прочь - в ночную тьму, даже не замечая кретинов, толпившихся в комнатах, через которые я проходил.

Через два квартала начиналась торговая зона. Я нашел вход в магазин и вошел туда. Я не обращал внимания на то, что выставлено в витринах, - там серяк, тряпки для нищих оборванцев. Я прошел мимо этих витрин к специальному отделу и обнаружил там достойный костюм, который смог бы носить: серебряный с голубым и строгая черная окантовка по краям. Любой кретин сказал бы, что это "очень мило". Я нажал кнопку рядом с костюмом. Шкаф-автомат поднял на меня тупой стеклянный глаз и проквашал:

- Вашу расчетную книжку, пожалуйста.

Я вполне мог бы предоставить ему расчетную книжку, если бы позаботился выйти на улицу и отобрать ее у первого встречного; но на такое у меня не хватило бы терпения. Вместо этого я вытащил из расположенного рядом бара одноногий столик, поднял его над головой и швырнул в дверцу шкафа. Раздался грохот, и на железке напротив запора образовалась вмятина. Я еще раз швырнул столик, целя в то же место, после чего дверца настезь распахнулась. Я набрал целую охапку одежды - все, что было нужно.

Там же я принял ванну и переоделся, а затем забрался в большой многоторг чуть дальше по авеню. Супермаркеты почти ничем не отличаются друг от друга. Я сразу отправился в отдел ножей и подобрал там три штуки разных размеров - самый маленький размером с ноготь. Теперь я мог рассчитывать только на удачу. Я, как и в прошлый раз, попытал счастья в мебельном отделе, где мне время от времени везло; но в этом году была мода на все металлическое. Мне же требовалось крепкое дерево.

Я знал, где имеется хорошая заначка вишневого дерева - в просторных блоках заброшенного торгового склада на севере, в местечке под названием Кутеней. Я мог бы захватить запас на несколько лет - но зачем, когда весь мир и так принадлежал мне?

Наконец в отделе товаров для мастерских я обнаружил кое-какие древности: столы и скамейки, все с деревянными крышками. Пока эти придурки толпились в дальнем углу магазина, притворяясь, что не замечают меня, я отпилил хороший кус от самой маленькой скамейки и сделал для него основание из другой.

Раз уж я туда забрался, лучшего места для работы искать вряд ли стоило, а есть и спать я мог наверху.

Я знал, что мне надо. Это должна была быть фигурка человека, сидящего со скрещенными ногами, откинутой назад головой и закрытыми глазами.

Вся работа заняла три дня. Получился не человек и не дерево - я создал нечто новое, чего до сих пор просто не существовало.

Красота. Было такое старинное слово.

Одна из рук фигуры как бы расслабленно свисала, а другая была сжата в кулак. Я взял самый маленький нож, тот, что использовал для шлифовки. Просверлив отверстие в деревянной руке фигурки - как раз между большим и указательным пальцами сжатого кулака, я воткнул туда нож; в маленькой руке он казался мечом.

Я зацементировал нож намертво. Затем выбрал клинок поострее и, надрезав большой палец, смазал кровью лезвие маленького ножа.

Остаток дня я провел в поисках и в конце концов нашел подходящее место - нишу в разломе скалы на маленьком треугольном клочке земли, почти нетронутым, у развилки двух дорог. Разумеется, в таком обществе, как наше, ничто не могло оставаться неизменным, когда каждый меняет свое жилище раз в пять лет или даже чаще, следуя веяниям моды.

Послание у меня уже было готово, из напечатанных еще в прошлом году. Бумага обработана специальным составом, чтобы ни дождь, ни солнце не нанесли ущерба тексту. У дальней стены в нише я припрятал маленькую фотокапсулу и провел контрольный провод в скобе у основания фигурки. Я водрузил фигурку на листок с посланием и в двух местах слегка смазал ее

цементом. Делал я это не в первый раз и поэтому точно знал, сколько потребуется цемента, чтобы фигурка сдвинулась с места только тогда, когда кто-нибудь действительно захочет ее сдвинуть.

Затем я отошел немного, чтобы оценить свою работу, - и сила ее и трогательность заставили меня затаить дыхание; слезы выступили у меня на глазах.

Свет прерывисто мерцал на замазанном темными пятнами лезвии, торчавшем из деревянной руки. Фигурка одиноко сидела в своей нише, будто в склепе. Глаза ее были закрыты, а голова запрокинута, лицо обращено вверх, к солнцу.

Но над головой у нее - только камень. И не было для нее солнца.

Сгорбившись на голой холодной земле под перечным деревом, я смотрел через дорогу на затененную нишу, где сидела моя фигурка.

Здесь все было закончено. Меня больше ничто не держало - но уйти я не мог.

Время от времени мимо проходили люди - не слишком часто. Община, казалось, наполовину опустела, будто большинство населения отправилось на какую-нибудь бурную вечеринку или митинг или посмотреть, как роют новый дом взамен того, что я уничтожил... Лицо мне освежал легкий ветерок, притаившийся в листве.

По другую сторону впадины находилась терраса, и на ней с полчаса назад промелькнула голова мальчика в красной шапочке.

Поэтому я и задержался. Ведь мальчик вполне мог бы спуститься с террасы на дорогу и, проходя мимо маленького полудикого треугольника, заметить мою фигурку. К тому же он мог бы остановиться и подойти поближе, а подойдя ближе - поднять деревянного человечка и прочесть, что написано в лежащем под ним послании.

Я верил, что когда-нибудь это должно случиться. Изнывая от нетерпения, я жаждал этого момента.

Мои резные фигурки были разбросаны по всему миру - куда я только не забредал. Одна, грязно-черная, вырезанная из эбенового дерева, находилась в Конго-Сити; другая, из кости, на Кипре; еще одна, из раковины, в Нью-Бомбее; еще одна, из нефрита, в Щанхае.

Мои фигурки - словно семафоры в мире, не способном различать цвета. И только тот, кого я искал, поднимет одну из них и прочтет послание, которое сам я знал наизусть.

ТЕБЕ, ВИДЯЩЕМУ, говорилось там вначале, **Я ПРЕДЛАГАЮ ЦЕЛЫЙ МИР:**

Вверху, на террасе, снова мелькнуло красное пятно. Я застыл.

Минутой позже оно появилось снова, в другом месте, - мальчик в остроконечной шапочке, напоминавшей голову дятла, спускался по склону.

Я затаил дыхание.

Он приближался ко мне. На фоне трепещущей листвы карандашники солнечного света разрисовали его в пестрые, меняющиеся цвета. Смуглое лицо мальчугана казалось необычно серьезным. Оттопыренные уши моментально загорались розовым, как только он поворачивался к солнцу спиной.

Наконец мальчик достиг развилки и выбрал дорогу, которая вела в мою сторону. Когда он подошел ближе, я совсем съежился. "Пусть он увидит фигурку, пусть он не заметит меня", - неистово проносилось в моей голове.

Пальцы мои тем временем судорожно сжимали камень.

Он подходил все ближе; руки в карманах, взгляд уткнулся под ноги.

Когда мальчик оказался почти напротив меня, я бросил камень.

Он прошуршал сквозь листву и упал рядом с нишей в скале. Мальчик повернул голову, затем остановился, присматриваясь. Думаю, он заметил фигурку. Уверен, что заметил.

Мальчик сделал шаг в сторону ниши.

- Риша! - донеслось с террасы.

И он поднял глаза.

- Я здесь, - пропищал он в ответ.

Я увидел голову женщины - такую маленькую, высоко на террасе. Она что-то кричала, но слов нельзя было разобрать. Скрипя зубами от ярости, я уже готов был вскочить.

И тут ветер переменился. Теперь он задул за моей спиной. Мальчик резко обернулся, сделал большие глаза и зажал рукой нос.

- Ой, какая вонища! - заверещал он.

И повернулся, чтобы крикнуть. "Иду!" - и торопливо зашагал обратно по дороге.

Сорвалось! Я был уверен, что все получилось бы, если бы не та проклятая женщина и переменившийся ветер... Все, все против меня - ветер, люди и вообще все на свете.

А фигурка так и сидела, уперев слепые глаза в каменное небо.

Я забрал фигурку из ниши, а вместе с ней и послание - и взобрался по склону. На вершине звенел прозрачный смех мальчика.

Вскоре я преодолел склон и неожиданно натолкнулся на мальчика, стоявшего на коленях на траве. Он играл с пятнистым щенком.

Мальчик взглянул на меня, и смех застыл у него в горле. Скверно, ветра совсем не было, и он вполне мог почувствовать запах. Но все же я подошел к нему, опустился на одно колено и поднес фигурку к его лицу. Почти вплотную.

- Посмотри... - сказал я.

Он рванулся прочь так поспешно, что и разглядеть ничего не успел, кроме приближавшегося к нему коричневого пятна.

Я бежал за ним, спотыкаясь и падая. В руке я держал фигурку, а вместе с ней и послание.

Дверь захлопнулась прямо перед моим носом. Я стучал по ней, пока случайно не попал по кнопке. Когда дверь открылась, я ворвался в дом с криком: "Погоди!" - и вскоре очутился на извилистой лестнице, освещенной жемчужно-серым светом. Я бежал наугад и попал не в ту дверь - в подземную оранжерею, горячую и влажную в желтом свете, где длинные ряды буйной растительности нависали над проходом. В ярости я ринулся по проходу, опрокидывая горшки, пока не добрался до лифта в вестибюле.

Вскоре я вышел на третий этаж, оказавшись в лабиринте комнат для гостей - гулких и пустых комнат. Здесь я услышал голоса.

Последняя дверь была прозрачной витриной, и я не торопился открывать ее, приглядываясь и прислушиваясь. За ней находились мальчик и женщина, его мать или сестра, и еще одна женщина, постарше. Она сидела в массивном кресле и держала в руках щенка.

Когда я ворвался внутрь, наступило общее замешательство, душное, будто одеяло, сквозь которое не мог пробиться мой голос. Я почувствовал, что должен кричать.

- Все, что они говорят тебе, - ложь! - крикнул я - Посмотри сюда - вот где правда! - Я держал фигурку прямо у него перед глазами, но мальчик не видел.

- Риша, иди вниз, - тихо промолвила молодая женщина. Он послушно повернулся, проворный, как хореk, но я успел загородить ему дорогу.

- Останься, - сказал я, тяжело дыша. - Только взгляни:

- Помни, Риша, разговаривать нельзя, - предупредила женщина.

Больше терпеть я не мог. Не знаю, куда делся мальчик, я потерял его из виду. С фигуркой в одной руке и посланием в другой я бросился на женщину. Я почти успел - почти добрался до нее, но жужжание в голове остановило меня за каких-то полшага. Оно нарастало - все громче и громче, как в конце света.

Второй приступ за последнюю неделю. Я чудовищно ослаб и поначалу не мог даже сдвинуться с места.

В доме царил безмолвие. Все ушли. После моего визита дом считался оскверненным. Они уже никогда не станут здесь жить. Ничего,

отстроится в другом месте.

В глазах у меня стоял туман. Некоторое время спустя я поднялся и оглядел комнату. Конечно, можно было раздрать обои, переломать мебель, набить коврами и постельным бельем подземную кладовку... Но не лежала у меня к этому душа. Я слишком устал. Тридцать лет... Тридцать лет назад они уступили мне все царства мира сего - а значит, и славу. Куда больше того, что может выносить человек тридцать лет.

В конце концов я наклонился и подобрал фигурку, а вместе с нею и послание. Жалкий был вид у него - будто у письма, которое выбросили непрочитанным.

Я горько вздохнул.

А затем разгладил бумажку и еще раз прочел последнюю часть.

ТЫ МОЖЕШЬ РАЗДЕЛИТЬ СО МНОЙ ВЕСЬ ЭТОТ МИР. ОНИ НЕ СМОГУТ ОСТАНОВИТЬ ТЕБЯ. ВОССТАНЬ - ВОЗЬМИ ОСТРОЕ И КОЛИ, ВОЗЬМИ ТЯЖЕЛОЕ И БЕЙ ЭТО ВСЕ, ЧТО НУЖНО. ТЫ СТАНЕШЬ СВОБОДНЫМ. ЭТО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ЛЮБОЙ.

Любой. Кто-нибудь. Любой.

ДЭЙМОН НАЙТ СЮЖЕТНЫЙ ПОВОРОТ

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

1

Была суббота, теплый весенний денек, и Джонни Борниц провел все утро в Центральном парке. Рисовал моряков, лежавших с девушками на травке, рисовал стариков в соломенных шляпах и весельчаков, толкавших свои тележки. Успел сделать два мгновенных наброска ребятишек у пруда с игрушечными лодочками и сделал бы еще один, просто прелестный, если бы не чей-то здоровенный дог. Играя, пес наскочил на Джонни и заставил его со всего размаху сесть прямо в воду.

Ясноглазый пожилой джентльмен с важным видом помог художнику встать. Джонни поразмыслил над случившимся, затем отжал в мужском туалете мокрые штаны, снова натянул их и развалился на солнышке, будто морская звезда. Он высох раньше, чем его альбом, так что Джонни сел на автобус обратно в деловую часть, сошел на Четырнадцатой улице и забрел к Майеру.

Единственный попавшийся на глаза продавец демонстрировал некой твидовой даме замысловатый складной мольберт - дама, похоже, понятия не имела, с какого конца за мольберт ухватиться. Джонни взял из стопки на столике нужный ему альбом и немного послонялся вокруг да около, разглядывая манекены, бумажные палитры и другие приманки для любителя. Он заметил в другом проходе занятые текстурированные листы и попытался подобраться к ним поближе, но, как обычно, не рассчитал разворот своих костлявых коленей и обрушил целую пирамиду баночек с красками. Пританцовывая и отчаянно стараясь сохранить равновесие, он умудрился опустить ногу под каким-то немислимим углом, вмял крышку одной из баночек и к черту-дьяволу расплескал повсюду алую эмаль.

Лишившись дара речи, он молча заплатил за краску и вышел. После чего обнаружил, что где-то посеял альбом. Бог, судя по всему, не благоволит к тому, чтобы Джонни сегодня вообще делал наброски.

Кроме того, Джонни оставлял за собой на тротуаре небольшие алые следы. Вытащив из мусорной урны газету, он с грехом пополам потер ботинок и зашел в кафе-автомат выпить чашечку кофе.

Кассир сцапал его доллар и выложил на мраморный прилавок два ряда волшебных даймов - все они дружно звенели, будто злобные металлические насекомые. В ладони у Джонни они повели себя как живые, один из них выпрыгнул, но Джонни стремительно рванулся и поймал дайм прежде, чем тот оказался на полу.

Победоносно раскрасневшись, Джонни пробил себе дорогу к разливному автомату, поставил чашечку под краник и опустил в щель свой дайм. Из краника хлынула струйка кофе, наполнила чашечку и продолжала течь.

Джонни какое-то время просто наблюдал. Кофе продолжал переливаться через край чашечки - слишком горячий, чтобы дотронуться; он расплескивался по металлической решетке и, булькая, стекал вниз.

Седовласый степенный мужчина оттер Джонни от автомата, взял с полки чашечку и безмятежно наполнил ее под краником. Примеру седовласого последовал кто-то еще, а вскоре там уже собралась целая толпа.

В конце концов, это ведь его дайм. Джонни взял другую чашечку и стал дожидаться своей очереди. Тут в толпу яростно ворвался сердитый мужчина в белом халате, и Джонни услышал, как он что-то выкрикивает. Вскоре толпа стала рассасываться.

Струйка оборвалась. Мужчина в белом халате взял самую первую чашечку Джонни, опорожнил ее, поставил на тележку с грязной посудой и ушел.

Очевидно, Бог не благоволил и к тому, чтобы Джонни выпил хоть немного кофе. Джонни просвистел несколько задумчивых тактов из "Диски" и отправился восвояси, глядя в оба, чтобы избежать новых бед.

У тротуара в лучах солнца стояла большая ручная тележка, плававшая желтыми бананами и красными яблоками. Джонни удержал свой порыв.

- Ох, нет, - пробормотал он, непреклонно развернулся и осторожно направился по авеню, поглубже засунув руки в карманы. В такой день, какой, похоже, вырисовывался, и подумать было страшно, что он может вытворить с полной фруктов ручной тележкой.

А как насчет того, чтобы это нарисовать? Полуабстракция - "А жизнь все идет". Летающие мандарины, зеленые бананы, пыльный конкордский виноград, запечатленные хлопнувшимися глазом художника. Сезанн, из собрания Стюарта Дэвиса. Вот, черт возьми, было бы неплохо!

Джонни даже видел картину, грубую и обрывочную, где-то 36 на 30 (ему снова пришлось бы заглянуть к Майеру или еще куда-нибудь - за подрамниками) - краски, приглушенные на фиолетовом фоне, но все же кричащие друг на друга, будто орава попугаев. Тут и там черные контуры, вплетающие в картину нечто вроде абсурдистского ковра. Никакой глубины, никакой светотени - ровная расцветка пасхальных яиц, сияющая столь же загадочно, как Пэрриш, разрезанный на кусочки составной картинкой. Обрамить все это белым с зеленовато-серым оттенком - ух ты! А подать сюда Музей современного искусства!

Бананы, решил Джонни, будут вот так разлетаться на переднем плане - изогнутые, как бумеранги. Сделать пожилых дам из ошкошской парусины. Такой интенсивный маслянисто-желтый, переходящий в ядовито-зеленый... Джонни рассеянно вытянул указательный палец и ткнул один из ближайших фруктов, ощущая, как меловая плоскость выгибается к сухому и твердому стеблю.

- Сколько, Мак?

На мгновение Джонни подумалось, что он описал круг по кварталу и вернулся к знакомой тележке, затем художник увидел, что тут одни бананы. Джонни оказался на углу Одиннадцатой улицы; слепой и глухой ко всему, он миновал три квартала.

- Не надо бананов, - торопливо выговорил Джонни, пятясь от тележки.

Тут сзади раздался визг. Художник обернулся - твидовая дама гневно сверкала на него глазами, размахивая необъятным чемоданом.

- Вы что, не видите, куда...

- Простите, мэм, - выговорил Джонни, отчаянно пытаясь сохранить

равновесие. Затем он все же сверзился с края тротуара, ухватившись за ручную тележку. Что-то скользкое вылетело из-под ноги. Джонни катился, как кегельный шар, вперед ногами к единственному столбику, что поддерживал другой конец тележки...

Первым, кого он заметил, когда сел там по грудь в бананах, если не считать проклинавшего Джонни торговца, который из последних сил удерживал тележку, был шустрый седовласый джентльмен, стоявший в первом ряду оживленной толпы.

Тот самый, что?..

А если подумать, то и твидовая дама?..

Чушь.

Все то же самое, вдруг щелкнуло в голове у Джонни. Через десять невнятных минут он стоял, задыхаясь, на коленях у себя дома перед шкафом и вытаскивал оттуда необрамленные картины, обувные коробки, полные писем и выдавленных тюбиков из-под краски, туристский топорик (для растопки), старые свитера и заплесневелые журналы, пока не обнаружил выдавший виды чемодан.

В этом чемодане, под неаккуратными стопками набросков и акварелей, хранилась небольшая картонная папка. В папке лежали две газетные вырезки.

Одна вырезка из "Пост" трехлетней давности: там был запечатлен Джонни, стоящий на одной ноге в позе свихнувшегося фламинго, обтекаемый потоком воды из гидранта, который тогда как раз открыли сорванцы с Третьей авеню. Другая, из "Джорнэл", датировалась двумя годами раньше: там Джонни, казалось, мечтательно прогуливается вверх по стене, на самом же деле он только что поскользнулся на заледеневшей улице в районе Сороковых.

Не веря своим глазам, он несколько раз моргнул. На заднем плане первой фотографии виднелось с полдюжины фигур, в основном дети.

Среди них - твидовая дама.

На заднем плане второй фотографии присутствовал лишь один человек. Седовласый старичок.

Хорошенько поразмыслив, Джонни понял, что страшно напуган. На самом деле ему никогда не нравилось изображать клоуна, у которого рубашка вечно попадает в ширинку, который намертво застревает в лифтах и дверях-турникетах и без конца спотыкается на булыжнике. Джонни кротко принимал все это как свою горькую долю, а в перерывах между бедствиями у него находилась масса поводов посмеяться. Но если предположить, что все это с ним проделывали? Большая часть таких происшествий была вовсе не смешна, с какой стороны ни глянь. Раз получилось, что водитель автобуса зажал дверью ногу Джонни и тащил его метра три, отчего бедняга прыгал по мостовой. Серьезных ушибов Джонни тогда не досталось, но что, если бы его вовремя не заметил тот пассажир?

Художник снова осмотрел вырезки. Вот они, знакомые все лица, и даже одежда та же самая, если не считать того, что старичок был в пальто. Даже выцветшие полутона передавали хищный блеск его очков, а острый клюв твидовой дамы смотрелся почище ястребиного. Жуть!

Джонни стал душить панический страх. Он почувствовал себя человеком, беспомощно ожидающим развязки давнего дурного анекдота, или мышью, с которой забавляется кошка. Дальше должно случиться что-то совсем скверное. Дверь открылась, кто-то вошел в комнату. Джонни поднял напряженный взгляд, но это оказался всего-навсего Герцог-дюжий, в заляпанной краской нижней рубашке, с пережеванной сигаретой в уголке рта. Привычные залихватские усы Герцога в стиле Эррола Флинна и пара черных, типа "чей ты оруженосец?", бровей теперь соседствовали с мехом суточной щетины. Вероломен, умен, задирист, изобретателен, умеет внушать доверие, великий скандалист и соблазнитель женских сердец, короче, один к одному Челлини, если не считать того, что таланта у него ни на грош.

- Прячешься? - спросил Герцог, показывая клыки.

До Джонни понемногу дошло, что, увидев его скорчившимся в таком

виде перед шкафом, можно подумать, что он собирается нырнуть туда и натянуть на голову пальто. Он судорожно поднялся, хотел сунуть руки в карманы и обнаружил, что все еще держит вырезки. Слишком поздно. Герцог аккуратно отобрал вырезки у Джонни, изучил их критическим оком, а затем с серьезной миной взглянул на товарища.

- Не слишком лестные документы, - заметил он. - У тебя что, кровь на лбу?

Джонни пощупал лоб, на пальцах осталось чуть-чуть красного.

- Я упал, - неловко пояснил он.

- Мальчик мой, - сказал ему Герцог, - с тобой что-то случилось.

Исповедуйся своему старому дядюшке.

- Да я просто... Знаешь, Герцог, я занят. Тебе что-нибудь нужно?

- Только одно - быть твоим верным советником и проводником, - заверил Герцог, надежно впредсвивая Джонни в кресло. - Просто откинься на спинку, расслабь все сфинктеры и скажи первое, что придет в голову. - Он явно ждал ответа.

- Уфф, - выдохнул Джонни.

Герцог умудренно кинул.

- Висцеральная реакция. Ты экзистенциалист. Хочешь избавиться от самого себя - убраться подальше. Скажи, когда ты идешь по улице, тебе не кажется, что здания с обеих сторон вот-вот начнут сходитьсь? Не преследуют ли тебя зеленые человечки, что появляются из разных деревьев? Не испытываешь ли ты всеподавляющую потребность оставить город?

- Испытываю, - искренне ответил Джонни.

Герцог, похоже, удивился.

- И что же? - спросил он, разведя руками.

- Куда мне отправиться?

- Я рекомендую солнечный Нью-Джерси. Интереснейшая штука - у каждого городишки свое название. Их миллионы. Выбирай любой. Хакенсак, Перт-Амбой, Пассейик, Тинек, Нью-арк? Нет? Ты совершенно прав, слишком соблазнительно. Дай-ка подумать. Дальше на север? Провинстаун. Мартас-Вин-Ярд - в это время года там чудно. Или Флорида. Я уже вижу, Джонни, как ты сидишь на солнышке у сгнившей пристани и ловишь трахинотусов на гнутую булавку. Мирный, размякший, свободный от забот...

Джонни ворошил в кармане мелочь. Художник не знал, что у него в бумажнике - таких подробностей он никогда не знал, - но был уверен, что маловато.

- Герцог, а ты случайно не видел Теда Эдвардса? - с надеждой спросил он.

- Нет. А что?

- Гм. Он должен мне немного денег, вот и все. Сказал, что отдаст сегодня или завтра.

- Если дело в деньгах.. - мгновение спустя произнес Герцог.

Джонни с недоверием на него взглянул.

Герцог доставал из кармана засаленный бумажник. Щелкнув кнопкой, он вдруг помедлил.

- Джонни, а ты правда хочешь выбраться из города?

- Ну да, конечно, только...

- Зачем тогда вообще друзья, Джонни? Просто обидно. Пятьдесят хватит?

Герцог отсчитал деньги и сунул их в онемевшую ладонь Джонни.

- Ни слова. Дай я запомню тебя таким, какой ты есть. - Он изобразил рамку и прищурился. Затем вздохнул, взял потрепанный чемодан и с неимоверной энергией принялся за работу, запихивая туда вещи из платяного шкафа. - Рубашки, носки, нижнее белье. Галстук. Чистый носовой платок. Вот и чудно. - Он закрыл крышку. Затем, пожав руку Джонни, стал подталкивать его к двери. - "Не думай, что все это было прекрасно, ведь так не бывало. По жизни плывем в океане - плывем, говоря лишь друг с другом. Лишь голос и взгляд, затем только тьма и молчанье".

Джонни вдруг уперся.

- В чем дело? - осведомился Герцог.

- Я только что понял - сейчас не могу. Отправляюсь вечером. Возьму билет на последний поезд.

Герцог выгнул брови.

- Но чего ждать, Джонни? Коси траву, пока солнце. Куй железо, пока горячо. Время не ждет.

- Они увидят, как я уезжаю, - растерянно ответил Джонни.

Герцог нахмурился.

- Хочешь сказать, тебя и впрямь преследуют зеленые человечки? -

Лицо его вдруг задергалось, и Герцог с трудом восстановил неподвижность своей физиономии. - Что ж, тогда... извини. Минутное затмение. Но видишь ли, Джонни, тогда тебе никак нельзя терять время. Если тебя преследуют, они должны знать, где ты живешь. Почему ты так уверен, что они сюда не заявятся?

Джонни, пыхтя и заливаясь краской, так и не смог придумать подходящего ответа. Поначалу он хотел скрыться под покровом темноты, но тогда еще по меньшей мере пять часов...

- Послушай, - вдруг сказал Герцог - Я знаю, что делать. Бифф Фельдстайн, он же работает в Черри-Лейн! Тебя родная мать не узнает. Подожди здесь.

Через пятнадцать минут он вернулся с охапкой старой одежды и предметом, который при ближайшем рассмотрении оказался небольшой рыжеватой бородкой.

Джонни безропотно ее нацепил, используя клей из тюбика, также принесенного Герцогом. Герцог помог художнику влезть в лоснящуюся от жира потрепанную куртку непонятного цвета и нахлобучил ему на голову берет. В результате Джонни предстал в зеркале перед собственным испуганным взглядом так шарлатан прежних времен из Виллиджа или торговец французскими почтовыми открытками. Герцог критически его осмотрел.

- Впечатляет, хоть сейчас и не война, - заметил он - Впрочем, красиво жить не запретишь. Allons! Я трава - я все покрываю!

Торопливо направляясь к Шестой и крепко держа Джонни под локоть. Герцог вдруг остановился.

- Ха! - воскликнул он. Затем нагнулся и что-то подобрал. Джонни перевел стеклянный взгляд спутнику на ладонь. Там лежала пятидолларовая банкнота.

Герцог спокойно убрал находку в бумажник.

- И часто у тебя так? - спросил Джонни.

- Все время, - ответил Герцог. - Надо только смотреть в оба.

- Удача, - слабо прошептал Джонни.

- И не думай, - возразил ему Герцог. - Поверь на слово более старшему и более умудренному. В этом мире ты сам кузнец своей удачи. Подумай о Ньютоне. Вспомни об О'Дуайере. Что? Рука застряла в банке с вареньем? Вы спрашивали об этом. А твоя беда в том...

Джонни, уже знакомый с теорией Герцога, дальше не слушал. Смотри-ка, подумал он, сколько всякой всячины должно было случиться, чтобы Герцог подобрал ту пятерку. Для начала кто-то должен был ее потерять: встретил, скажем, приятеля в тот самый момент, когда собирался убрать ее в бумажник, и просто сунул ее в карман, чтобы пожать приятелю руку. А потом забыл, стал доставать носовой платок, и будь здоров. Дальше должно было получиться так, чтобы каждый, кто там с тех пор проходил, смотрел в другую сторону или думал о другом. И наконец. Герцог именно в ту нужную секунду должен был посмотреть под ноги. Крайне маловероятно. И все же каждый день такое случалось.

Кроме того, людям ежедневно разбивали головы цветочные горшки, падавшие с карнизов десятого этажа. Люди ежедневно проваливались в люки и натыкались на шальные пули, которые в изобилии выпускали стражи порядка, преследующие преступников. Джонни поежился.

- Вот те на, - вдруг произнес Герцог. - Где такси? Эй, шеф! - Он бросился вперед, к мостовой, свистя и размахивая рукой.

С любопытством озираясь вокруг, Джонни заметил спешившую к ним нескладную фигуру.

- Там Мэри Финиган, - сообщил он, указывая на фигуру.

- Знаю, - раздраженно отозвался Герцог. Такси как раз подкатило, водитель уже тянулся назад, чтобы открыть дверцу. - Ну, поехали, Джонни...

- Но она, кажется, хочет с тобой поговорить, - возразил Джонни. - Разве мы...

- Сейчас нет времени, - сказал Герцог, подпихивая его к машине. - Она с некоторых пор страдает словесным поносом, пришлось махнуть на нее рукой. Шевелись! - бросил он водителю и добавил уже для Джонни: - А кроме всего прочего... А-а... тут просто давнишнее злоупотребление Господним терпением и нормативный английский.

Пока машина вливалась в общий поток, Джонни бросил последний взгляд на девушку, что стояла у края тротуара и смотрела им вслед. Темные волосы беспорядочно разбросаны по лбу, девушка, похоже, недавно плакала.

В утешение Герцог произнес:

- Приручить ведьму, как гласит пословица, может всякий, но ему же потом с ней и жить. Так что, Джонни, мой мальчик, ты только что получил ценный наглядный урок. Удача ли то, что мы свалили от этой занюханной бельевой прищепки? Никакая это не...

Удача, подумал Джонни, точно - удача. Что, если бы такси не подъехало в нужное время?

- Как дважды два, мой мальчик. Единственная причина невезения - то, что ты сам за ним гоняешься.

- Причина в другом, - возразил Джонни.

Джонни снова отключился от задушевного голоса Герцога, дал ему стать примитивным музыкальным фоном вроде бормотания статистов в фильме про Тарзана, когда калавумбы собираются скормить прелестную девушку львам. И тут с ослепительным сиянием откровения до него дошло, что вся линия жизни каждого человека определяется невероятными происшествиями. Вот он сидит здесь, все его пять футов и десять дюймов, все сто тридцать фунтов, один из миллиарда выстрелов, сделанных по команде. (Какова вероятность того, что данный отдельно взятый сперматозоид соединится с данной отдельно взятой яйцеклеткой? Менее одной миллионной - невообразимо!) Что, если бы яблоко не упало на голову Ньютону? Что, если бы О'Дуайер так и не покинул Ирландию? И что стала бы делать свободная воля с решением, скажем, не становиться курдским пастухом, если вам случилось родиться в Огайо?

Все это значит, подумал Джонни, что если научиться управлять случайными факторами - тем, как в баре в Сакраменто падают кости, настроением богатого дядюшки в Кеокуке, содержанием влаги в облаках над Сиу-Фоллс в 3.03 по центральному поясному времени, очертаниями камушка в носке разносчика газет на Уолл-стрит, то можно сделать все, что угодно. Можно заставить малоизвестного художника по имени Джонни Борниш плюхнуться в пруд для игрушечных лодочек в Центральном парке, расписать ему весь ботинок красной краской и столкнуть ручную тележку...

Но зачем и кому это могло понадобиться?

Зал ожидания в аэропорту немного напоминал сцену из "Того, что грядет", разве что люди там не носили белых халатов, не были праздными и невозмутимыми.

Все места на скамейках оказались заняты. Герцог нашел пару свободных квадратных футов на полу за колонной и усадил там Джонни на чемодан.

- Теперь все у тебя в порядке. Вот билет. Вот журнал. Ажур. - Желая взглянуть на часы. Герцог сделал резкий угрожающий жест.

- Надо бежать. Вот еще что, мой мальчик, напиши мне свой адрес, как

только он у тебя появится. Чтобы я мог переправлять тебе почту, и все такое. Ох, чуть не забыл. - Он нацарапал что-то на клочке бумаги и передал клочок Джонни. - Простая формальность. Уплатишь, когда захочешь. Подпиши здесь.

На бумажке было написано: "Я должен тебе 50\$". Джонни подписал, чувствуя, что немного лучше узнал Герцога.

- Тэк-с. Все верно.

- Герцог, - вдруг спросил Джонни, - Мэри беременна? Да? - На лице у него было задумчивое выражение.

- Надо думать, - добродушно отвечал Герцог.

- Почему ты не дашь ей шанс? - через силу спросил Джонни.

Герцог не обиделся.

- Каким образом? Скажи правду, Джонни, ты что, можешь представить меня счастливым новобрачным? - Он потряс руку Джонни. - "Слово да сказано будет и пусть ты уйдешь; хоть слышать то слово нет сил - ну и что ж; томлюсь я в тиши средь печалей одних; но губы, к спиртному прикипшие, губ не коснутся моих!" - С застывшей улыбкой, как у Чеширского кота, он растворился в толпе.

2

Неловко восседая верхом на чемодане, один среди толпы, Джонни вдруг обнаружил, что рассуждает в выражениях одновременно и более жестких, и более длинных, чем обычно. То, как он размышлял, когда рисовал, или уже нарисовал, или собирался рисовать, тоже происходило совсем по-другому, а ведь он, бывало, целыми днями ничем другим и не занимался. У него, Джонни Борниша, был талант. Талант иногда определяют как Божий дар, что большинство людей, талантом не обладающих, путают с подарком из-под рождественской елки.

Тут все было совсем по-другому. Это и мучило, и приводило Джонни в восторг, и занимало такое место у него в голове, что множество практических деталей туда пробиться уже не могли. Без преувеличения, талант просто преследовал его, и когда время от времени, как, например, сейчас, хватка ослабевала, на лице у Джонни появлялось комичное выражение, как у человека, который только-только проснулся и обнаружил свои карманы очищенными, а ботинки - обгоревшими в результате злой шутки.

Он размышлял об удаче. Хорошо, конечно, говорить о том, что каждый берет свое, и Джонни полагал, что в какой-то степени это верно, но Герцог действительно был человеком, который постоянно находит деньги на улице. С Джонни такое случилось лишь раз, да и тогда нашел он не законное платежное средство, а японскую монетку - латунную, тяжелую, размером с полдоллара; с одной стороны на ней была изображена хризантема, с другой - какой-то иероглиф. Монетка казалась Джонни его собственной частичкой удачи: нашел он ее на улице, незадолго до окончания средней школы, и вот - художник вынул кругляш из кармана - она по-прежнему с ним.

Что, если вдуматься, довольно странно. Никаких суеверий, связанных с монеткой, у Джонни не было, как и особой к ней привязанности. Он именовал ее счастливой монеткой за неимением лучшего названия, поскольку слово "талисман" уже вышло из моды, а по сути удача за последние десять лет ему не светила. Монетка оказалась единственным, что с той поры осталось в его распоряжении. Джонни потерял три пары наручных часов, бесчисленное количество авторучек, две шляпы, три-четыре зажигалки и целые пригоршни настоящих никелей и даймов, принимаемых к оплате в Соединенных Штатах. А никчемная японская монетка - вот она.

Так как же можно себе такое представить, если только это не удача... или не чье-то вмешательство?

Джонни выпрямился. Дурацкая мысль. Наверное, это просто оттого, что он не позавтракал, впрочем, в своем теперешнем настроении, он склонен

был чуть ли не всему придавать зловещий смысл.

Джонни уже знал, что старичок и твидовая дама вмешивались в его жизнь по меньшей мере лет пять, а то и дольше. Тем или иным образом они несли ответственность за те "казусы", которые продолжали с ним происходить, - здесь-то и просматривался зловещий умысел. Впрочем, при желании можно было назвать все это дурацкой мыслью. А если все же поверить, то как это могло помочь ему в размышлениях о других случившихся с ним странностях - наподобие находки и хранения японской монетки?

Пользуясь такой логикой, можно было доказать все, что угодно. Но избавиться от навязчивой мысли художник не мог.

Джонни лениво поднялся, держа в руке монетку, и бросил ее в ближайшую урну. Затем сел обратно на чемодан, чувствуя, что невроз в значительной степени подавлен. Если монетка каким-то образом к нему вернется, он получит доказательство худших своих опасений, если же нет - как, без сомнения, и случится, - что ж, невелика потеря.

- Извините, пожалуйста, - обратился к нему тощий человечек с натянутой физиономией, в каком-то чуть ли не ритуальном облачении. - Мне кажется, это вы обронили. Японская монетка. Очень славная.

Джонни с трудом обрел дар речи:

- Ах, спасибо. Но мне она не нужна, возьмите себе.

- О нет, - возразил человечек и чопорно удалился.

Джонни посмотрел ему вслед, затем на монетку. Грязно-бурая, увесистая и твердая, зазубренная и обтершаяся по краям. Просто нелепость!

Ошибка Джонни, без сомнения, заключалась в слишком откровенных действиях. Стараясь выглядеть как можно беспечнее, он сжал в кулаке монетку. Через некоторое время он закурил сигарету, выронил ее и, пока нашаривал окурки на полу, сумел засунуть монетку под ножку ближайшей скамейки.

Не успел Джонни затянуться вновь обретенной сигаретой, как массивная туша в сером костюме, сплошные мышцы, прищутив глаза, опустилась рядом с ним на колени и извлекла монетку. Туша внимательно осмотрела кругляш и с той и с другой стороны, взвесила на ладони, звякнула по полу и наконец вручила монетку Джонни.

- Ваша? - сильным голосом осведомилась туша.

Джонни кивнул. Туша больше ничего не сказала, только угрюмо наблюдала, пока Джонни не положил монетку в карман. Затем встала, отряхнула колени и скрылась в толпе.

Джонни почувствовал, как у него в животе собирается холодный комок. Тот факт, что схожий сюжет художник уже видел в полдюжине плохих фильмов, спокойствия в него не вселил, он не верил в ряд естественных совпадений, не позволяющих человеку избавиться от аккуратно упакованного мусора, улики в виде нейлонового чулка или чего-то подобного.

Джонни встал. Прошло уже почти двадцать минут с тех пор, как по графику должен был отправиться его самолет. Он должен избавиться от проклятой штуковины! Непереносимо думать, что он не может от нее избавиться. Конечно же, он может сбыть ее с рук.

Низкий навес над багажным прилавком выглядел обещающе. Джонни взял чемодан, стал пробираться туда и оказался рядом в тот самый момент, когда справочная служба разразилась невнятной тирадой: "Рейс номер шурумбуром до Бзмззвилля, посадка производится у мыхода момер мемять". Пользуясь этим гамом, Джонни быстренько вынул из кармана монетку и забросил ее на крышу.

Что теперь? Может, кто-нибудь сходит за лестницей и слезает на крышу за монеткой, чтобы затем вручить ее Джонни?

Ровным счетом ничего не произошло, если не считать того, что справочное бюро снова испустило громоподобное бурчание, и на сей раз Джонни разобрал свое место назначения, Джексон-вилль.

Воспрянув духом, художник остановился у газетного прилавка купить

сигареты. За них он заплатил полдоллара, которые ему тут же шлепнули обратно на ладонь.

"Рейс номер шестнадцать до Жкснвилля, посадка производится у выхода номер девять", - прогудело справочное.

Джонни немедленно вернул сигареты, не в силах отвести взгляд от японской монетки, которая лежала, издевательски твердая и реальная, у него на ладони... В кармане должны были лежать полдоллара, теперь их там - ни слуху ни духу; следовательно, он выкинул их на крышу над багажным прилавком. Обычная ошибка. Но ведь за все десять лет, что Джонни таскал с собой монетку, он ни разу не спутал ее с полубаксом, только сейчас.

"Рейс номер шестнадцать..."

Твидовая дама, сообразил Джонни, пока озноб медленно полз у него по спине, оказалась в художественной лавке раньше него. Она не могла следовать за ним ни в автобусе, ни в такси, ни как-то еще - просто не хватило бы времени. Дама заранее знала, куда он направляется и когда собирается туда прибыть.

Все получается так, думал Джонни, пока монетка становилась холодной и скользкой, как рыба, у него в ладони, все получается так, как если бы эти двое, твидовая дама и старичок, лет десять назад установили на нем что-то вроде радиомаяка - так что он оказывался для них как кот с консервной банкой на хвосте. Получается так, что, когда им нужно, они могут заглянуть в какой-то радароскоп и увидеть его жизненный путь, подобный свитому в спираль куску медной проволоки...

Но если все действительно так, тогда спасения, конечно, нет. Его жизненный путь вьется через конкретный зал ожидания к конкретному самолету и снова вниз - туда, где самолет приземлится, дальше в конкретную комнату, затем в конкретный ресторан, так что через день, через месяц, через год, через десять лет - когда угодно - они могут потянуться и достать его, где бы он ни оказался.

Спасения же нет потому, что нечто особенное встроено в эту бурную японскую монетку, некая комбинация случайных событий, которая сводится к тому невероятно странному результату, что он просто не может ее потерять.

Джонни с диким видом огляделся. Паяльная лампа. Разводной ключ. Кузнечный молот. Ничего похожего поблизости не оказалось. Лишь сильно похожий на сцену из "Того, что грядет" зал ожидания в аэропорту, никаких специальных инструментов здесь и быть не могло.

Справа из-за прилавка вышла прелестная девушка, подняв секцию и опустив ее за собой. Джонни тупо уставился вслед девушке, а затем перевел взгляд туда, откуда она вышла. На лбу у художника собрались морщины. Он подошел к прилавку и поднял секцию.

Лысый мужчина в нескольких футах от него прервал телефонный разговор и замахал Джонни трубкой:

- Сюда нельзя, сэр! Входа нет!

Джонни положил японскую монетку под углом туда, где была привешена секция. Убедился, что это именно японская монетка. Надежно ее закрепил.

Лысый бросил трубку и направился к Джонни, протягивая руки.

Джонни изо всех сил обрушил секцию вниз. Раздалось глухое "бум", а потом возникло странное чувство давления, свет, казалось, помутнел. Джонни повернулся и бросился бежать. Никто его не преследовал.

Самолет оказался двухмоторным реликтом. Снаружи он отдаленно напоминал что-то из викторианской эпохи, внутри же - темную наклонную пещеру с невероятным числом втиснутых туда сидений. Воняло там как в мужской раздевалке. Джонни проковылял по узкому проходу к единственному, казалось, еще свободному месту и присоседился к крупному смуглому джентльмену с полосатым галстуком на шее.

Художник неловко пристроился в кресле. С тех пор как Джонни обрушил на монетку секцию прилавка, его не покидало какое-то особое чувство - и самым неприятным было то, что он никак не мог распознать, что это за

чувство. Как бы физическое ощущение чего-то неладного - вроде расстройства желудка, недосыпа или приближающейся лихорадки, но ничто из перечисленного не подходило. Джонни проголодался, но не настолько. Тогда он подумал, что у него неладно со зрением, но все вокруг выглядело совершенно нормально - он прекрасно мог все разглядеть. Может, что-нибудь с кожей? Вроде такого легкого покалывания, которое... Нет, и не кожа.

Немного похоже и на опьянение - в ту долю секунды, когда понимаешь, [как] ты напился, и сожалеешь об этом, - похоже, но все-таки не то. А отчасти напоминает предчувствие - еще более явственное и тягостное, чем раньше: "должно случиться что-то скверное".

Пилот с напарником прошли мимо и исчезли в носовом отсеке. Дверь закрылась; стюардесса осталась в хвостовой части и принялась изучать какие-то бумаги у себя на столике. Вскоре завывли стартеры и ожили моторы; Джонни, летавший до этого лишь раз, да и то с дерева, пришел в ужас, услышав такой дьявольский шум. Еще минута бесконечного ожидания, а затем самолет потащился вперед, покачивая носом, затем пополз немного быстрее, громяхая, - бесконечное бетонное пространство скользило мимо, - наконец, самолет, подобно какой-то громадной, нелепой и, главное, [нелетной] птице, по невероятной случайности приподнялся, на несколько футов оторвавшись от земли; взлетная полоса опрокидывалась, наклонялась, уменьшаясь по мере подъема, вверх, уже куда выше тумана над водой - салон покачивался размеренно, как гамак, под аккомпанемент монотонного урчания моторов.

Сбоку послышался хлопок. Джонни повернул голову.

Хлоп... хлоп... хлоп...

Маленький металлический диск лихо скакал по ковру подобно блохе или прыгающим семенам мексиканских растений. Затем помедлил немного - челюсть Джонни отвисала все ниже и ниже. Оказавшись рядом с креслом Джонни, диск подпрыгнул.

И приземлился художнику на колени - бурый металлический кругляшок с изображением хризантемы, согнутый посередине. Джонни смахнул его. Кругляш прилип к ладони, будто магнит к железу.

- А, черт! - гаркнул чей-то голос прямо в ухо Джонни. Между тем Джонни просто не имел возможности уделить этому голосу внимание. Другой рукой художник пробовал оторвать монетку. Жуткое ощущение - она липла к пальцам и не желала слезать с ладони; он попытался соскрести ее о подлокотник своего кресла. С таким же успехом можно было пытаться соскрести собственную кожу. Джонни сдался и принялся ожесточенно трясти рукой.

- Эй, приятель, прекрати! - Смуглый мужчина в соседнем кресле приподнялся, и тут получилась какая-то катавасия; Джонни услышал резкий щелчок, и ему показалось, будто из жилетного кармана смуглого что-то выпрыгнуло. А затем к пальцам Джонни на мгновение пристала бурая японская монетка да еще сверкающее пенсне. После чего два предмета переплелись каким-то отвратительным, извращенным образом - у Джонни от такого зрелища даже потемнело в глазах, - а затем снова развернулись, и в результате не оказалось ни монетки, ни пенсне, а лишь какой-то совершенно немыслимый кожаный кошелечек.

Да была ли эта монетка монеткой? Был ли кошелек кошельком?

- Ну вот, гляди, что ты натворил! Тьфу! - Смуглый с искаженным от гнева лицом тянулся к кошельку. - Не шевелись, приятель. Дай-ка я...

Джонни немного отодвинулся.

- А кто вы такой?

- ФБР, - нетерпеливо ответил смуглый. Он раскрыл перед носом у Джонни бумажник; внутри оказалось что-то вроде служебного значка. - Теперь ты разорвал... Боже мой! Держи неподвижно, как сейчас держишь. Не шевелись. - Он закатал рукава, будто фокусник, и предельно осторожно потянулся к буровой кожаной штучковинке, что пристала к руке Джонни.

Кошелек слегка дрогнул. В следующее мгновение все стали подниматься

и скапливаться в проходе, направляясь к единственному туалету в хвостовой части самолета.

Как следствие, самолет заметно наклонился. Джонни услышал визг стюардессы:

- По одному! По одному! Остальные садитесь, пожалуйста, - вы перегружаете хвостовую часть.

- Ровнее, ровнее, - простонал смуглый. - Держи его совершенно неподвижно!

Джонни не мог. Пальцы снова дрогнули, и вдруг все пассажиры бросились в противоположном направлении, расталкивая друг друга, - только бы убраться подальше от опасного хвоста. Стюардесса беспомощно направилась за ними, пронзительно выкрикивая бесполезные указания.

- Это я делаю? - выдохнул Джонни, в ужасе уставившись на предмет у себя в кулаке.

- Это делает устройство. Держи его, приятель, ровнее...

Но рука снова дрогнула, и вдруг все пассажиры опять оказались в своих креслах - сидели так тихо, будто ничего и не произошло. Затем раздался хор воплей. Выглянув в окно, Джонни прямо под собой увидел устрашающее море деревьев - там, где только что была одна пустота. Когда самолет стал резко набирать высоту, рука снова дрогнула...

И вопли еще усилились. Перед ними высилась лиловая горная стена - безверхая, гигантская.

Пальцы дрогнули еще раз - и снова самолет мирно летел меж небом и землей. Пассажиры то ли утомились, то ли спали. Ни горы, ни деревьев.

У смуглого на лбу выступили капельки пота.

- А теперь... - начал он, скрипя зубами и снова протягивая руку.

- Секундочку, - сказал Джонни, снова отодвигаясь. - Погодите...

Наверное, это какая-то страшно секретная штука и мне ее иметь не полагается?

- Да, - подтвердил смуглый, мучительно напрягаясь. - Говорю же тебе, приятель, не шевелись!

Кошелек медленно менял цвет, становясь по краям бледно-лиловым.

- А вы, значит, из ФБР? - спросил Джонни, не сводя глаз со смуглого.

- Да. Ровно держи...

- Нет, - покачал головой Джонни. Голос его дрогнул, но Джонни взял себя в руки. - Вы забыли про уши, - сказал он. - Или они слишком тверды, чтобы измениться?

Смуглый оскалился.

- Ты о чем?

- [Об ушах], - пояснил Джонни, - и еще о челюстной кости.

Невозможно найти двух людей с одинаковыми ушами. И еще. Раньше, когда вы были старичком, у вас была слишком крепкая шея. Это бросалось в глаза, но я был слишком занят, чтобы задуматься. - Он с трудом сглотнул. - А вот теперь задумался. Вы ведь не хотите, чтобы я шевелил этой штуковиной.

- Верно, приятель, верно.

- [Тогда объясните мне, что все это значит.]

Смуглый развел руками:

- Не могу, приятель. Правда не могу. Видишь ли... - Кошелек сдвинулся в руке у Джонни. - Осторожнее! - выкрикнул смуглый.

В воздухе замелькали крошечные огоньки. Ясная синева неба в окне самолета вдруг исчезла. Вместо нее Джонни увидел налетающую пелену серого облака. В окно забарабанил дождь, и самолет внезапно накренился, будто застигнутый порывом ветра.

Откуда-то спереди донеслись нестройные вопли. Джонни сглотнул твердый комок, и пальцы его дрогнули. Опять началось мерцание.

Облако и дождь исчезли; небо снова было невинно-голубым.

- Пре-кра-ти, - произнес смуглый. - Послушай-ка. Ты хочешь кое-что узнать? Ну так вот - я попробую тебе рассказать. - Он облизал губы и

начал: - Когда с тобой случаются неприятности... - Но на пятом слове горло его, казалось, закупорилось. Губы продолжали шевелиться, глаза выпучились от усилия, но ни слова не раздавалось.

Некоторое время спустя он расслабился, тяжело дыша.

- Видишь? - спросил он.

- Вы не можете говорить, - сказал Джонни. - Об этом. В прямом смысле.

- Верно! А теперь, приятель, если позволишь

- Спокойно. Скажите правду можно ли как-то это обойти? Этот блок или как его там? - Джонни намеренно позволял своим пальцам слегка подрагивать - Какое-нибудь приспособление? Или, может, вам что-то принять?

Смуглый нервно глянул в окно, где голубое небо сменилось лиловыми сумерками и большим серпом луны.

- Да, но.

- Что же?

Горло мужчины снова сжалось, едва он попытался заговорить.

- Ну, так или иначе, лучше бы вам использовать это, - посоветовал Джонни. Он увидел, как лицо смуглого переполнилось решимостью, и успел отдернуть руку в тот самый миг, когда смуглый попытался...

3

Миновал момент какого-то вихря, после чего вселенная утихомирилась. Свободной рукой Джонни вцепился в сиденье. Самолет и все пассажиры исчезли. Они вдвоем со смуглым сидели под лучами солнца на скамейке в парке. Два голубя всполошились и тяжело замахали крыльями, улетая прочь.

На лице у смуглого застыла недовольная гримаса.

- Ну вот, ты все-таки своего добился! Да сколько же в самом деле времени? - Он вытянул из жилетного кармана сразу две пары часов и по очереди с ними сверился. - Среда, приятель, никак не позднее! О Боже, ведь они... - Дальше рот его беззвучно задвигался.

- Среда? - выдавил из себя Джонни.

Он огляделся. Сидят они в парке Юнион-сквер, и кроме них там ни души. На улицах полно людей, в основном женщин, все куда-то спешат. Да, похоже на среду.

Джонни открыл было рот и снова осторожно его закрыл. Затем опустил взгляд на вялый комок кожи и металла у себя в ладони. Начнем сначала. Что же ему известно?

Монетка, служившая, по всей видимости, сигнальным устройством или радиомаяком, после того как Джонни ее повредил, неким образом соединилась с другим приспособлением, которое принадлежало смуглому, - по-видимому, с устройством, позволявшим ему управлять вероятностью событий и перемещаться из одного времени в другое, а также решать другие подобные задачи.

В их теперешнем смешанном состоянии оба устройства стали неуправляемы, а по мнению смуглого, кажется, опасны - и бесполезны для кого бы то ни было.

Вот и все, что ему известно.

Джонни не знал, откуда прибыли смуглый со своей напарницей, чего они добивались, - он не знал множество полезных вещей и нисколько не приближался к этому знанию. Если не считать того, что был какой-то способ развязать смуглому язык. Таблетки, о которых вообще не могло быть и речи... спиртное...

Что ж, подумал он, немного приободряясь, попытка не пытка. Могло и не сработать, но это была самая умная и приятная мысль за весь день.

Джонни сказал: "Вперед" - и осторожно встал; но движение, видно, оказалось слишком резким, так как вся сцена вокруг него растаяла и потекла на мостовую - и стояли они уже не в парке, а на транспортном островке у Шеридан-сквер. Была, похоже, самая середина дня, а в газетах

на лотке рядом с Джонни стояло сегодняшнее число.

Джонни почувствовал легкое головокружение. Если допустить, что теперь около часа, значит, он еще не выбрался из аэропорта; теперь они с Герцогом только еще туда добирались, и если бы ему удалось быстро поймать такси, он успел бы остановить самого себя и уговорить не отправляться...

Джонни с трудом утихомирил свою фантазию. У него, сказал он себе, уже есть под рукой одна-единственная несложная задача, и заключается она в том, чтобы добраться до бара. Джонни осторожно шагнул к краю островка. Штуковина у него в руке качнулась; мир вокруг покружился и успокоился.

Теперь Джонни вместе со смуглым стоял на галерее зала рептилий Музея естественной истории. Подвешенные внизу фигуры гигантских ящеров выглядели совсем вымершими и сухими-сухими.

Джонни понемногу стал пускать пар и хлопать крышкой. Стало очевидно, что такими темпами он вообще никуда не доберется, потому что каждый шаг менял правила игры. Ну ладно, если Магомет не идет к горе...

Смуглый, внимательно следивший за ним, испустил сдвленный протестующий возглас.

Джонни не обратил на него внимания. Он резко махнул рукой вниз. И вверх. И вниз. И раз. И два.

Весь мир раскачивался вокруг них, будто маятник, искажаясь и поворачиваясь. Слишком далеко! Они оказались на уличном перекрестке в Париже. Затем в каком-то темном месте, прислушиваясь к грохоту механизмов. Затем в самом центре песчаной бури - задыхающиеся, ослепшие...

Они сидели в гребной лодке на тихой речушке. На смуглом был спортивный костюм и соломенная шляпа.

Джонни попытался поаккуратнее шевельнуть устройством: оно словно жило собственной жизнью; художнику приходилось сдерживать проклятую штуковину.

[Вжик!]

Они сидели на высоких табуретах у мраморной стойки. Джонни заметил "банановый сплит" и сидящую на нем муху.

[Вжик!]

Библиотека, совершенно незнакомый Джонни громадный зал под низким потолком.

[Вжик!]

Фойе Художественного театра; один из зрителей наткнулся на Джонни и расплескал черный кофе.

[Вжик!]

Они сидели друг напротив друга - смуглый и Джонни - за столиком в укромном уголке бара Дорри. В предвечернем солнце искрились пылинки. Перед каждым стояло по хайболу.

Скрипя зубами, Джонни отчаянно старался держать руку строго вертикально, опуская ее мучительно медленно, пока она наконец не коснулась истертой столешницы. Тогда он с облегчением вздохнул.

- Выпьем, - предложил он.

Не сводя настороженного взгляда с предмета в руке у Джонни, смуглый выпил. Джонни подал знак бармену, который подошел к ним с удивленным выражением на лице.

- Вы давно здесь, ребята?

- Я как раз собирался вас позвать, - наобум сказал Джонни. - Еще парочку.

Бармен удалился, а затем с настороженным видом вернулся, неся два бокала, после чего прошел в дальний конец бара, повернулся к ним спиной и стал вытирать бокалы.

Джонни потянул хайбол.

- Выпьем, - сказал он смуглому. Смуглый выпил.

После третьего хайбола в темпе вальса смуглый заметно окосел.

- Как себя чувствуешь? - осведомился Джонни.

- Превосходно, - нетвердо ответил смуглый. - Просто превосходно. -

Он сунул два пальца в жилетный карман, вытащил гладкую коробочку, извлек оттуда крошечную пилюльку, швырнул ее в рот и проглотил.

- Это еще что? - подозрительно спросил Джонни.

- Просто пилюлька.

Джонни посмотрел на соседа пристальнее. Глаза у смуглого так прояснились, будто он вовсе не пил никаких хайболов.

- А ну-ка скажи: "Карл у Клары украл кораллы", - предложил Джонни.

Смуглый повторил.

- Всегда так получается, когда выпьешь? - спросил Джонни.

- Не знаю, приятель. Никогда не пробовал. Джонни вздохнул. Что ни говори, смуглый был по меньшей мере под мухой, пока не проглотил ту крошечную пилюльку. А теперь - трезв как стеклышко. После секундного раздумья Джонни стал недовольно стучать по бокалу соломинкой, пока бармен не подошел и не принял заказ еще на два хайбола.

- Двойных, - чуть не забыл Джонни. Когда бокалы прибыли, смуглый выпил свой до дна и снова заметно окосел. Затем опять вынул свою коробочку.

Джонни наклонился к нему.

- А кто это там снаружи? - хрипло прошептал он. Смуглый крутанулся, как волчок.

- Где?

- Уже спрятался, - сказал Джонни. - Не спускай оттуда глаз. - Он вынул свободную руку из кармана брюк, где та была занята извлечением содержимого из пузырька с антигистаминными таблетками, который он носил с собой с февраля. Таблетки были раз в шесть больше пилюлек смуглого, но ничего другого Джонни не оставалось. Он вытянул у смуглого коробочку, быстро опорожнил ее в ладонь, напихал туда своих таблеток и положил на место.

- Я никого не вижу, приятель, - озабоченно сообщил смуглый. - А там был мужчина или... - Он взял одну из подложенных Джонни таблеток, проглотил ее и явно удивился.

- Выпьем еще, - с надеждой предложил Джонни.

Смуглый, по-прежнему с удивленным видом, жадно глотнул. Глаза его медленно закрылись и снова открылись. Они определенно осоловели.

- А как теперь себя чувствуешь? - спросил Джонни.

- Спасибо, первый сорт. Vad heter denna ort? - Физиономия смуглого расплылась, и на ней засияла широченная идиотская улыбка.

Джонни показалось, что он перестарался.

- Что ты говоришь? - Тирада смуглого напоминала шведский или другой скандинавский язык...

- Voss hot ir gazugt? - с интересом спросил смуглый. Он несколько раз хлопнул себя по лбу. - Favour de desconectar la radio.

- Радио не... - начал было Джонни, но смуглый не дал ему продолжить. Внезапно подскочив, он взобрался на скамейку, распростер руки и принялся распевать громким оперным баритоном. Мелодия была из арии тореадора в "Кармен", но смуглый выводил в ней свои слова, без конца повторяя: "Dove e il gabinetto?"

Бармен с недовольной физиономией уже направлялся к ним.

- Прекрати! - немедленно зашипел Джонни. - Слышишь? Сядь, или я снова двину этой штуковиной!

Смуглый глянул на кошелек в руке у Джонни.

- А меня не колышет, братан. Валяй, двигай. Me caro en su хайбол. -

Он снова затянул песню.

Джонни нашарил в бумажнике три пятидолларовые банкноты - всю свою наличность - и потряс ими перед носом у бармена, когда тот подошел. Бармен тут же убрался.

- А почему раньше колыхало? - гневно спросил Джонни.

- Проще простого, - ответил смуглый. - Vante ett ogenblick, оно ко

мне вернется. Факт. - Он снова хлопнул себя по лбу. - Herr Gott im Himmel! - воскликнул полиглот и резко сел. - Не шевелись, - сказал он, побледнев и покрывшись капельками пота.

- А почему?

- Нет управления, - прошептал смуглый. - Прибор настроен на тебя - рано или поздно ты встретишься с самим собой. А два тела, приятель, не могут занимать одно и то же положение во времени-пространстве. - Он вздрогнул. - Бррр!

Рука Джонни мало-помалу начинала дрожать от усталости. Он прижал ее к вазе с сухими крендельками, но и это уже не очень помогало. Джонни был близок к отчаянью. Основной эффект выпивки, похоже, выразился в том, что смуглый принялся болтать на шести-семи иностранных языках. Пилюли от опьянения Джонни спрятал от греха в карман; тут ему, несомненно, повезло - есть хоть какая-то прибыль от этой истории, если удастся выпутаться из нее живым. Это-то, впрочем, и казалось сомнительным.

Опять двадцать пять - Джонни с внезапным остервенением заметил, что смуглый снова по-тихому тянется к его руке. Голос художника задрожал.

- Говори немедленно, или я буду махать этой штуковиной, пока не случится какая-нибудь пакость. Мое терпение лопнуло! Чего ты добиваешься? Что все это значит?

- Un autre plat des pets de nonne, s'il vous plat, garçon, - пробормотал смуглый.

- И прекрати молотить белиберду, - рявкнул Джонни. - Я серьезно! - Намеренно или нет, но рука его дернулась, и столик под ними дрогнул.

[Вжик!]

Они сидели за узким столиком в кафе на Шестой авеню, полном стука фаянсовых чашек.

- Ну? - выговорил Джонни, близкий к истерике. Бокалы на столике между ними были полны молока, а не виски. Теперь Джонни не возражал и против молока. Либо он расколет смуглого раньше, чем тот протрезвеет, либо, что было бы крайне неприятно, им придется наудачу искать другой бар...

- Мне это по вкусу, приятель, - сказал смуглый. - Я, знаешь ли, последний представитель расы лемуруцев, и мне нравится досаждать людям. Меня выводит из себя то, что вы, проклятые выскочки, завладели миром. Вы недостойны...

- А кто та леди, с которой я тебя видел? - кисло спросил Джонни.

- Леди? Она последняя из атлантов. У нас с ней рабочее соглашение, но друг друга мы ненавидим даже больше, чем...

Пальцы Джонни, сжимавшие кошелек, стали липкими от пота. Он позволил руке дрогнуть, но только чуть-чуть.

[Вжик!]

Они сидели друг напротив друга на жестких плетеных сиденьях пустого поезда метро, шумно гроыхавшего вперед по темному тоннелю, будто груз, отправляемый в ад.

- Попробуй еще разок, - процедил Джонни сквозь зубы.

- Тут вот какое дело, - начал смуглый. - Я скажу тебе правду. Вся эта вселенная нереальна, понимаешь? Она лишь плод твоего воображения, но ты наделен силами, управлять которыми не умеешь, и мы, видишь ли, старались держать тебя в неведении, потому что в противном случае...

- Тогда тебя не должно беспокоить, что я сделаю вот так! - выкрикнул Джонни, сжал кожаный кошелек в кулаке и треснул им по колену.

[Вжик!]

Ветер загромыхал у него в ушах, сбил дыхание. В облаке бешено летящего дождя со снегом Джонни едва мог разглядеть смуглого, который, как и он сам, сидел на корточках на каком-то карнизе, обрывающемся над бездной.

- Мы -- наблюдатели из Галактического Союза! - проорал смуглый. - Наш контингент размещен здесь, чтобы не спускать глаз с вас, людей, из-за всех этих взрывов атомных бомб, потому что...

- Или вот так! - завопил Джонни и снова махнул кулаком.

[Вжик!]

Они лежали, распростершись, на мерзлой равнине, глядя друг на друга в ледяном сверкании звездного света.

- Я скажу тебе! - заявил смуглый. - Мы - путешественники во времени, и нам необходимо проследить, чтобы ты никогда не женился на Пайпер Лори, потому что...

Полегче, напомнил себе Джонни.

[Вжик!]

Они скользили бок о бок вниз по гигантскому желобу в павильоне смеха на Янцен-Бич в Портленде, штат Орегон.

- Слушай! - сказал смуглый. - Ты мутант-супермен, понимаешь? Не обижайся - нам необходимо было тебя испытать, прежде чем мы могли бы передать тебе твое славное наследство, состоящее из...

Только Джонни начал вставать на ноги, как устройство у него в руке дрогнуло, и...

[Вжик!]

Они стояли на наблюдательной площадке на вершине Эмпайр-Стейт-Билдинг. День был холодный и промозглый. Смуглый трясся - то ли замерз, то ли напугался достаточно, чтобы разговориться, то ли протрезвел с испугу. Голос его дрожал.

- Ладно, вот в чем дело, приятель. Ты не человек - ты андроид, но имитация так хороша, что ты об этом даже не догадываешься. А мы - твои создатели, понимаешь...

Полегче - опасность таится именно в небольших скачках, напомнил себе Джонни.

[Вжик!] Они оказались во вращающихся дверях, и - [вжик!] - Джонни стоял на лестнице своего дома с меблированными комнатами, глядя на смуглого, который таранил на него глаза, пытаясь что-то сказать, и - [вжик!] - они стояли у развороченной тележки с бананами, пока у Джонни по спине бежал холодный озноб, и...

- Ладно! - выкрикнул смуглый. В голосе его прозвучала неподдельная искренность. - Я скажу тебе правду, только не надо, пожалуйста...

Сам того не желая, Джонни наклонил руку.

[Вжик!]

Они оказались на верхней площадке автобуса с Пятой авеню, остановившегося у края тротуара в ожиданий посадки. С бесконечной осторожностью Джонни опустил руку к сверкающему поручню на переднем сиденье.

- Рассказывай, - выговорил он. Смуглый сглотнул.

- Пощади, - произнес он вполголоса - Я не могу тебе сказать. Если я это сделаю, меня вышвырнут, я никогда больше не получу должность...

- Даю последнюю возможность, - процедил Джонни, глядя прямо перед собой. - Раз... Два...

- Это живучка, - сказал смуглый, протянув звук "у". В голосе у него звучало смирение и тупость...

- Что-что?

- Живучка. Вроде кино. Ты - актер.

- Это еще что? - тревожно выговорил Джонни. - Я художник. Почему это я ак...

- Ты актер, играющий художника! - воскликнул смуглый. - Вы актеры! Бессловесные твари! Ты актер! Понимаешь? Это [живучка!]

- И о чем эта живучка? - осторожно спросил Джонни.

- Музыкальная трагедия. Про бедняков, живущих в трущобах.

- Но я живу не в трущобах, - возмущенно заметил Джонни.

- [В трущобах.] Ты сам хочешь рассказать, или я должен тебе рассказывать? Это большое драматическое представление. Ты обеспечиваешь в нем "разрядку смехом". Скоро ты [умрешь.] - Смуглый вдруг умолк, и показалось, что он хотел бы умолкнуть раньше. - Одна деталь, - затем добавил он. - Незначительная. На следующем совещании по сценарию мы ее

согласуем. - Смуглый вдруг приложил ладони к вискам. - Черт, и зачем меня только высадили? - пробормотал он. - Глорм меня в порошок сотрет. Уничтожит. Загонит меня обратно в...

- Ты серьезно? - спросил Джонни. Голос его дрожал. - Что ты сказал - я скоро умру? Как я умру? - Он нечаянно дернул рукой.

[Вжик!]

Автобус с Пятой авеню исчез. Они сидели во втором ряду кинотеатра. Свет в зале только что загорелся; публика вытряхивалась наружу. Джонни схватил смуглого за грудки.

- Забыл, - угрюмо пробормотал смуглый - По-моему, ты откуда-то выпал. Как раз в самом конце живучки, когда герой отправляется в постель с девушкой. Хочешь знать, кто герой? Один твой знакомый Герцог...

- Откуда выпал? - спросил Джонни, усиливая хватку.

- Из какого-то здания. Прямо в мусорный бак. Полупустой.

- Значит, "разрядка смехом"? - с усилием выговорил Джонни.

- Точно. Посмешище! Ты оживишь всю живучку! Зрители животы надорвут!

Шарканье удалявшейся публики вдруг затихло. Стены и потолок тревожно замерцали; когда все успокоилось, Джонни в полном изумлении обнаружил, что они оказались уже совсем в другом помещении. Никогда раньше он здесь не бывал - и вдруг художник с колотящимся сердцем понял, что никогда раньше он здесь бывать и не мог.

По всей громадной серебристой чаше, под заоблачно-высоким потолком, люди плавали в воздухе, будто комары, - кто-то просто дрейфовал, а кто-то торопливо двигался возле округлой металлической глыбы, что висела над самым центром огромного зала. Внизу, футах в двенадцати от балкона, где они сидели, вдруг в краткой вспышке что-то стало распускаться - произошло красочное разворачивание, которое длилось лишь мгновение и оставило безумное воспоминание о движущихся деревьях и зданиях. Вскоре то же самое повторилось.

Джонни заметил, что сидевший рядом с ним смуглый съехал и застыл.

Художник обернулся. Позади к ним среди зловещей неподвижности шагал серебристый мужчина.

- Glorm, - задыхаясь, выговорил смуглый, - ne estis mia kulpo.

Li...

- Fermu vian truon, - сказал Глорм. Он был строен и мускулист, а одежда его напоминала фольгу. Выпученные глаза Глорма под широкой полоской бровей обратились на Джонни. - А теперь твой отдаст мне инштрумент, - сказал он.

Джонни обрел дыхание. Он обнаружил, что кошелек у него в руке вдруг так уплотнился, будто стал частью невидимого столба; но Джонни все же изо всех сил его держал.

- Почему это я должен его отдать? - спросил художник.

Глорм нетерпеливо махнул рукой:

- Погоди. - Он повернулся, чтобы оглядеть всю необъятную впалую чашу, и голос его вдруг раздался отовсюду, причем в сотни раз усиленный: - Gispinu!

Снова началось то же цветение красок и движение под висающей в воздухе грудой металла, но на сей раз все раскошегарилось в полный рост и уже не свернулось.

Завороженный, художник так и устоял вниз из-за ограждения балкона. Пол чаши теперь исчез, спрятавшись под сверкающей мраморной улицей. По обеим сторонам возвышались белые здания, все с портиками и колоннами, а в дальнем конце возвышалось что-то похожее на Парфенон, но по размеру никак не уступавшее главному зданию ООН в Нью-Йорке.

Улица бурлила людьми, которые издали казались карликами. Они рассыпались по сторонам, когда по улице стремительно пролетела четырехконная колесница, а затем опять стеклись вместе. Джонни слышно было, как они злобно гудят - будто пчелиный рой. В воздухе витал

странный едкий запах.

Джонни озадаченно глянул на Глорма, затем на смуглого.

- Что это? - спросил он, указывая вниз.

Глорм подтолкнул смуглого.

- Рим, - начал смуглый, трясаясь, словно от озноба. - Здесь играется представление - в сорок четвертом году до нашей эры. Сейчас перед тобой сцена, в которой Юлий Цезарь сожжет весь город дотла, потому что его не сделают императором.

Едкий запах стал еще резче; снизу начала подниматься тонкая пелена серо-черного дыма...

- Но он не жег Рим, - обиженно запротестовал Джонни. - И вообще это не Рим - Парфенон расположен в Афинах.

- Так было раньше, - стуча зубами, ответил смуглый. - А мы все изменили. Последняя группа, которая делала здесь живучки, сносно играла небольшие сценки, но не тянула до цельного представления. Вот Глорм... - он бросил вороватый взгляд на серебристого мужчину и слегка возвысил голос, - понимает, что такое настоящее представление.

- Погоди-ка, погоди, - с трудом шевеля языком, пробормотал Джонни. - Значит, вы пустились во все тяжкие, понастроили тут фальшивых декораций - с этим безумным Парфеноном и всем прочим, когда можно просто вернуться в прошлое и снять то, что было на самом деле?

- Вона! - прокричал усиленный голос Глорма. - *Gi estu presata!*

Сцена под ними бешено закружилась вокруг своей оси и погасла.

Глорм нетерпеливо повернулся к Джонни.

- Ну вот, - произнес он. - Ты не по-ни-май. Который ты тут видишь, и есть, как твой говоришь, "на самом деле". Мы не строй декораций... строй не декораций... не строй... *Kiel oni ĝi diras?*

- Мы не строили никаких декораций, - перевел смуглый.

- *Putra lingvo!* Мы не строили никаких декораций. Наш заставил во-он тех римлян все тут построить. Они тоже не строй никаких декораций - они строй Рим, другой. Твоя понимает? Никто не строй никаких декораций! Настоящий Рим! Настоящий огонь! Настоящий трупы! Настоящий ис-то-ри-я!

Джонни уставился на него, разинув рот.

- Вы хотите сказать, что изменяете историю - только чтобы делать фильмы?

- Живучки, - поправил смуглый.

- Ну да, живучки. Вы все тут, похоже, чокнутые. А что из-за этого делается с людьми там, в будущем? Слушайте... а где мы сейчас? В каком времени?

- По вашему календарю... мм... 4400 с чем-то. Примерно в двадцати пяти столетиях от твоего времени.

- В двадцати пяти столетиях... Ну ладно, так что же происходит с вами, когда вы изменяете римлян, как вам вздумается?

- Никаких, - выразительно ответил Глорм.

- Никаких? - тупо переспросил Джонни.

- Вообще никаких. Что бывает с собакой, когда твой отрубает хвост ее матери?

Джонни немного подумал.

- Да, действительно "никаких".

- Правильно. Что, большой дело?

Джонни кивнул.

- А вот эта и правда ба-альшой дело. Но нам его делай по двадцать, по сорок раз каждый год. Твоя знай, сколько теперь людей жить на планета? - Не сделав ни малейшей паузы, Глорм сам же и ответил на свой вопрос: - Тридцать миллиард. Знай, сколько народу ходит живучка? Половина. Пятнадцать миллиард. В семь раз больше, чем на планета в твой время. Старый, молодой. Глупый, умный. Живучка должен всех развлекать. Не как твоя Голливуд. Там не искусство, не представление. Когда народ думай, там, глубоко... - он похлопал себя по лбу, - какой-то есть правда, тогда я делай этот правда - и этот получается и правда правда!

Это есть искусство! Вот это есть представление!

- Нью-Йорк вы по крайней мере не очень-то изменили, - заметил Джонни себе в защиту.

Выпученные глаза Глорма, казалось, вот-вот вывалятся.

- Не изменили! - Он фыркнул и повернулся. Его усиленный голос снова зазвенел в ушах: - *Donu al mi frugantan kvieton de Nov-Jorko natura!*

Произошло какое-то коловращение плывущих фигур вокруг висящей металлической груды. Глорм в нетерпении сжал кулаки. Довольно долгое время спустя пол чаши снова расцвел.

Джонни затаил дыхание.

Иллюзия была столь безупречной, что пол, казалось, куда-то выпал: в тысяче футов под ними, освещенный утренним солнцем, лежал остров Манхэттен; Джонни видел стоящие на якоре в заливе суда и ясные отблески Гудзона и Ист-Ривер, убегающие на север в туманы над Бронксом.

Первое, что бросилось ему в глаза, была беспорядочная шахматная доска заполнявших весь остров низеньких строений; густое скопление небоскребов в южной части и разрозненное в средней отсутствовали.

- Угадай, в который год, - послышался голос Глорма. Джонни нахмурился.

- Около 1900-го? - Нет, не может быть, тут же с тревогой подумал он. Слишком много было мостов - даже больше, чем в его время.

Глорм от души рассмеялся.

- То, что твой смотрит, есть Нов-Йорк 1956 года - до тех, как мы его изменить. Твой думай, это ваши изобрести небоскреб? О нет. Это наши их изобрести.

- Для "Рабов бродвейской зарплаты", - почтительно вставил смуглый.

- Первая живучка Глорма. Какое представление!

- Теперь ты понимать? - снисходительно спросил Глорм. - Давным-давным мне хотелось рассказать о том актеру, увидеть его морда. Ну вот - теперь твой понял. - Его тощая физиономия сияла. - Твой есть актер; мой есть продюсер, режиссер. Продюсер, режиссер есть все. Актер есть дерьмо! Значит, твой отдаст мне инштрумент.

- Дудки, - вяло ответил Джонни.

- Отдаст, - заверил Глорм. - Твой очень скоро его отпустит.

Тут Джонни потрясенно обнаружил, что рука его заметно немеет. Так вот зачем понадобились эти объяснения! А теперь они дождались, чего хотели. Он действительно готов был отпустить кошелек - уже вот-вот. Значит...

- Послушай! - отчаянно выговорил художник. - А как насчет людей в будущем - я имею в виду ваше будущее? Они тоже делают живучки? А если так, то разве ты для них не актер?

Физиономия Глорма вытянулась от ярости.

- Кгасајр! - сказал он. - Ну погоди... - Он взглянул на устройство в руке у Джонни и сжал кулаки.

Хватка Джонни ослабла. Скоро ему придется отпустить кошелек - и что тогда? Обратно в свое время? Опять быть посмешищем, неотвратимо приближаясь к...

Рука страшно устала. Вот-вот кулак разожмется.

...И ничего тут поделать Джонни не мог. Ему предвиделась бесконечная цепочка халтурщиков, где на плечах у каждого стояли Глормы - на всем пути в неведомое будущее, которое было слишком велико, чтобы измениться. Все это, подумалось ему, не более пугало и ужасало, чем другие формы вселенской тирании, уже явленные человеческому разуму; с этим можно было бы жить, не будь его роль столь неприятной...

Кулак разжался.

Улыбаясь, Глорм протянул руку к повисшему в воздухе кошельку. Пальцы его сделали что-то такое, за чем Джонни уследить не сумел, - и вдруг кошелек опустился прямо Глорму на ладонь.

Там он еще некоторое время трясся и мерцал, будто замедляющийся волчок. Затем внезапно разошелся на коричневую монетку и пенсне. Снова

началось мерцание, в какой-то яркой кляксе последовательно появлялись авторучка, записная книжка, часы, зажигалка. Затем оба предмета стабилизировались - металлические, неживые.

Глорм сунул их куда-то в складки своего одеяния.

- Bona, - безразлично бросил он через плечо, - Resen dution al Nov-Jorkon.

Отчаяние развязало Джонни язык. Он заговорил, еще сам толком не понимая, что же, собственно, хочет сказать.

- А что, если я не останусь в Нью-Йорке?

Глорм помедлил и раздраженно повернулся к художнику:

- Kio?

- Вы вернули себе устройство, - начал Джонни, когда идея обрела очертания у него в голове. - Хорошо. Но что вы собираетесь делать, если я решу переехать в Чикаго или еще куда-нибудь? Или если меня арестуют и посадят в тюрьму? Я вот о чем. Вы можете перетасовать все вероятности, но если я хорошенько постараюсь, то могу поставить себя в такое положение, где [невозможно] будет случиться тому, чего бы вам хотелось. - Он перевел дух. - Понимаете, о чем я говорю?

- Plejmalrugo, - сказал Глорм. Судя по выражению его лица, он понял.

- Вот что, - продолжил Джонни. - Мне надо бы уяснить всю картину. Герцог, о котором вы говорили как о главном герое, - это тот Герцог, которого я знаю? - Он получил в подтверждение кивок от Глорма. - И когда он помогал мне убраться из города, это была часть сценария?

- Генеральная репетиция, - сказал смуглый. - Ты плюхаешься в болото во Флориде - и выбираешься оттуда по уши в дерьме и в пиявках. Потрясающая хохма.

Джонни вздрогнул и постарался выбросить из головы пиявок и падения из высотных зданий.

- Я хочу знать вот что: в чем здесь интересы Герцога. Почему он хотел, чтобы я убрался из города?

И ему объяснили. Ответ был дьявольски прост, и Джонни даже показалось, что он знал его заранее.

Художник подождал, пока ногти выйдут у него из ладоней, а затем почувствовал, что снова может говорить разумно. Но тут он вдруг понял, что ему нечего сказать. О чем можно разговаривать с людьми, способными вытворить [такое], а потом назвать это искусством или увеселением? Логично было предположить, что культура, чьими вкусами диктовались безжалостные представления Глорма, должна иметь именно такое понятие о "герое". И это ужасало.

Снова время поджимало. Но и ключ ко всему был уже у Джонни в руках.

Что на его месте сказал бы Герцог?

- Ладно, послушайте, - быстро начал Джонни, - мне тут, конечно, только жеваной бумагой харкать, а перед вами я бы и крышку со своего чайника снял, но вот какое дело...

Глорм со смуглым подались вперед с заинтересованными, настороженными выражениями на лицах.

- ...Но вот как я все это себе представляю. Вместо того клоунского типа для вашей "разрядки смехом" мы вводим обходительный тип "гражданина мира". Такой сюжетный поворот. Вот это смог бы перевернуть, гм, по-настоящему великий продюсер-режиссер. Вот это я понимаю. Возьмем, к примеру... да, покажите-ка мне, где там в сценарии говорится о...

Джонни материализовался на тихой улочке в нескольких шагах от двери своего дома. Чувствовал он только тяжесть и усталость. Солнце все еще висело высоко над крышами старых зданий; около 2.30 - через полтора часа после того, как Герцог докинул его в аэропорту.

Джонни прислонился к перилам и стал ждать. Ну конечно - вот улицу переходит Мэри Финиган; волосы ее распущены, а под глазами темные круги.

- Иди домой, Мэри, - сказал ей Джонни.

Девушка изумилась:

- А что случилось - разве его здесь нет? То есть Герцог звонил мне - сказал, что он у тебя.

- Да, и у него там топорик, - заметил Джонни. - Я правду говорю. Он собирался убить тебя в моей квартире моим же туристским топориком. На нем отпечатки моих пальцев.

Когда она ушла, Джонни завернул за угол и вошел в вестибюль. Герцог стоял там, запустив руку в почтовый ящик Джонни. Обернувшись, он выругался, а рука его машинально выдернула из ящика пухлый конверт.

- Джонни, какого черта ты тут делаешь?

- Я раздумал ехать.

Герцог прислонился к стене, ухмыляясь.

- Что ж, каждая новая встреча дает маленькое представление о воскресении. Вот так так! - Он взглянул на конверт у себя в руке, будто только что его заметил. - Так, интересно, и что же тут такое?

- Сам знаешь что, - беззлобно проговорил Джонни. - Пятьдесят баксов, которые мне должен Тед Эдварде. Именно они и навели тебя на мысль, когда Тед сказал тебе, что отправит долг по почте. Затем подкатило то дельце с Мэри, и ты, наверное, подумал, что сам Бог дает тебе такую возможность.

Глаза Герцога сузились, а взгляд его стал жестким.

- Так ты и про это знаешь? Да? И что же ты собирался тут делать? Не скажешь ли старому приятелю?

- Ничего, - ответил Джонни. - Просто отдай мне расписку, и будем считать, что все улажено.

Герцог выудил из кармана сложенный листок бумаги и отдал его Джонни. Явно не в своей тарелке, он все заглядывал Джонни в глаза.

- Ну-ну. Порядок, да?

Джонни кивнул и направился к лестнице.

- Значит, порядок, - сказал Герцог. Он стоял, подбоченясь, и качал головой. - Да, Джонни, мальчик мой, ну ты и артист! Джонни бросил на него быстрый взгляд.

- Ты тоже, - заверил он.

ДЭЙМОН НАЙТ НОЧЬ ОБМАНА

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

Голые холмы мрачно нависли над городом. Был ранний вечер, и ветер вяло пробирался по обширным пустырям. Где-то во тьме застрекотал сверчок, за ним другой. По длинным извилистым улочкам стали загораться фонари, подобные тусклым колдовским огням. Они заливали декоративные фасады волшебным светом, наполняли пустые окна и пыльные безмолвные комнаты. Вывеска над лавкой раскачивалась взад-вперед, жалобно поскрипывая. По улице поплыла еле слышная музыка. Мужской смех ракетой взлетел вверх, радостный и громогласный.

На тротуар, крутя усыпанной блестками юбкой, выбежала женщина. Стройная фигурка в золотисто-кремовых одеяниях, бледность ее лица и золото волос в точности соответствовали наряду.

- Кен! - позвала она. - Сюда, Кен!

Вдали из-под аркады появился мужчина. Худощавый и гибкий, при ходьбе он раскачивался, как боксер.

- Лорна! Мы живы, а их нет!

Ее смех так и заструился к нему:

- Конечно! Ведь это здорово!

Размашистыми шагами он подошел к ней.

- А где Мюррей? И Луиза?

- Здесь!

- Здесь!

Перед их глазами тут же возник коренастый мужчина, смеющийся и румяный, а затем и женщина в переливающемся небесно-голубом платье. Они встретились в середине длинной улицы, мужчины обменялись рукопожатиями и похлопали друг друга по плечу, а женщины обнялись.

- Мы живы, а захватчиков нет!

- Они отчалили - обратно к Арктуру!

- Забыли про нас!

- Мы живы!

В фиолетовом свете их лица сияли торжеством - блестели глаза и сверкали зубы. Женщина по имени Луиза тряхнула темными волосами, а ноги ее заплясали под музыку.

- Вот здорово... не могу стоять на месте... я должна танцевать!

Она схватила за руки Мюррея и затащила его в искрометную польку - круг за кругом под музыку, а двое других хохотали и под конец завопили в один голос:

- Ох, Мюррей... Посмотрел бы ты на себя!

- Ни разу, - выдохнул коренастый, вытирая лицо пестрым платком, - ни разу в жизни я так не плясал!

Все вдруг умолкли; музыка утонула в безмолвии, и лишь неторопливый ветер одиноко бродил по улицам.

- Вперед! - воскликнул Мюррей. - В эту ночь мы должны веселиться - у нас есть куда пойти и есть чем заняться, друзья мои!

Огонь фонтаном хлестал из шпиля церкви, алые искры разносились по ветру. Каждый залитый светом карниз извивался, точно голубой червь. Римские свечи с шелестом поднимались над городом. В воздух взлетали ракеты - чтобы взорваться среди безмолвных звезд, падая и пропадая в небе.

- К сторожевой башне! - крикнула Лорна.

- Между прочим, и в винный погребок! - подхватил Мюррей. Смех полетел вдаль по тихому городку.

Они взобрались к лязгающему подъемнику внизу лестницы.

- Я был величайшим в мире ученым, - заявил Мюррей, глядя вверх крыш.

- А я - величайшей певицей, - сказала Лорна.

- А я - лучшим боксером.

- А я - самой дорогой шлюхой.

- И вот мы четверо... - начал Мюррей, и безмолвие окутало их.

Окружавшая весь город пустыня была мрачна и безлюдна.

- За нас! - выкрикнула Луиза, поднимая бокал.

- За нас! - И они выпили, стоя высоко над крышами, а угрюмый ветер ворошил их волосы.

- Почему именно мы, четверо? - шепотом спросила Лорна у Кена. - Похоже...

- Мы старые друзья, - ответил он. - А кто еще? Можешь ты представить себе мир без старины Мюррея или Лу? Она коснулась его волос.

- Я всегда любила тебя. Правда.

- Знаю, что любила. Теперь знаю, Лорна. И это здорово. Я хочу сказать - теперь это и в самом деле здорово, потому что мы живы! Слышишь? Эй, вы, звезды! А вы слышите? Мы живы!

Эхо торопливо понеслось над безмолвными крышами и замерло где-то на краю пустыни.

- Четверо из многих миллиардов, - подойдя ближе, сказал Мюррей. - Мы последние.

- Лучше об этом не говорить, - заметила Луиза.

- Но мы же видели, как корабли захватчиков плыли по небу, пылая и пылая... ряд за рядом - будто им больше ничего не оставалось, как только плыть и гореть. Больше никто не смог бы выжить.

- Ну ладно, - согласилась Луиза, глаза ее заблестели, - четверых ведь достаточно, правда?

- Дорогая... - поворачиваясь к ней, произнес Мюррей.

- Теперь давайте танцевать, а потом - петь! - закричала Лорна.

Музыка играла вовсю, а огни над башней взлетали вверх, подобно разбивающимся о скалы гребням призрачных волн.

Над пустынной землей еще громче звенел смех, а не знавшие устали тела закружились в танце. Большими глотками они пили красное вино и не пьянели; пели и даже не останавливались, чтобы глотнуть воздух. Ночь умирала, исчезая за горами; на востоке уже появился самый краешек рассвета.

Музыка прекратилась, и только далекие сверчки стрекотали во тьме.

- Я замерзла, - пожаловалась Лорна, - здесь очень холодно. Давайте спустимся.

- Четверо из миллиардов, - бормотал Мюррей, пока они спускались с башни. - И как нас умудрились пропустить? Не могу вспомнить... почему мы здесь оказались - все четверо?

- Мы ехали... - сказал Кен.

- Да, ночью, - подтвердила Луиза. - А на горизонте появились захватчики - это я помню. Мы проехали пустыню, а потом... - Голос ее дрогнул.

- Я больше ничего не могу вспомнить, - сказала Лорна.

- Да, ничего. Лишь какой-то сон, мрак, пока мы не проснулись.

- Но мы живы - что это значит? Мы живы...

- Предположим, все умерли, - пробормотал Мюррей. - Все-все - только что вымерла целая планета.

- Не надо об этом.

- Нет, только подумай о мертвецах, лежащих повсюду тысячами и миллионами, - должны ли они видеть сны?

- Не надо об этом.

- Нет, но должны ли они видеть сны? Когда никто из живых не может вмешаться, не может подавить их - такая вот новая ситуация, кругом одни мертвецы. Тысячи и тысячи мертвецов, видящих сны в свою последнюю ночь.

Лорна передернулась:

- Кошмар.

- Ну да, - с жаром кивнул Мюррей. - Жуткое дело - и хорошо, что мы здесь, что пустыня защищает нас. Сразу столько мертвецов, беспрепятственно видящих сны! Один сон накладывается на другой, отдельные фрагменты рвут друг друга в клочья! Жуткая последняя ночь для миллиардов мертвецов

Они молчали, представляя себе назойливые голоса - там, по ту сторону гор. "Я был величайшим... я мог бы подчинить себе... мужчины боготворили мою красоту... Я, я был властителем... нет, послушайте меня, меня!"

Все они содрогнулись. Лорна сказала:

- А почему мы идем в эту сторону?

Впереди, на городской площади, рядом со старым железным обелиском лежала перевернутая машина. Капот ее был смят, ветровое стекло выдавлено и разбито, из кабины свешивалось тело.

- Я видел ее с башни, - хмуро заметил Мюррей.

- Давайте не будем подходить ближе.

- Но мы должны, как же ты не понимаешь? Ночь почти кончилась.

По всей улице гасли пурпурные колдовские огни. На востоке все ярче разгорался рассвет.

- Кто-то из нас? - прошептал Кен.

Они потеснее сгруппировались, ежась на холодной заре.

- Но кто?

Они переглянулись. Лорна заметила, что Кен как-то затуманивается, становится полупрозрачным; утренняя звезда просвечивала сквозь его грудь. Заметив пристальный взгляд Лорны, он сгорбил и яростно

выговорил:

- Я реален... это я, я реален! - И он ударил себя в грудь кулаком, но не издал ни звука.

- Все вы мне снитесь, - неуверенно проговорила Лорна. - Я точно знаю. Это наверняка я... Это моя машина, я пыталась скрыться, пересекла пустыню и разбилась здесь. - Но голос ее был тонок, и утренний свет сиял сквозь нее, будто сквозь бумагу.

- Все мертвы? Мертвы? - послышался жалобный голос Мюррея. Как и остальные, он был дымно-серым. Они плыли, их несло к обелиску.

Они слились, окутав тело, распростертое на месте аварии.

- Я был величайшим в мире ученым, - произнес, пропадая, голос Мюррея.

- Я был величайшим боксером, - тоже пропадая, отозвался Кен.

- Я была самой дорогой проституткой... - Слабый голос, затихающий на ветру.

- Я была величайшей певицей... - Шепот, прошелестевший прочь - в безмолвие.

Пропали все четверо. Осталось одно лишь распростертое тело - изящный мертвый юноша - пиджак залит кровью, тонкое лицо обращено к звездам. Последняя пропадающая мысль: ["А я: я был никем"].

ДЭЙМОН НАЙТ ПРИБРЕЖНЫЙ БРОДЯГА

Пер. с англ. М.К. Кондратьев

Максвелл и девушка с изумительным бюстом начали свой уик-энд в четверг, с Венеции. В пятницу они отправились в Париж, суббота была отдана Ницце, а в воскресенье они пресытились. За завтраком девушка, которую звали Алиса, дулась на Максвелла.

- Вернон, давай махнем куда-нибудь еще, - ныла Алиса.

- Непременно, - не слишком любезно отозвался Максвелл.

- А как насчет того, чтобы отвесть букашкиных яиц?

- Ф-фу, - фыркнула Алиса, отталкивая тарелку. - Если когда-то я их и ела, то теперь не желаю. Какой ты несносный по утрам!

Ей действительно были поданы яйца насекомых, правда, в меню они значились как oeufs Procyon Thibault, и три небольших коричневых шарика размером с фасолину стоили примерно в тысячу раз больше таившейся в них питательной ценности. Министерство Информации Североамериканского Союза неплохо платило Максвеллу за сценарии - он заправлял целой бандой комиков из шести человек в телешоу "Космический коктейль", - но все же и он постепенно начинал звереть, задумываясь о том, во что обойдутся эти пять дней для его бюджета.

С виду Максвелл был невысоким крепышом, довольно симпатичным, если не считать слегка выпученных глаз. Когда он поднимал брови - а в разговоре такое случалось постоянно, - его загорелый лоб бороздили похожие на гармошку морщинки. Некоторые девушки находили это привлекательным; остальных же обычно впечатляли изящные складки его туники ручной отделки и пояс в сорок кредиток. Правда, у Максвелла было подозрение, что Алиса, чья наиболее выдающаяся особенность была упомянута выше, принадлежала к последним.

- И куда бы ты хотела отправиться? - вяло поинтересовался Максвелл. Их дымящийся и ароматный кофе уже приблизился по конвейерной ленте, и теперь он угрюмо потягивал его. - Хочешь, сгоняем в Алжир? Или в какой-нибудь Стокгольм?

- Нет. - Алиса помотала головой. Она подняла длинную белую руку, убирая со лба медового цвета прядь. - Ты не понял, о чем я говорю. Я

имела в виду - давай махнем куда-нибудь на другую планету.

Максвелл слегка поперхнулся и расплескал кофе по столу.

- В Европе, конечно, ничего, - с пренебрежением протянула Алиса, - только все тут становится... ну прямо как в Чикаго. Давай хоть раз махнем в какое-нибудь особенное местечко.

- И вернемся к завтрашнему утру? - спросил Максвелл. - Даже до Проксимы лететь десять часов - нам хватит времени только на то, чтобы сгонять на лайнере туда и обратно.

Алиса опустила свои длинные ресницы, решив на этот раз быть и соблазнительной и сердитой одновременно. "Если учесть, что сейчас десять утра, - подумал Максвелл, - то у нее здорово получается".

- Ты что, не можешь послать подальше этот понедельник? - осведомилась она.

Команда Максвелла работала, на две недели опережая план; правда, по возвращении ему придется слегка засучить рукава. Что за черт - почему бы в самом деле не сказаться больным до вторника или среды?

Ресницы Алисы снова приподнялись - достаточно медленно для одного быстрого, уверенного взгляда в глаза Максвеллу. Затем в уголках ее глаз появились едва заметные лучики морщинок, и она одарила его своей улыбкой № 1.

- Вот за это. Верни, я тебя и люблю, - удовлетворенно заметила она.

На межзвездном лайнере они добрались до четвертой планеты Гаммы Рака, центрального космопорта системы, а затем пересели на корабль, отправлявшийся на третью планету. Она была почти неосвоенной, не считая сотни городов у экватора и нескольких рудников и плантаций в умеренных зонах. Все остальное представляло собой самую настоящую девственную природу. Максвелл слышал об этом в министерстве; ему также рекомендовали отправляться туда в пределах ближайшего года, если он вообще соберется, а потом туристов на ней будет не меньше, чем на второй планете системы Проксимы.

Природа и в самом деле оправдывала столь дальнее путешествие. Удобно рассевшись во взятых напрокат аэроскутерах с солнцезащитными экранами, умерившими жгучий жар Гаммы Рака, раздевшись до футболок и шорт. Максвелл с девушкой могли крутить головами куда угодно - и повсюду наткаться лишь на тысячи квадратных миль роскошной сине-зеленой листвы.

В двух сотнях футов под ними раскачивались на ветру макушки гигантских древовидных папоротников. Аэроскутеры следовали вдоль цепи невысоких гор, разрезавших континент на две части; невысокие деревья устилали подножие горного хребта, изредка обнажая участки красно-коричневого подлеска, и дальше взгляд тонул в сплошном сине-зеленом море, становившемся синее и мглистее у горизонта. Неведомое существо неторопливо двигалось в ясном, украшенном редкими пятнышками кучевых облаков небе - возможно, всего в полумиле от них. Максвелл навел на него бинокль: похоже, какое-то насекомое - нелепый ромб с шестью парами крыльев; толком он так и не смог разобрать. Внизу, где-то неподалеку, он услышал хриплый рев - и немедленно бросил взгляд туда, рассчитывая увидеть одного из хищных зверей; но волнистое море листвы тянулось непрерывно.

Заметив, что Алиса задыхалась полной грудью. Максвелл усмехнулся. Лицо ее блестело от пота, а глаза - от удовольствия.

- Куда теперь? - спросил он. Девушка вглядывалась вправо - в серебристый отсвет у самого горизонта.

- А там что, море? - спросила она. - Давай слетаем туда и подыщем чудненький пляжик для ленча.

Никаких чудненьких пляжиков там не оказалось - все побережье вместо песка было завалено крупной галькой; но Алиса без конца настаивала поискать еще. После каждого неудачного снижения они поднимались до двух тысяч футов, окидывая взглядом береговую линию. Наконец во время очередного подъема Алиса указала пальчиком вперед и прошептала:

- Вон, чудесное местечко. Ой! Там кто-то есть. Максвелл взглянул туда и заметил двигающуюся вдоль берега крошечную фигурку.

- Может, кто-то из знакомых, - предположил он и навел бинокль. Он увидел широкую голую спину, темную на фоне серебристого моря. Человек то и дело наклонялся, выискивая что-то на берегу. Фигура выпрямилась, и Максвелл разглядел блестящую гриву светлых волос, а затем, когда мужчина повернулся, величественный нос и подбородок.

- О-ля-ля, - произнес Максвелл, опуская бинокль. Алиса долго не могла оторваться от своего бинокля.

- Разве он не прелесть? - выдохнула она. - Ты его знаешь?

- Да, - ответил Максвелл. - Это Бродяга. Я пару раз с ним беседовал. Лучше его не беспокоить.

Алиса так и прилипла к биноклю.

- Честное слово, - пробормотала она, - никогда не видела такого...

Смотри, Верни, он нам машет.

Максвелл снова взглянул. Лицо Бродяги было обращено к ним. Пока Максвелл смотрел, губы мужчины двигались, вне сомнения произнося его имя.

Максвелл сократил расстояние и увидел, что Бродяга действительно машет рукой. Он также разглядел то, чего поначалу не заметил: мужчина был совершенно гол.

- Он узнал меня, - сокрушенно произнес Максвелл. - Теперь нам придется сесть.

Наконец Алиса оторвалась от бинокля.

- Глупости, - возразила она. - Как он мог разглядеть нас на таком расстоянии?

Максвелл помахал рукой и пробормотал:

- Сейчас-сейчас. Хоть бы штаны надел, черт тебя дери. - Затем ответил Алисе: - Он еще и не такое может. Говорю тебе - это Бродяга.

Они стали спускаться по пологой наклонной, а маленькая фигурка внизу тем временем двигалась в сторону джунглей.

- Кто-кто? - переспросила Алиса, снова прилипнув к биноклю.

- Смотри, куда рулишь, - заметил Максвелл тоном несколько излишне резким.

- Извини. Так кто он, дорогой?

- Прибрежный Бродяга. Человек из будущего. Ты что, за пять лет ни разу не удосужилась посмотреть последние известия?

- Я ловлю только спорт и моду, - рассеянно ответила Алиса. Затем ее ротик вдруг округлился. - Боже мой! Тот самый, который...

- Именно, - подтвердил Максвелл. - Тот самый, кто дал нам безынерционный ход, поле антитрения, математический аппарат для решения задачи о трех телах и около тысячи разных других штучек. Парень из трехмиллионного года в будущем. И он же, вероятно, самый одинокий человек во всем мироздании. Теперь я начинаю думать, что пять лет назад он появился именно на этой планете. И вероятно, большую часть времени проводит здесь.

- Но почему? - спросила Алиса. Она все еще смотрела в сторону крохотного пляжа, который был теперь пуст. В лице ее ясно читалось, что Бродяга мог бы найти себе лучшее применение.

Максвелл фыркнул.

- А читала ты когда-нибудь... - Тут он вспомнил, что Алиса скорее всего никогда ничего не читала, и поправился: - Ты смотрела когда-нибудь старке фильмы о Южных морях? Слышала о цивилизованных людях, "вернувшихся к природе" или ставших прибрежными бродягами?

- Да, - несколько неуверенно подтвердила Алиса.

- Прекрасно, тогда представь себе человека, заброшенного во вселенную, полную дикарей - быть может, симпатичных и безвредных дикарей, но все же людей, отстоящих на три миллиона лет от его культуры. Что он в таком случае будет делать?

- Возвратится к природе, - отозвалась Алиса, - или начнет

прочесывать берега.

- То-то и оно, - сказал ей Максвелл. - Две его единственные альтернативы. Причем, с его точки зрения, одна немногим лучше другой. Подчиниться законам природы, обустроиться, жениться, лишиться всего, что делает его цивилизованным человеком, - или просто отправиться к черту.

- Этим он и занимается?

- Точно.

- Хорошо, а [зачем] он прочесывает эти берега?

Максвелл нахмурился:

- Не будь идиоткой. На этих конкретных берегах ему делать нечего; просто его занесло сюда. Потому он и Прибрежный Бродяга, что живет как бич - ничего не делая, ни с кем не встречаясь, слоняется без дела в ожидании старости и смерти.

- Это ужасно, - скривилась Алиса. - Такая... гадость.

- Что поделать, - сухо отозвался Максвелл. - Есть только одно место, где Бродяга мог бы быть счастливым - через три миллиона лет в будущем, - а туда он вернуться не может. Бродяга говорит, что места, куда можно было бы вернуться, вообще не существует. Я не понимаю, что он имеет в виду; а сам он, судя по всему, объяснить этого не может.

Бродяга неподвижно стоял у опушки леса, пока их скутер садился на камедистый берег. На Бродяге были заляпанные, потрепанные штаны из пластика - и ничего больше: ни шляпы, чтобы защитить его величественную голову с могучим лбом, ни сандалий на ногах - и никакого снаряжения, даже ножа на поясе. А Максвелл знал, что в джунглях водились людоеды, которые могли мигом слопать человека, вышедшего за пределы силового поля скутера. Впрочем, зная Бродягу, он ничему не удивлялся. Удивилась ли Алиса, определить было сложно. Она лишь пожирала Бродягу глазами, пока он подходил к ним.

Максвелл, чертыхаясь про себя, отключил силовое поле своего скутера и вылез наружу. То же самое сделала и Алиса. "Остается только надеяться, что она удержится от изнасилования", - промелькнуло в голове Максвелла.

- Как дела, Даи?

- Нормально, - ответил Бродяга. На близком расстоянии он не только впечатлял, но и вызывал страх. Бродяга стоял, выпрямившись во все свои семь с лишним футов, и в каждой линии его тела чувствовалась невероятная сила. Больше всего впечатляли глаза в них, как у орла, таилось нечто странное, недоступное. И хотя сам Даи был неизменно доброжелателен в общении и успешно влился в новую для него среду, однако любой нормальный взрослый человек чувствовал себя рядом с ним несмысленным ребенком.

- Даи, познакомься - Алиса Цверлинг.

Бродяга ответил на это представление с непринужденной учтивостью; Алиса же так и хлопала своими неотразимыми ресницами.

Пока они шли к воде, Алиса умудрилась весьма правдоподобно споткнуться и для поддержки положить руку под локоть гиганту. Тот небрежно поднял девушку, одновременно слегка подтолкнув ее, после чего она оказалась на шаг-другой впереди них, и как ни в чем не бывало продолжил разговор с Максвеллом.

Они сели у воды, и Даи понемногу выкачал из Максвелла все последние земные новости. Бродяга проявлял живой интерес; Максвелл не знал, насколько он искренен, но на всякий случай излагал все старательно и подробно.

Вскоре в монологе Максвелла образовалась пауза, и, воспользовавшись ею, Алиса старательно откашлялась. Оба мужчины обратили к ней учтивые взгляды. Алиса спросила:

- Даи, а правда здесь в джунглях водятся животные-людоеды? Мы еще ни одного не видели. И... - Заинтересованный взгляд девушки пробежался по гладкому обнаженному торсу Бродяги, и Алиса очень мило покраснела. - Я хочу сказать... - добавила она и снова запнулась.

- Конечно, здесь их множество, - ответил Бродяга - Но мне они не

слишком докучают.

- Вы хотите сказать, - продолжала допытываться Алиса с видом самым серьезным, - что вам это ничуть не страшно?

- Именно.

- А могли бы вы защитить кого-нибудь, кто оказался бы с вами?

- Полагаю, да.

Алиса излучала улыбку.

- Ах, даже не верится. Перед тем как мы вас заметили, я как раз говорила Вернону, что нет ничего романтичнее прогулки по джунглям. Посмотреть на диких животных и всякое такое. Вы бы не согласились сопровождать меня, Даи? А Верной тем временем может присмотреть за скутерами - ты ведь не будешь возражать, Верной?

Максвелл собрался было ответить, но Бродяга опередил его.

- Уверяю вас, мисс Цверлинг, - неторопливо произнес он, - это будет пустой тратой времени - и вашего и моего.

- Что вы имеете в виду? - вспыхнула Алиса.

Даи серьезно посмотрел на нее.

- Я дикарь только с виду, - медленно проговорил Бродяга. - В компании женщин я всегда ношу брюки. - Он с выражением повторил: - [Всегда].

Губы Алисы вдруг сделались твердыми и тонкими, а кожа вокруг них побелела. Глаза ее сверкали. Она хотела ответить Бродяге, но слова застряли у нее в горле. Тогда Алиса повернулась к Максвеллу:

- Думаю, нам лучше уйти.

- Мы только-только пришли, - мягко проговорил он. - Подожди где-нибудь рядом.

Алиса вскочила:

- Так ты идешь?

- Не-а, - покачал головой Максвелл.

Не сказав больше ни слова, она повернулась, решительно прошла к своему скутеру, залезла туда и упорхнула прочь. Они проводили ее глазами - крошечную сверкающую точку, что мелькнула в небе и исчезла за горизонтом.

Максвелл несколько неуверенно усмехнулся и перевел взгляд на Бродягу.

- Она получила, что причиталось, - заметил Максвелл. - Дорогу найдет сама - обратный билет у нее есть. - Он встал на ноги. - Пожалуй, пойду, Даи. Рад был...

- Подожди немного, Верн, - заговорил гигант. - Я не так часто вижусь с людьми. - Он задумчиво водил взглядом по воде. - Надеюсь, я не лишил тебя чего-то особенного?

- Ничего особенного, - ответил Максвелл. - Всего лишь моей нынешней возлюбленной.

Гигант повернулся и внимательно посмотрел на него, чуть нахмурясь.

- И черт с ней, - с отвращением проговорил Максвелл. - Камушков на берегу хватает.

- Не смей так говорить! - Гнев на мгновение исказил лицо Бродяги. Он резко взмахнул рукой по воздуху, будто саблей. Неведомая сила ударила и опрокинула Максвелла, едва не вышибив из него дух.

Верной упал на песок, глаза его выпучились самыми дурацким образом.

- Ооохх... - выдохнул он.

В глазах Бродяги светились боль и раскаяние.

- Прости меня, - вымолвил он. Он помог Максвеллу сесть. - Я редко так забываюсь. Ты простишь меня?

Максвелл едва дышал.

- Не знаю, - с трудом проговорил Максвелл. - Зачем ты это сделал?

Солнечный свет головокружительно сиял на непокрытой голове Бродяги. Глаза его скрывали глубокие тени - и эти же тени очерчивали впечатляющие линии его носа, отмечали четкие, резкие линии его рта.

- Я обидел тебя. - Бродяга помедлил. - Я все объясню, Максвелл, но

при одном условии - никогда и никому об этом не рассказывай.

Он положил свою большую руку Максвеллу на запястье, и Максвелл почувствовал исходящую от него энергию.

- Хорошо?

- Хорошо, - пробормотал Максвелл. В нем бурлила странная смесь чувств: гнева и обиды, любопытства и чего-то еще, глубоко-глубоко, - какого-то смутного, невнятного страха.

Бродяга заговорил. Через минуту он словно забыл о существовании Максвелла. Он пристально вглядывался в серебристое море, а Максвелл, загипнотизированный глубоким, звучным голосом, молча созерцал ястребиный профиль Бродяги.

И сквозь неведомую мглу ему виделась вселенная, о которой рассказывал Бродяга, населенная свободными людьми. За эту невообразимую пропасть времени, отделявшую их от эпохи, в которой жил Максвелл, они очистились от всех человеческих слабостей. Максвелл видел, как люди будущего странствуют от звезды до звезды, чувствуя себя в безжалостной пустоте так же непринужденно, как и на утопающих в зелени планетах. Он видел, как они высоки, безупречны и сильны - красивые мужчины и прелестные женщины, и каждый из них обладал той энергией, что горела в Бродяге, только без всякой примеси его печали. Если они были ангелами, то он скорее Люцифером.

Максвелл попытался представить себе повседневный быт таких людей - и не смог; три миллиона лет находились за пределами его понимания. Однако, взглянув в лицо Бродяги, он понял, что те, последние люди были такими же человеческими существами, как и он сам, - способными на любовь и ненависть, радость и отчаяние.

- У нас существовали брачные обычаи, которые наверняка покажутся тебе странными, - немного погодя сказал Бродяга. - Как у слонов - ведь мы были долгожителями. Мы ценились поздно - и на всю жизнь. Как раз приближалось время моей женитьбы, когда мы обнаружили врага.

- Врага? - переспросил Максвелл. - Но... вы же являлись господствующей формой жизни во вселенной?

- Верно. Все, что существовало в этом космосе, было нашим. Но враг пришел не из этой вселенной.

- Из другого измерения? Бродяга выглядел озадаченным.

- Из другого... - начал он и запнулся. - Мне казалось, я смогу как-то лучше выразить это на вашем языке, но не получается. Измерение - не то слово... скорее из другой временной линии; так немного ближе.

- Другая вселенная, подобная вашей и сосуществующая с ней, - предположил Максвелл.

- Нет... не такая, как наша, совсем не такая. Разные законы, разные... - Он снова запнулся.

- Ладно, а можешь ты описать вашего врага?

- Омерзительная тварь, - решительно ответил Бродяга. - В течение тысячелетий мы искали другие... как ты называешь, измерения, и они стали первой разумной расой, которую нам удалось обнаружить. Мы возненавидели их с первого взгляда. - Он помедлил. - Если их нарисовать, получится что-то вроде маленьких колючих цилиндров. Но картина не может всего передать. А описать я не могу. - Лицо Бродяги исказила гримаса отвращения.

- Продолжай, - сказал Максвелл. - Что произошло? Они напали на вас?

- Нет. Мы попытались их уничтожить. Мы разбили кристаллические паутины, которые они построили между своими мирами; мы взорвали их солнца. Но все же более четверти из них выжило после нашей первой атаки, и тогда мы поняли, что потерпели поражение. Они были не менее могущественны, чем мы, а в чем-то даже превосходили...

- Погоди, я что-то не понимаю, - перебил Максвелл. - Вы сами напали на них? Стерли в порошок только из антипатии?

- Мы никогда не стали бы жить в мире с этими... - сказал Бродяга. - Просто нам посчастливилось обнаружить их первыми.

Максвелл задумался. А что сказал бы неискушенный островитянин Южных морей о первой атомной войне? Понятное дело, мораль одного общества неприменима к другому. И все же... Неужели сородичи Бродяги, потомки самого Максвелла, люди, исполненные счастья и совершенства, по-прежнему несли пятно греха ветхозаветного Адама? И каким образом они оказались господствующей формой жизни в целой вселенной? Устранив остальных претендентов?

Максвелл понимал, что он здесь не судья; но тяжелое чувство по-прежнему не покидало его сердце. Он спросил:

- И что потом? Они ответили ударом на удар?

- Да. У нас оставалось время подготовиться к контрудару, но против этого оружия нельзя было найти защиту. - Он заметил кривую улыбку Максвелла. - Нет, это почище планетоломов; от них есть защита - вы просто еще не обнаружили ее. Инопланетяне вознамерились уничтожить нашу вселенную - всю до последнего кванта, - вычеркнуть ее из числа таковых, сделать на ее месте пустоту.

- И что? - спросил Максвелл. Он начинал понимать, почему история Бродяги до сих пор оставалась недоступной для общества. Было здесь какое-то роковое ощущение, которое непременно наложило бы свой отпечаток на все человеческие поступки. Узнав ее, люди стали бы жить в предчувствии неизбежного краха, как представители умирающей цивилизации. Хотя... подлинный фатализм свойствен каждой умирающей культуре.

- Нам оставалось одно, - продолжал Бродяга. - В тот самый миг, когда их оружие должно было сработать, мы перенесли нашу вселенную на три миллиона лет назад по ее собственной временной линии. Она бы исчезла - так, как если бы в самом деле была уничтожена. Затем мы смогли бы вернуться, но уже по другой временной линии, поскольку на нашей первоначальной временной линии не могло произойти ничего другого. Изменение прошлого влечет изменение будущего - теория, тебе известная.

- Значит, вы опоздали? Ты перебрался, а все остальные погибли?

- Выбор времени был идеален, - сказал Бродяга. - Как и предварительные расчеты. Существует естественный предел расстояния во времени, на которое может переместиться любая масса. Три миллиона лет. Лучше бы наш план сорвался. Тогда я мог бы вернуться...

Бродяга замолчал, лицо его помрачнело.

- Рассказать осталось не так много, - продолжил он через минуту. - Получилось так, что для исполнения плана выбрали меня. Великая честь выпала на мою долю, но принять ее было нелегко. Тем более я собирался жениться. Случись что-то не так, и мы оказались бы разделены навсегда... Мы не смогли бы даже умереть вместе. Но я согласился. У нас оставался всего один день перед разлукой, а затем я установил поля и стал ждать атаки. Всего за одну микросекунду до ответного удара я высвободил энергию... а в следующее мгновение уже падал в океан - вон туда.

Бродяга повернул к Максвеллу искаженное страданием лицо.

- Произошло худшее! - воскликнул он. - Можешь убедиться сам - что значит отыскать один нужный камушек на всех побережьях этой планеты.

- Ничего не понимаю, - признался Максвелл. - А как же вселенная?

Бродяга махнул рукой:

- Мы не могли вернуть нашу вселенную в прежнее пространство. Она находилась в стагнe - вся, за исключением мельчайшей своей части, - вне этой временной линии. Была оставлена лишь некая крохотная модель такой огромной вселенной. - Он развел большой и указательный палец. - Всего лишь камушек.

Разинув рот, Максвелл уставился на гиганта.

- Уж не хочешь ли ты сказать...

- О да, - вздохнул Прибрежный Бродяга. - Я приземлился примерно в двадцати милях от берега пять лет тому назад.

Он устремил взгляд куда-то в море, в то время как пальцы его нервно ощупывали камушки у ног.

- И, ударившись о воду, - сказал он, - я выронил его.

